Библиотека российского политического объединения «Рабочий»

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ НА УРАЛЕ

БОРИС ИХЛОВ

САМИЗДАТ. ПЕРМЬ, 1994

УДК 93/99

Очерки представляют собой описание событий времени крушения СССР. Дана критика различных политический организаций России и мира. В книге переплетены эпизоды рабочего движения, фрагменты неформального движения и философские размышления. Наиболее острый вопрос – о взаимоотношении класса и партии. Книга для людей незаинтересованных нелегка для чтения. Но в ней трижды эксклюзивный материал: по местным источникам, недоступным широкому читателю, по инсайдерской информации о событиях, кроме того, автор – сам участник этих событий и их организатор.

Ихлов Борис Лазаревич, физик-теоретик, публицист, журналист, политик
Адрес: 614017 Пермь ул. Макаренко, 10а – 51.
Тел. 8-919-45-40-358
boris.ichlov@gmail.com
Борис Ихлов

Содержание

Предисловие……...4
От многопартийности - к самоорганизации рабочих…….....5
Преданность революции (марксистские рабочие организации.....……19
Рынок социалистов……..23
Конфедерация Труда – НПГ……...23
Союз трудовых коллективов……..31
Медленным шагом (в провинции)……35
Характеристика Перми……...38
Надежды на диалектику. Предприятия, Советы микрорайонов,
областной Совет……..47
Власть денег или овладение частной собственностью?.....54
Попытки выйти за пределы одного предприятия……54
Пример постановки практической задачи……65
Диалектика диалектики (критика партийного строительства)……...76

Предисловие

История публикации данной книги, моей первой книги – безобразна. Сначала я не удосужился проверить, что перепечатывали с моего машинописного оригинала безграмотные машинистки института «ПермьНИПИнефть». Они коверкали не только фамилии, названия учреждений, организаций, но выбрасывали куски предложений, предложения, фразы и даже страницы. После всех обысков, которые были у меня в квартире, после кражи спецслужбами моего компьютера у меня осталась половина работы, и только в электронном виде. С трудом мне удалось найти в интернете полный текст, но и там оказалась масса купюр, существенных искажений, грубых ошибок. Что-то мне удалось восстановить по памяти. Но насколько я могу вспомнить 1994 год, из книги выпала целая глава. Поскольку у меня есть дурная привычка выбрасывать архивы по мере написания текста, ясно, что она невосстановима. Поэтому я приношу извинения у тех, к кому попала моя книга в раздербаненном бумажном варианте, и тех, кто ранее читал ее искаженный вариант в интернете.

Борис Ихлов, февраль 2013

ОТ МНОГОПАРТИЙНОСТИ – К САМООРГАНИЗАЦИИ РАБОЧИХ

Процесс «перестройки» следует рассматривать не только как легализацию буржуазных интересов элиты КПСС, но и как сопротивление начинавшимся социалистическим преобразованиям 80-х. Имеется в виду введение сверху СТК, и снизу - образование территориальных советов микрорайонов.
Как известно, развитие капитализма определяется тем, насколько наука стала производительной силой (Маркс). Каковы структурные изменения, происшедшие в рабочем классе СССР? При оценке мы должны учесть длительно сдерживаемую урбанизацию (отсутствие паспортов у жителей села), которая. кстати, предопределила возникновение широкой основы для взрывной легализации капитализма в СССР.
Так, в довоенный период около 40% населения составило городское население и более 60% - сельское. В первое послевоенное время в городе проживает уже более 60%, а в 1977 году по данным БСЭ на селе осталось 18% населения. Хотя статистические справочники 80-х годов упорно повторяют цифру 34%, но нельзя обойти тот факт, что после введения Хрущевым паспортов для деревни состав населения изменился скачком: люди бежали в город от непосильно, грубого труда к тем продуктам, которые центры отбирали у провинций. Структурные и качественные изменения группы наемных работников можно проследить по следующей таблице.

Год	1959	1970	1979	1987
Кол-во рабочих, %	50,2	57,4	60,0	61,8
Доля высшего образования у рабочих во всеобщ. грубо, %	10	16,1	15	16,6
Кол-во рабочих с высшим образованием на 1000 рабочих	49	95	115	144

Таблица получена из данных Госкомстата СССР: «Народное хозяйство в СССР в 1987 г.», а также из анализа этих данных.
Необходимо отметить, что данные справочников, а также социальные слои населения, описываемые ими, настолько хорошо перемешаны, что существует принципиальная невозможность проследить по ним какую-либо динамику, за исключением той, которую заказывал управленческий аппарат. Поэтому аналитические данные носят приближенный характер. Но, несмотря на грубость результатов, по ним можно с уверенностью говорить о скачкообразных изменениях как в количестве рабочих за период с 1970-го по 1979 годы, так и в количестве имеющих высшее образование в среде рабочих. Последнее необходимо связать не только со скачком в количестве обучающихся в ВУЗах: в 1960/61 гг. – 2 ,4 млн. чел., в 70/71 – 4,6, в 80/81 – 5,2 («СССР в цифрах», 1983).

Т.е. деньги были пожертвованы Хрущевым за десятилетие до скачка, направлены на долгосрочные интересы, преобладание которых и указывает на развитость капитализма, во всяком случае, развитость управляющей группы, как «авангарда».
Однако долгосрочные интересы оказались нереализованными. Зарплата младшего научного сотрудника (мнс) или ассистента исследовательского института и кафедры соответственно составляла в конце 70-х 120 –140 рублей, в то время как средняя по стране зарплата рабочего – 216 р. Ясно, что второй причиной пополнения рабочих мест заводов - теперь уже закончившими ВУЗ – стала разница в зарплате. Эта же разница явилась тормозом для дальнейшего роста органического строения капитала, а следовательно, и роста реальной (а не фиктивной) концентрации труда. Такое перераспределение капитала от долгосрочных планов к краткосрочным послужило временной мерой для организации социального спокойствия на промышленных предприятиях, т.е. в качестве подачки с одной стороны, и для разобщения рабочих и тех ИТР, которые не имеют рабочих в подчинении. Заниженная в сравнении с рабочими зарплата ИТР – характерная черта всех стран СЭВ.

Очевидно, что многие ИТР с высшим образованием переходили на должности рабочих в виду более высокой зарплаты. Но также ясно, что в хрущевский период партийно-ведомственно-исполкомовский собственник был уже не в состоянии управлять старыми методами, он вынужден был открывать доступ к производственной информации для рядовых рабочих в СТК, и далее, далее – к политической информации для широких слоев населения. Мир узнал о Медунове, директоре Елисеевского гастронома, о Щелокове, о Галине Брежневой, о Чурбанове.
Рост промышленности увеличивал количество общественных связей, следовательно, вовлекал в управление производителей, вызывал их к активности. Для того, чтобы вытолкнуть их из системы связей (сохранить за собой право собственника на управление), чтобы опосредовать собой экономические связи, аппарат должен был расти. К середине 80-х количество управленцев достигло 19 млн. чел., что примерно совпадало с количеством членов КПСС. Резкий перелив сельского населения в город скачком увеличил сферу низкоквалифицированного труда (сфера обслуживания), к 1977 г. она составила 22,5% от всех занятых (БСЭ). Избыточное городское население обеспечило возможность увеличения аппарата. Однако очевидно, что опосредование связей номенклатурой, то есть, их обеднение, не может продолжаться до бесконечности – элите все же нужно остаться элитой, а не распространиться – по заветам Ильича - на все общество.

В 1962-м были подавлены выступления рабочих в Грозном, Новочеркасске, Муроме и других городах. Эти события вряд ли объяснимы простым повышением цен на масло и мясо – в большинстве городов сохранялось спокойствие. То есть, это были одиночные выступления, вызванные именно подъемом производства (производительных сил) – при Хрущеве состоялся экономический взлет. Были ли они спровоцированы частичной демократизацией? Вряд ли, т.к. восстания были и до нее, и после. Показательно, что поводом для новочеркасских событий послужило всего-навсего хамство местной бюрократии. Т.е. возросшие производительные силы были обескуражены физиономией государственного аппарата.

На заре перестройки одному белорусскому рабочему дали возможность высказаться по радио: «Говорят, что рабочие сегодня ко всему равнодушны. Рабочие не пассивны, просто их активность регулярно подавлялась». Это не так, если сравнить с Западом – рабочие в СССР жили в условиях сталинского патернализма, их забастовочная активность при карманных профсоюзах фактически была равна нулю.

Признаки приближения спада появились позже, на излете эпохи Брежнева.. Ленин писал, что плановое хозяйство не уничтожает автономию, наоборот, план существует только за счет автономии. Абсолютизация плана переводит план в свою противоположность – анархию производства. Опосредование элитой всех хозяйственных связей отсекает активность снизу, принятие самостоятельных хозяйственных решений. Светлана Аллилуева в своих мемуарах отмечает маленькую особенность характера Сталина: в саду он любил отсекать с кустов лишние, выбивающиеся ветки. Если в послевоенный период в производстве наблюдался резкий взлет, в первую очередь, за счет притока рабочей силы, а с 60-го по 75-й год – скачкообразный рост, до с 75-го по 82-й год в некоторых отраслях начинается не только снижение темпов роста, но и просто сокращение выпуска продукции.

Год	1950	1960	1975	1980	1982
Млрд. кВт х ч	91,2	~292	1038,6	1294,0	1366
Сталь млн т	27,3	65,3	141	148	147
Металлорежущие станки тыс. шт.	70,6	156	231	216	195
Автомобили тыс. шт.	294,4	~415	696,0	787	780

Для начала еще раз отметим резкий, скачкообразный подъем промышленности за годы правления Хрущева. Представьте, каков бы был рост промышленности в СССР, если бы Сталина, Берию и прочих вовремя расстреляли.

Спад темпов в 80-е четко отмечается и в добыче нефти, и добыче угля. Далее, в 80-е обозначился спад производства линий АСУ, вычислительной техники. Данные взяты из справочниках Госкомстата «Народное хозяйство СССР в 1987 г.» и «Мир социализма в цифрах и фактах 1982» (М., Политиздат, 1983). Аппроксимации соответствуют справочнику, т.е. качественных изменений в политике Брежнева нет. Резкий скачок в энерговооруженности труда с 70-го по 80-й год сменился незначительным ростом, т.е. также снизились темпы роста («СССР в цифрах в 1983 году»).
Пикантная деталь: если андроповский справочник дает снижение темпов роста («Мир социализма…», издан в 1983-м), то изданный в 1984-м «СССР в цифрах в 1983 году» показывает значительные темпы роста даже за 3 года с 1980-го по 1983-й (стр.90).
Можно ли доверять этим данным, учитывая, что реформы состоялись в интересах партийной верхушки? Скажем точно: спад темпов роста ПРИ РОСТЕ производства.

Вряд ли Андропова можно обвинить в демократизме или в понимании хозяйственной работы, достаточно вспомнить подавление волнений в Орджоникидзе, продолжение хрущевско-брежневского распахивания нечерноземья. Но лучше всего преемственность методов управления характеризует выступление Андропова сразу после прихода к власти. Он заявил («Известия», 1983), что народу не нужно всякие самозванцы, которые выступают от имени народа.
Если программные установки, которые провозгласил Брежнев на 24 Съезде КПСС, в точности соответствовали декларациям Горбачева, то Андропов не просто предложил «начать с себя» (Горбачев), он хотел заставить это сделать, отлавливая с помощью милиции прохожих, которые должны были находиться на рабочем месте.

Итак, расширение производства позволило вложить деньги в НИОКР, фундаментальные исследования и обеспечить резкий рост в 70-е число учащихся вузов с дальнейшим скачком количества научных сотрудников. Именно из этой среды, а не из «пены перестройки», появились те «самозванцы», которые затем перестройка и подавила – вместе с начинавшимся рабочим движением.
«Интеллигенция потому и называется интеллигенцией, - писал Ленин в 1903 году, - что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе» («Задачи революционной молодежи»).
Как многие относятся романтически к рабочему классу, так Ленин, очевидно, во многом романтически относился в 1903 году к интеллигенции, и лишь позднее вынужден был объяснить резкость своих нападок на своих же друзей – потому, писал Ленин, что практика, что представляют на деле эти люди и как они сами первыми оскаливают зубы.

Так или иначе, но интеллигенция возмутилась первой не только в России. В 1968-м году в Париже первыми были студенты, и лишь позже их выступления были подхвачены рабочими.
Какие причины вытолкнули из теплой научной среды, от собственного диссертационного хуторка приличное количество интеллигентов? Во время вызовов к представителю КГБ в МГУ проскочила такая информация: к ноябрю 1987 года насчитывалось более 30 тыс. неформальных организаций. Справочник «Партии, ассоциации, союзы, клубы», (изд. «РАУ Пресс», М.,1991) приводит более 1000 организаций.

Снижение темпов роста производства привело к перепроизводству научных кадров. Если в былые годы деньги вкладывали в развитие ядерной физики, то уже в 70-е годы физический факультет Пермского университета распределял, в основном, на учительскую работу в деревню. Специальность «радиофизика» деградировала в «специализацию», электронщикам так же стала угрожать школа. Ввели преподавание педагогики и психологии. Фундаментальные исследования в ПГУ так и не появились.
Для защиты кандидатской диссертации в провинции требуется не менее 10 публикаций, в столице – можно и с тремя. Были случаи, когда работавшие в провинции приезжали в Москву для защиты с 45-ю публикациями и им отказывали.
Для публикации в столичном журнале требуется блат. Если его нет – участь работ любого научного достоинства – так называемые «братские могилы», вузовские сборники, которыми интересуется разве что ЦРУ. Устоялась практика «доения»: доцент, зав.кафедрой «доят» студентов, ассистентов,

аспирантов, завлабы – младших научных сотрудников, инженеров.

То есть, труд научного работника оказывался невостребованным, а его достижения – нереализованными. Это касается и прикладных исследований: внедрение изобретения затухает на 3% предприятий (если сравнить со США, то там внедряется до 10% изобретений). Отсталые технологии и оборудование не дают возможности НИОКР опуститься на какую-либо промышленную базу. (Справочные цифры о неуклонной смене оборудования вряд ли соответствуют действительности: на заводе им. Ленина в Перми рядом с современным оборудованием станки 1913 года. Паровозоремонтный завод в г. Верещагино Пермской области «укомплектован» рельсой, по которой передвигается вручную чан с расплавленным металлом, который вручную же заливается в форме. Французский инженер, побывавший на военных предприятиях Москвы и Воронежа, отмечает то же самое). Отставание технологической базы от научных разработок делает высшую школу нерентабельной. Между тем в США доллар, вложенный в прикладные исследования, дает 4 доллара среднегодовой прибыли, а вложенный в фундаментальные – 10.
Работа программиста обречена, как правило, на продажу на Запад, компьютерная техника – на игру в шахматы в кабинете директора. В последнее время даже в таком богатом химической промышленностью городе, как Пермь, специалисты-химики шли из университета в институты с отсталой технологической базой.
Маленький штрих: специалистам университета» были «не нужны» простейшие квантово-химические исследования вплоть до последнего времени. Более того, не востребованы даже работы в гуманитарной области. Пермский поэт Виталий Кальпиди сожалеет о том, что простые люди, не имеющие филологического образования, не понимают сложные современные стихи. Пастернак впервые оценен на Западе. Однако хорошим писателям хуже – если компьютерная программа может работать на американском предприятии, то русская книга вряд ли разойдется в американских киосках.

Вместо того, чтобы начать менять технологическую базу, делать труд рабочего более квалифицированным и снижать продолжительность рабочего дня, власти регулярно подавляли научные, в первую очередь, фундаментальные научные исследования. Гнетик Тимофеев-Ресовский. вместе с Вавиловым претерпел Лысенко, в 1956 году журнал «Техника молодежи» печатал, что «кибернетика – это реакционная лженаука, льющая воду на мельницу разнузданной империалистической пропаганде», а квантовую механику едва ли не «прикрыли». В 70-е – 80-е на внедрение СКВИДов и медицинской аппаратуры, напр., центрифуги для анализа мочи в Перми, например, попросту не хватало политического желания. В обкоме КПСС заявили: это народу не нужно. С высокой трибуны исследования высокотемпературной сверхпроводимости полили грязью, и в начале 80-х Рейган заявил, что высокотемпературная сверхпроводимость - это те гвозди, которыми «они» забьют гроб социализму.

Итак, задолго до перестройки ученые стали переходить на менее квалифицированную работу, а квалифицированный рабочий, как писал Энгельс, обреченный махать лопатой, чувствует угнетение сильнее, чем тот, кто машет лопатой всю жизнь.
Нереализуемость труда интеллигента и отсталость труда рабочего явились основной причиной для противостояния двух социальных слоев, когда представители одного слоя крестили другой слой «быдлом», а в ответ слышали «дармоеды».
Очевидно, что основной для разрыва НИОКР и промышленной базы явился структурный сдвиг в группе А относительно группы Б. В свою очередь, отставание технологий индуцировало разрыв общественного сознания. Та информация, которая подается СМИП, до сих пор принимается за реальность, а сама реальность игнорируется, воспринимается неадекватно. Реальность – это фильмы ужасов, порнографическая литература, религия на уровне анимизма. Но никого не беспокоит ежедневная гибель от выбросов предприятий, постоянный обман с заработной платой, и даже угроза остановки предприятия вообще[1]. Так, мамы-москвички катали коляски с детьми 3-4го октября к Белому Дому, чтобы «поглядеть».
Разрыв в общественном сознании привел к тому, что практически все неформальные группы сосредоточились на распространении идеальных концепций (анархисты, коммунисты, социал-демократы и т.п.), надеясь на отклик в массах. Но откликнулись лишь верхи. Казалось, что нужно сделать единственный шаг – ликвидировать партийную номенклатуру. Демократы и коммунисты-

неформалы шли вместе, критикуя КПСС, т.е. видели перед собой факт и не умели смотреть за факт.

[1]В декабре 1992 года перед рабочими пермского завода им.Свердлова выступал Б. Кагарлицкий с пропагандой своей Партии Труда. Одна женщина с места прервала его: «Вот в 9-й цех завезли тушенку, а нам не досталась, потому что перепутали. Вот о чем надо говорить!» Выступление Кагарлицкого завершил председатель профкома Прохур: «Мы сейчас работаем по 3 дня в неделю, а не сегодня-завтра завод вообще могут закрыть». После этих слов все побежали к выходу…

Первоначальный этап – это попытки создания «хороших», «настоящих» партий (организаций), члены которых по своему интеллектуальному уровню, честности и простоте, что ли, стоят неизмеримо выше КПСС.
Результат известен: КПРФ, как наиболее организованная сила, воспользовалась, вобрала в себя практически все идеальные концепции. Около 7 млн. человек в СССР оказалось втянуто в водоворот неформальщины, чтобы затем сотни тысяч из них оказались безработными и начали борьбу за выживание. Практически все политгруппы сосредоточились в столице, их количество резко сократилось. Справочник «Политпартии, движения и блоки современной России» (Н. Новг., 1993, ред. Рой Медведев) приводит всего 20 крупных организаций.
Романтические воззрения опирались на иллюзию непрекращающейся социальной поддержки – на производстве, в институте. Однако обращение к низам натолкнулось на равнодушное созерцание «привносимых» идей. Массы ими упорно не хотели овладевать.

Структурный сдвиг в базисе обусловлен, в первую очередь, работой самого совокупного капиталиста, организующего производство. Планирование было сосредоточено в руках узкого социального слоя – как на Западе. Обобществление производства было фиктивным, за централизацией капитализма отнюдь не следовала концентрация труда. Казалось бы, работали заводы-гиганты, но их поставщики и потребители располагались за тысячи километров. Не в интересах государства-собственника концентрировать труд, что привело бы к обострению противоречия между трудом и капиталом. Увеличивая издержки, аппарат экономил на забастовках. Это привело к атомизации пролетариев, а значит, и породило во всеобщем масштабе психологию мелкого собственника. Разрыв в общественном сознании заключался в иллюзии совладения собственностью и полной невозможности для производителя выступать в роли крупного собственника, т.е. принимающего участие в управлении государством. Интересы низов оказались далеки от практически политгрупп, а программные принципы – уделом самих политгрупп.

«Неужели можно отрицать, что российские университеты и иные учебные заведения производят каждогодно такую «интеллигенцию», … которая ищет только того, кто ее прокормит? - писал 24-летний Ленин в 1894-м году, - Неужели можно отрицать, что средства, необходимые для содержания этой «интеллигенции», имеются в настоящее время только у буржуазного меньшинства? Неужели буржуазная интеллигенция в России исчезнет оттого, что «друзья народа» скажут, что она «могла бы» служить не буржуазии?… …Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях… … Не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, следовательно, **роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей**».
Итак, отважный бой с мельницами «народников натолкнулся на стену равнодушия масс…» (Ленин, «Принципы Парижской коммуны»). Но невозможно говорить, что все миллионы людей, занятых интеллектуальным трудом, завидев структурный сдвиг в экономике, бросились в неформальщину. Десятки миллионов так и остались пассивны. Ситуация для широкой активности явно не созрела. Следовательно, избыточная реакция на политгруппы, очевидно превосходящая их значимость – есть упреждающий удар. Подхватывание действий, оседлывание движений – есть подавление движений. Это и есть оборотная сторона перестройки.

II.
В городе Перми активность снизу началась не с выступлений рабочих. Еще в 1985 году один из рабочих завода им.Ленина на вопрос, почему трудовой коллектив на предприятии не бастует, ответил:

«Отвыкли…»
Нельзя сказать, что городская интеллигенция до 80-х не понимала, что происходит в стране. Достаточно привести пример незначительных студенческих выступлений в 1968-м и осуждение по 70-й статье писателя Воробьева, скульптора Веденеева и др. Но лишь в начале 80-х появилась база для широких выступлений (относительно широких). Наличие базы само по себе еще не означает фатальной неизбежности самих выступлений. Но ее наличие, и только оно, дает возможность выбора. Различное понимание выбора было индикатором для действий двух противоположных течений в неформальном движении.
Первыми в Перми появились трезвенники. Трезвенническое сознание «привнес» в город Алексей Накоряков, доктор биологических наук, брат ректора Новосибирского университета. Чуть позже, в конце 1983 года, появляется пермская Группа Продленного Дня (ГПД) – в дальнейшем, с 1986 г., Союз коммунистов, с конца 1988 года – Пермский Рабочий Союз, с Учредительной Конференции 24.3.1990 в Челябинске – российское политобъединение «Рабочий» (ОПОРа).
Начальное название ГПД взято из темы ленинской работы «Очередные задачи Советской власти»: социализм – это когда каждый после отработки 6-часового урока начинает заниматься государственной деятельностью.
До 1987 года пермяки могли лишь предполагать, но не знали точно, о существовании в немногих городах аналогичных групп. Вплоть до январского Съезда ФСОК (Федерации социалистических общественных клубов) в Москве нам не было достаточно известно ни о красноярской группе (Николай Мустанен), ни о свердловском «Рабочем клубе», ни о магнитогорском «ГИМНе». В 1986 году из Красноярска пришла лишь статья преподавателя философии Мустанена, где он писал об отсутствии Советской власти в СССР.
Очевидно, наиболее древними являлись «Рабочий клуб» в Набережных Челнах и группа Разлацкого в Самаре, если в 1988 году «Рабочему клубу» было уже несколько лет, философ Разлацкий опубликовал в рабочем самиздате свои работы в конце 70-х. Лидер челнинского клуба Анатолий Алипченков, рабочий КАМАЗа, в течение 15 лет самостоятельно изучавший марксизм, распространил свои статьи в начале 80-х. В дальнейшем «Рабочий клуб» был полностью вытеснен созданным аппаратом клубом им. Бухарина, который начали поддерживать кооперативы, а затем и бухаринский клуб, сыграв свою роль, исчез с политической сцены, вслед за проседанием кооперативов.

Первые рабочие забастовки состоялись лишь в 1987 году, причем именно в машиностроении, где квалификация рабочих выше, а не в горнодобывающей отрасли. В 1987 году Ярославский моторостроительный завод (около 40 тыс. работающих) выступил против «черных суббот» и «черных воскресений» - при сохранении заработка. Лидер – Николай Ковалев, проштудировавший все тома Маркса, Ленина, Плеханова, вскоре после участия в оргкомитете I всесоюзного Съезда рабочих движений и организаций 29.4.1990 – 2.5.1990 г. в Новокузнецке отошел от политики.
В 1987 году в различных городах (Ленинграде, Полтаве, прибалтийских городах) возникают забасткомы, которые напоминали, скорее, политклубы.
Ясно, что одной из причин появления групп, «несущих правду в массы», послужили открытые публикации производственной статистики андроповского времени. Важнее другое: для широких слоев появилась база для самостоятельно анализа отечественной периодики и иных источников. Когда новосибирский физик Жданов выступал с анализом данных об алкоголизме в СССР, рабочие слушали его после смены, затаив дыхание. Затем трезвенничество было оседлано и выхолощено: борьбу с пьянством возглавил ВЦСПС (Акимов), а сами трезвенники, наиболее рьяно изучившие «жидо-масонский вопрос», были оттеснены официальными «патриотами». Что касается поисков врагов народа, то сам Накоряков, неодобрительно отнесшийся к главе «Памяти» Васильеву, летом 1986 года заявил, что для людей масоны – неизвестно что, а обком КПСС – осязаемая вещь.

Первоначальная деятельность ГПД состояла в анализе производственных отношений; был сделан вывод, что СССР – капиталистическое государство, где в роли единого капиталиста выступают КПСС (точнее, ее элита – Политбюро и секретариат), министерства-ведомства, обкомы КПСС, исполкомы областных Советов и т.д. То есть, совокупным капиталистом выступает государство. Иначе говоря, в стране построен «социализм по Дюрингу». Дополнительной затравкой к размышлению послужило очевидное различие ленинизма и сталинизма, на пропаганде которого поначалу и сосредоточилась ГПД.

В 1985 году в МГУ был создан «филиал» ГПД, насчитывавший 15 – 20 человек, из которых 3 – 5 человек учились в физико-математической школе-интернате при МГУ. Организация пыталась работать подпольно. Легально агитация велась через стенгазету физфака МГУ «Физикон», ее редактор Марк Пискарев, член ГПД-Союза коммунистов (СК), погиб в велокатастрофе в горах.
В августе 1986 г. выпущен самиздатом 1-й сборник антисталинских статей ГПД, основанных на анализе исключительно советской печати. В сборник вошли статьи об алкоголизме в СССР и об ошибках трезвеннической пропаганды Новосибирска, о соотношении партии и Советов, предварительные программные документы.
Практическая работа велась по двум направлениям. В Москве ГПД пыталась политизировать Добровольное общество борьбы за трезвость (ДОБТ), в Перми ГПД начала взаимодействовать с университетской группой «Семинар» (студенты которой, как они сами всем рассказывали, были изгнаны из ПГУ за нелояльное отношение к материалам очередного съезда партии), а также с экологической группой поселка «Майский». Эта группа, «Семинар» и ГПД создали Общественный Экологический комитет (лето 1987 г.), председателем которого долгое время был Сергей Мазеин, член ГПД – СК.
ОЭК выпустил свыше 30 бюллетеней. Ему Пермь обязана своим первым митингом. Местные средства массовой информации приняли участие в подавлении ОЭК – «Молодая гвардия» Ирины Залевской, «Пермь вечерняя», «Звезда». Один из активистов ОЭК Юлий Щипакин был переведен с должности программиста «Пермнефтеоргсинтеза» в помощники моториста (с двумя высшими образованиями), а затем уволен. Это позволило ОЭК развернуть широкую компанию против строительства АЭС в области. Если комитет не смог оказать воздействия на ПНОС, то облсовет подавляющим большинством голосов запретил строительство АЭС, а Щипакин был избран депутатом горсовета.
Кроме этого с подачи СК – ОЭК были приняты решения о переводе Добрянской ГРЭС и Адищевской ТЭЦ на газ, ряд других решений. Впоследствии экологическая активность в городе падает. В связи с неудачей активности в поселке «Майский» (лидерам группы предложены квартиры в другом районе) и расколом в СК «Семинар» объявил, что больше не принимает участия в ОЭК. После проведения ряда митингов против АЭС С. Мазеин отходит от политики. Основная причина – желание остаться в физике. Взаимодействие СК с ОЭК приобретает случайный характер. «Зеленое движение» в городе фактически подавлено Партией зеленых, составленной и возглавляемой старыми чиновниками.

В августе 1986 г. в ГПД из группы «Семинар» вступает И. Аверкиев, а затем А. Челознов и С. Просвирнин. В 1987-м – 88-м аспиранты и студенты, участвовавшие в ГПД – СК уезжают из Москвы и «филиал» исчезает, чтобы появиться в Чебоксарах, Орджоникидзе, Ликино-Дулево. В 88-м СК появляется в Нытве Пермской области, начинает работать с «Рабочим клубом Набережных челнов», а после съезда ФСОК – рабочими организациями Свердловска, Магнитогорска, других городов. В начале 88-го в СК вступает группа инженеров НИИ «Малахит» при заводе «Машиностроитель» (ПЗХО) (Сергей Ваганов и др., всего более 10 человек). В августе 1988-го в деревне Решеты под Свердловском[1] собирается конференция рабочих марксистских групп, после чего у СК расширяются связи с Сибирью», Казанью, Москвой. Совместно со Свердловской группой и самарской СК издает в Перми журнал «Взгляд» (всего 42 номера), распространявшийся по всему СССР. Вместе с «Взглядом» распространяется «Рабочий листок» Н. Ковалева, «Набат» магнитогорского ГИМНа и другие издания.

Если на съезде ФСОК присутствовали анархисты, социалисты, «зеленые», СМОТ, будущие либералы и т.п., то съезд в Решетах отчасти выделил ту ветвь в неформальном движении, которая была наиболее близка рабочим. Последующий съезд народных фронтов в Ленинграде окончательно определил либеральную ветвь, практически всю сосредоточенную в Москве и Ленинграде (съезд 26.8.88 – 28.8.88). Там обнаружились кадеты, «коммунистический» «Форпост» ставший впоследствии работать на Собчака и т.п.
Если начало 80-х характерно тем, что политгруппы в единстве выступали против КПСС, против явного факта, против внешнего, то уже в 88-м марксистские рабочие группы попытались сделать шаг за факт, за явление. Либеральная ветвь остановила анализ на уровне факта.

[1] 5 – 7 августа. Из 80 участников около 50 человек были арестованы на 3 часа. СМОТ отказался передать информацию.

Первым резким отличием рабочих политгрупп от значительно более древних НТС, диссидентского движения и т.п. явилось открытое обращение к массам /1/. Николай Лебедев, член СК, когда во время одного из собраний неожиданно нагрянула милиция, гостеприимно предложил: «Вы проходите, не стесняйтесь, присаживайтесь! Говорите, какие-то листочки на столе? Пожалуйста, читайте. И коллегам не забудьте передать!»[1] Книги Е. Гинзбург, Н. Мандельштам и другие зарубежные издания, предназначенные диссидентами для узкой элиты (между прочим, дети членов ЦК с удовольствием их читатели), поступали от СК прямо на предприятия. Нужно отметить, что реакция на книги не просталински настроенных рабочих совсем не походила на сегодняшнюю оценку этих изданий средствами массовой информации.
Открытость была также своеобразным средством защиты от попадания в психиатрическую лечебнику. Тем более, что члены СК в 86м – 88-м годах допрашивались (С. Мазеин, А. Мошкин, автор статьи) сотрудниками КГБ. Первый сборник ГПД рабочие оценили следующим образом: «Да, мы согласны с вашим анализом. Сталин – враг народа, КПСС – никакого отношения к Октябрю не имеет. Но какой вывод? Нам-то что делать?»
С этого момента СК начинает публикацию статей на «производственную тему». Несколько работ – об ущербном Законе о госпредприятии, магнитофонные записи бесед с рабочими о коллективном договоре.
В конце 1990-го группа помогает организовать Рабочий клуб в г. Верещагино Пермской области. В марте 1991 года участвует в создании рабочего комитета завода им. Свердлова и через него «проталкивает» на предприятие свою критику предложенного администрацией колдоговора и предложения по нему. Часть предложений печатается в заводской многотиражке, два из них входят в договор. Перед конференцией документы на пикете раздаются рабочим.

[1]Во время обыска у одного из друзей профессора Гриба А.А. (Ленинград) ничего не нашли, кроме книг классиков марксизма-ленинизма. Взяли его на том, что он, начитавшись классиков, ходил по улицам (это в сталинское время!), хватит людей за руку и объяснял, в каком государстве они живут. Сейчас это один из наиболее любимых преподавателей Калифорнийского ун-та. Группа Мустанена открыто заявила, что они «перестраиваются». А кто будет мешать им перестраиваться…

Уже тогда различия в подходе рабочих групп и, скажем, социал-демократов обозначались четко. Причем в первую очередь не в идеологическом плане. Во-первых, когда на заседании рабочего комитета завода им. Свердлова раздались голоса, что комитет мог бы войти в политобъединение «Рабочий» (СК), то комитетчикам предложили сначала подумать над собственными задачами, касающимися предприятия и на этом сплотить рабочих, а уже затем думать над более общими и принципами и программами внешних групп.
Во-вторых, в марте 1991 года на электротехническом заводе социал-демократы также развили активность во время принятия колдоговора. Однако единственное, что они сделали – это сорганизовали рабочих прийти на конференцию и потопать ногами: «Нам не нужен административно аппаратный договор!» На что им возразили: «Разве у вас есть альтернативный?» Принят был «аппаратный» колдоговор.
В принципе начальная деятельность СК во многом напоминала социал-демократическую. Так, московская группа СК летом 1986 года организовала провал выборов в местные Советы директора столовой МГУ. В тот год еще по 34-м округам по старому Союзу состоялись провалы кандидатов. Однако альтернативный кандидат, которого едва нашли на физическом факультете, не смог даже информировать о работе Совета, не то, что работать депутатом
В 1988 году пермская группа СК вместе с ВДОБТ помогла I-му секретарю обкома партии Е. Н. Чернышеву не пройти в российский «парламент». Но это не помешало ему занять приличное место в Москве, в Гражданском Союзе.
Вместе с «Мемориалом», социал-демократами и Экологическим комитетом в 1988 году был организован клуб «Диалог» (тогда социал-демократы еще были «клубом социальных инициатив»). Единственной задачей клуба был обмен мнениями. За рамки рассказов о чьем-либо горе клуб не вышел, хотя провалил поездку на IX партконференцию партийного аппаратчика с завода им. Ленина.
В 1989 году СК не дал партаппаратчику пройти в руководство Кировского района г. Перми.
Но уже в этом году в беседе с Алипченковым (Набережные Челны) и Никишиной (Самара) было

высказано, что КПСС является в настоящее время единственной организацией, которая реализует экономические связи по вертикали. В отсутствие массовых рабочих организаций с позитивными задачами устранение этой структуры не принесет ничего, кроме ее замены на подобную. Поэтому практику выступлений типа «долой!» СК прекратил как основную.

Практически всем неформальным организациям СК помогал в тех акциях, которые не были направлены против рабочего движения. СК-ПРС участвует в большинстве городских митингов, в митингах в Свердловске, Челябинске, организует вместе с другими группами Клуб избирателей.
За короткий период в Клуб набилось столько партий в бывших партаппаратчиков, что СК-ПРС вынужден был оставить Клуб. Вскоре Клуб так дискредитировал себя, что на собрании перестало появляться более 20 человек, затем он исчез.
Хотя СК помогал многим демократическим организациям (точнее, его использовали как во всякую дыру затычку), ни одному делу, которое проводил СК, демократы не помогли. Таким же образом себя повели и вновь образовавшиеся «коммунисты».
Но, в отличие от демпартий и подобных им организаций, сосредоточившихся на создании организации и, следовательно, на пропаганде собственных программ, СК-ПРС, начав с критики сталинизма, пункта 6 Конституции и т.п., довольно быстро перешел к узко конкретной активности. Напр., когда во время пожара сгорела квартира одного рабочего на механическом заводе Перми, СК через городской исполком содействовал выделению квартиры его семье.
С 1989 года СК активно печатает листовки о коррупции в детских домах области и в пермском отделении Советского детского Фонда им. Ленина. Следуют вызовы «на ковер» в горисполком. Информация, подаваемая СК, не всегда оказывается достоверной. Однако задача поднять волну публикаций в печати по детским домам выполнена.
В июле – августе 1990 г. СК принимает участие в волне табачных бунтов, прокатившихся по городам страны. Начало положил, очевидно, винно-мясной бунт в Свердловске 29 декабря 1989 г., в котором участвовал СК. Толпа, перегородившая трамвайные пути, вызвала к недолгой жизни Комитет 29 декабря. Итогом свердловского бунта стала попытка Комитета возродить клуб избирателей, которая окончилась его развалом. Позже станет известно, что дефицит органиовывался самими властями.
Однако СК воспользовался табачными митингами в том числе для того, чтобы восстановить на работе незаконно уволенного члена стачкома ППАП-2 Виктора Кармышева. В сентябре после публикаций СК-ПРС в ряде газет Кармышев был восстановлен в должности шофера, с выплатой компенсации.

За год до табачных волнений (8 мая) СК совместно с другими организациями проводит митинг памяти жертв тбилисской трагедии (1988). Перед проведением СК предупреждает остальные организации, что митинг не будет поддержан, поскольку ближайшие интересы граждан города, трудящихся, не затронуты ни в прошлой практике демпартий, инициаторов митинга, ни в повестке митинга. Об этом же заявил со скамеечки-трибуны один рабочий. Действительно, митинг, собрал всего около 300 человек.
Первоначальная задача, которую ставил СК: «пробить» митинговую форму демократии, закрепленной в Конституции Октябрем (задача ДемСоюза – показать себя).
Итог митинга: 4 члена СК, I член «Мемориала» оштрафованы на сумму от 100 до 200 р. (член «Мемориала» – на 20 р.). Но зато после «судов» СК распространил листовку о работе судебных органов.
Помимо листовой и публикаций в местной прессе СК-ПРС вместе с журналом «Взгляд» с апреля по август 1989-го издал 6 номеров газеты «Прогресс», с декабря 1989-го издает газету «Рабочий вестник», а также информлисток ПРС (далее – информлисток политобъединения «Рабочий»).
С помощью собственной печати удается завязать хорошие связи с рабочими макаронной, трикотажной фабрик и паровозоремонтного завода г. Верещагино, с рабочими Зюкайки, других городов области.
Совместно с верещагинским Рабочим клубом ПРС оказывает через областной совет профсоюзов давление на администрацию трикотажной фабрики. Угроза забастовки на фабрике вынуждает администрацию установить в цехах новые очистные сооружения. Таким же путем вдвое увеличена зарплата в паровозо-ремонтном.

Члены ПРС отдавали себе отчет о том, что решение таких мелких (абстрактных) задач, как восстановление на работе незаконно уволенного или повышение зарплаты является попыткой устранить следствие при сохранении причины. Поэтому, дабы в согласии со святцами сохранить всеобщую

конкретность, всегда делалась попытка сделать шаг вперед за рамки частного дела. От табачных бунтов – к созданию рабочих комитетов на предприятиях, от сохранения СТК – к найму администрации, от частных забастовок – к выходу движения за пределы одного предприятия и т.д.
С другой стороны, не было бы ничего хуже, чем утешить горе рабочего или трудового коллектива. ПРС лишь оказывал помощь, т.е. не подменял самостоятельные действия, не превращался в филантропическую организацию.
Например, в апреле 1991 года официальные профсоюзы решили призвать трудовые коллективы к забастовке в связи со снижением жизненного уровня (а на деле – чтобы поддержать собственные пошатнувшиеся кресла, тогда на Клочкова давил КГБ). ДемРоссия, в свою очередь, безуспешно попыталась использовать профсоюзы и также призвала к забастовке. В разговорах с рабочими завода им.Ленина было предложено не отмахиваться от этой акции, а выступить самостоятельно, не под чьей-либо эгидой. Вскоре стало известно, что ряд цехов собирается провести собственную забастовку, причем не профсоюзные два часа, а на полсмены. Рабочие предложили нам помочь им составить требования. Трое суток печатались листовки – шел обмен информацией с заводом. 26 апреля более 10 цехов ленинского завода встали, предъявив совсем не те требования, которые предлагал официальный профсоюз: 1) не увеличение зарплаты, а снижение розничных цен, 2) ограничить зарплату директора двойной зарплатой рабочего (средней), поставить под контроль коммерческие счета предприятий, оплачиваемы заводом, для этого воссоздать разрушенные администрацией органы рабочего самоуправления и передать им право найма администрации, провести перевыборы Советом всех уровней… и т.д. Огромную роль в организации забастовки сыграло общество животноводов при заводе, около 600 человек (руководитель А.Зеленин, рабочий ЗИЛ).
Для такого монстра, как ЗИЛ, полсмены для 10 цехов – довольно крупный шаг вперед. На предприятии работало на основном производстве 28 тыс.человек; собственник предприятия – министерство общей промышленности в Москве, демонстрацию перед ним не организуешь. После 26-го апреля многие рабочие даже не слышали о забастовке, не говоря уже о тех подразделениях, которые находятся за пределами Мотовилихинского района г. Перми или самой Перми.
Реальным итогом было даже не то, что требования, в основном, остались без удовлетворения. Рабочие завода и сам Зеленин говорят: «Теперь ясно, что к забастовке нужно готовиться, причем не только внутри одного ЗИЛа…» Напротив, когда ПРС сужал задачу, до «конкретной» наглядности, то агитация не вызывала отклика у рабочих вообще.
24 ноября 1991 года рабочий завода им.Свердлова (37 тыс. работников основного производства) Г.Бахарев написал листовку о том, что водителям цеха № 84 не оплачивают выполняемую ими работу грузчиков. В листовке рабочим завода предложено собраться и обсудить, что в связи с этим делать. ПРС размножил листок и провел у проходных предприятия. В назначенный для сбора день 1 ноября не пришел «обсуждать» ни один рабочих завода.

Что касается «защиты трудящихся» вместо самих трудящихся (т.е. закрепления иждивенчества, против которого так настойчиво возражают демократы, хотя постоянно набиваются вместе с «коммунистами» в защитники интересов трудящихся), то и эти попытки, как правило, заканчивались неудачно.
Если водитель Кармышев самостоятельно собрал для своего восстановления большинство документов, то Виктор Одинцов (электрогазосварщик пермского мукомольного завода) предложил всем поработать за него. Одинцова уволили за проведение забастовки, объявленной как протест против коррупции директора предприятия. Забастовку Виктор проводил в одиночку, поскольку никто из рабочих его не поддержал. Ни одного документа или свидетельства о фактах коррупции Одинцов предоставить не пожелал: «Это же очевидно. Я же рабочий, чувствую все. Пусть судебные органы обнаруживают факты».
ПРС отпечатал несколько документов и запросов председателю Конституционного суда Зорькину, в прокуратуру, председателю пермского облсовпрофа Пожарскому и в другие инстанции. После пикета у мукомольного завода, где ПРС распространил листовку об увольнении Одинцова, директор предприятия предложил, чтобы Одинцов приходил восстанавливаться. Однако Одинцов не пожелал и этого, пожелал, чтобы директор лично перед ним извинился. Сами рабочие завода во время пикета говорили, что они не одобряют Виктора и не очень хорошо понимают, чем занят ПРС в данном случае.

К массовым выступлениям СК-ПРС впервые приобщился весной 1988-го года. Как это было в Будапеште и Париже, первыми обиделись в широком масштабе студенты. Сибирские ВУЗы возмутились против унижений на военных кафедрах. Информацию о волнениях студентов СК передал в пермские институты и университет[1]. В политехническом институте и геологическом факультете университета прошли митинги.

III.

Но лишь через год, в марте 1989-го, первым в Перми забастовал транспорт. Забастовочный сезон 89-го в России открыли, очевидно, горняки Норильска. «Экономическая газета» обвинила горняков в несознательном вытряхивании из кармана государства якобы незаработанных денег, в том же духе по отношению к водителям ППАП-2 поступила местная «Звезда».

Водителей всегда уверяли, что кассовые сборы за билеты и есть стоимость их «продукта труда». Даже в Москве объясняли в то время повышение цент на транспорт, в частности, на метро, нерентабельностью». Таким путем была устроена конкуренция между водителями. Они гонялись на своих автобусах друг за дружкой, ломая ритм работы – кто раньше успеет снять с остановки пассажиров. Естественно, что с увеличением интенсивности труда снизилось качество работы.

Казалось бы, зарплата велика, 450 р./мес. Но вместо 41-часовой рабочей недели шофера отрабатывали по 50 часов, 220 часов в месяц только на линии. Плюс 0,5 часа для проверки автобуса за каждый выезд, время на техобслуживание ТО-2 (в выходной день), время на снятие касса, время на ожидание технической помощи (минимум час, быстрее сделать самому). Итого в среднем в месяц набегает не менее 30 неоплачиваемых часов.

[1]Будущий социал-демократ И. Аверкиев препятствовал распространению этой информации и требовал «срочно вернуть из ВУЗов листовки». Нелицеприятную причину узнали позже.

Далее: утренняя смена заканчивает работу в 23.30 – 24.30. Первый дежурный автобус, чтобы добраться до дома – в 1.30, второй – в половине третьего. Снова приходится ждать, а это изматывает.

На требования водителей ППАП-2 хотя бы уравнять их зарплату с условия труда с другими автотранспортными предприятиями (разница с лучшими ПАП – 50-60 р.), чиновники областного исполкома ответили: «Заработайте!»

До забастовки и во время нее директора предприятия спрашивали о размерах его зарплаты, на что он неизменно отвечал: «Минимальная!» Стало известно, что у директора этот минимум составил 500 р. при окладе 300 р., у главного бухгалтера – 480-490 р., у начальника ремонтной зоны, у заместителя начальника по эксплуатации – 450-460 р. А вот ДОХОД директора – 1500-2500 р. Между тем администрация не сидит в загазованной кабине…

Забастовке предшествовало резкое снижение зарплаты. Директор Бабушкин объяснил это закрытием ГЭС и снижением доходов предприятия. В январе водители пишут письмо генеральному директору «Пермавтотранса» Швабскому. 16 марта в ППАП-2 выезжает комиссия, признает письмо правильным по всем пунктам, но после этого – никаких изменений. Создается инициативная группа, которая составляет заявление и зачитывает его на партийном собрании. В заявлении указан срок выполнения требований – 24 марта.

23-го марта в 16.00 созывается общее собрание. Общий тон руководства: «зарплату не повысят, не надейтесь». Однако в список требований входит не только зарплата. На предприятии 700 человек, а водителей – 300. Нет собственного детского сада, пионерлагеря, спортплощадки. Деньги предприятия вложены в строительство сауны и дом отдыха. Однако рабочие их не видят.

Администрация предлагает создать на предприятии группу по сбору средств от населения, например, путем продажи абонементов. Водители же считают нужным выйти на те предприятия, которые они обслуживают: в том числе, завод «Камкабель».

После 4-х часов словопрений юрист объединения заявляет, что собрание не правомочно что-либо решать, поскольку нет 50% списочного состава водителей. Спичка поднесена, водители мгновенно реагируют: «Завтра будут все 100%». В 5.00 ни один автобус не выйдет на линию».

В 1962 году в Новочеркасске после повышения цен на мясо и масло забастовка также началась с «оплошности» директора одного из заводов, предложившего женщине покупать вместо мяса пирожки с

ливером.
24-го к 500 в ППАП-2 приезжают гендиректор, представители облсовпрофа (ныне ФНПР), райкома партии, райисполкома. «Все требования удовлетворим, только выезжайте». Но рабочие ждут гарантий. Приезжают представители советом «трудовых коллективов» «Камкабеля», бумагоделательного комбината, оборонного КБМаша, но те снова не предлагают ничего конкретного.
Водители требуют увольнения лишних администраторов. Предлагают: ввести транспортный налог и отказаться от оплаты проезда. При этом освободить от налога пенсионеров и школьников и ввести льготы для студентов. Критериями работы, которые могут контролироваться Советами, должны стать четкость графика, безопасность, культура обслуживания.
Собрание переизбирает директора. Им становится председатель СТК водитель Ознобишин (который, кстати, выступал против забастовки). К концу дня руководство соглашается на установление зарплаты не ниже уровня «передовых» предприятий (на первое время), и переход на новую систему оплаты в 10-дневный срок. По новой системе не должно быть зависимости от привезенного кассового сбора. Основные премии в 40% будут начисляться за выполнение графика.
При встрече Ознобишина попросили изложить факты для населения более-менее достоверно, поскольку после забастовки началось давление на активистов. Партийный лектор выступил даже перед сотрудниками детского сада № 64 порта Левшино и обозвал активистов пьяницами и лентяями. СК-ПРС распространил статью о забастовке (в журнале «Взгляд») на предприятиях тяжелой промышленности, но интересы транспортников показались рабочим тяжпрома далекими, отклика статья не вызвала.
Итог забастовки: забастком всячески полили грязью и, в конце концов, уволили из предприятия.
Последующие забастовки транспортников постарались локализовать местные власти и ввести их в официальное русло, т.е. чтобы все дела решали администраторы при наличии двух-трех рабочих в качестве массовки.

Волна забастовочного движения прошла как бы в стороне от парламентской борьбы (за исключением Зеленограда), попыток создания партий и народных фронтов. Нет сведений о том, что какая-либо неформальная группа, состоящая из работников вне сферы производства, слилась бы с забастовочным комитетом. Таким образом, выступления рабочих были самостоятельным почином, хотя политическое пространство для них освободили и пропаганда информалов, и примеры национальных волнений, оформившихся в забастовки (Прибалтика, Армения).

В Пермской области, несмотря на более тяжелую, чем в других городах, экологическую обстановку, более высокую детскую смертность (по сравнению с Челябинском, Свердловском), забастовочная волна была менее ощутима. Дело не только в военном госзаказе для крупнейших предприятий или, допустим, в более высокой алкоголизации населения. Пермь во время хрущевского «великого переселения народов» вобрала в себя из деревни на 13-15% больше, чем, например, Свердловск. С другой стороны, это третий город в России по площади после Москвы и Ленинграда, он вытянут вдоль Камы, но, в отличие от Волгограда, протянувшегося вдоль Волги на 80 км, город раскинулся и далеко от реки. Некоторые районы – это ряд слабо связанных поселков. Свердловск же, выросший из завода, довольно компактен (ранее Свердловск-Екатеринбург ранее был частью Пермской губернии). Больше разобщающих факторов, больше пассивность населения.

Частичное снятие госзаказа в 1988 г. не слишком осложнило жизнь предприятий, однако незначительные выступления все же состоялись. После серии забастовок по поводу повышения зарплаты бастовал уже по поводу отсутствия моющих средств прокатный цех металлургического комбината в Лысьве (Пермская область). В день очередного выброса химического завода им. Орджоникидзе рабочие машиностроительного завода (ПЗХО, завод химического оборудования оборонного значения – ниже по течению Камы) потребовали отгулы, пригрозив, что в следующий раз потребуют еще. Было предупреждение о забастовке группы термообработки завода им. Калинина (министерство авиационной промышленности) – по поводу улучшений условий труда. Предупредили также таксисты и один из цехов завода им. Ленина. Состоялись также самостоятельные («отдельные») забастовки горняков региона в Березниках и Соликамске (калийные соли). Достаточно серьезной была угроза забастовки железнодорожников.
Однако самой значимой явилась забастовка на шахте «Шумихинская» (Гремячинск, Пермская область).

Характерно для области, что забастовка состоялась не столько из-за плохих условий труда, сколько из солидарности с Воркутой, Донбассом, Кузбассом.
В городах Кизелугольбассейна Губаха и Кизеле напряженность попытались снять подачкой – выбросили продукты на прилавки магазинов. Рабочие поняли, но всё же серьезных выступлений там не было. Шумихинцы оказались более подвижными, тем более, что только у этой шахты имеется довольно крупный договор с г. Глазовым о поставке угля.
К началу забастовки шахтеры получили по 200-300 р. На весь шахтерский поселок (Юбилейный) с населением несколько тысяч человек – одно больничное отделение с некомпетентными врачами, которые вместе с администрацией «Кизелугля» смотрят на шахтеров как на рабочий скот. Всего две школы, два детских сада, молоко завозят раз в три дня, и т.п.
Первыми пришлыми, кто появился среди бастующих, были чекисты, которые стали выявлять зачинщиков. Впрочем, безуспешно, поскольку выступали все. Члена горкома КПСС В. Кузнецова, приехавшего на третий день забастовки, как и директора шахты, рабочие заставили войти в забастком. Газета «Звезда» напечатала портрет «председателя стачкома электрослесаря В. Кузнецова»… Видим, что как всегда, КПСС – впереди, на лихом коне. Между тем партком шахты проголосовал против забастовки.
50 шахтерских требований составлены самостоятельно, однако в них уже чувствуется «веяние времени». Наряду с требованиями «переизбрать…», «уволить…», «обеспечить мылом, товарами первой необходимости…» и «обеспечить материалами, оборудованием, запчастями» пункт 1-й, повторяя Кузбасс, гласит: «Предоставить шахте» «Шумихинская» полную экономическую самостоятельность, согласно закону о госпредприятии». Чего ж требовать «обеспечить», если полная самостоятельность?
Результат забастовки: практически все требования шумихинцев удовлетворены (на некоторое время…), однако производительность труда резко упала. Т.е. неясны ни ближайшие задачи, ни перспективы.

Аналогичная ситуация возникла в Донбассе, когда по требованию шахтеров администрация стала оплачивать «копытные»,т.е. время, за которое рабочий добирается до шахты. Добавленных денег оказалось достаточно, чтобы рабочий, дойдя до места работы, не выдел смысла в заработке денег еще и в шахте. Вот таким образом претворялись в жизнь «демократические» идеи, выработанные по основной стратегии отнюдь по шахтерами – Москвой.
Весь забастовочный период чиновники любыми методами создают в рабочей среде негативное мнение о неформалах, в первую очередь, марксистских рабочих группах. Именно последние, в отличие от, например, эсдеков, которым пресса повсеместно дала зеленую улицу, фактически никогда непосредственно к рабочей аудитории допущены не были.
Вот выписка из постановления Минского горкома КПСС от 24-25 ноября 1988 г. (отдел пропаганды и агитации):
«1. Необходимо создать обстановку идеологического доминирования… 3. Необходимо своевременно и точно информировать всех коммунистов о структуре, методах, целях и основных направлениях деятельности (как легальной, так и нелегальной) существующих самодеятельных объединений и групп… 5. … Особое место должно быть уделено рабочему классу… Проникновение конфронтационных представлений о перестройке… в ряде рабочего класса создает необычайно опасную ситуацию».
С 1988 года начинается медленное уничтожение (мягкое реагирование) марксистских рабочих организаций как «как правыми» так и «левыми» чиновниками.
В Перми уволены с работы несколько членов СК (из политехнического, из «Малахита»). Еще трое отходят от политической деятельности. Далее СК распадается еще раз, образуется Демократическая рабочая партия, которая затем почти исчезает с горизонта.
Но вряд ли давление сверху можно объяснить упадок «марксистов» в тот период. Длительное время было потрачено СК на создание «новой, хорошей, настоящей» компартии – для рабочих. Это означает, что под марксистскими лозунгами группа осуществляла обычную буржуазную деятельность внешнего (пропагандистского) характера.

Марксистские рабочие группы

Фактически сразу же после шахтерских выступлений в 1989 году стал очевиден провал всевозможный Народных Фронтов. Прибалтийские, Белорусский НФ еще могли использовать для своей поддержки национальную идею, то «интернациональные» московский и ленинградский НФ быстро сошли на нет. Развал Народных Фронтов начался с попытки их объединения в 1988 году. Ясно, что и в 93-м году невозможно еще выражать те интересы, которые еще в широких слоях не проявлены. Поэтому можно говорить лишь об элементах организации. Возникновение, например, партий с их характерной структурой означает возникновение лишь очередных бюрократических общественных организаций, оторванных от масс. Именно такую структуру попытались создать представители московских и ленинградских неформальных клубов 26-28 августа 1988 года в Ленинграде. В это время Народные Фронты существовали лишь с Москве, Ленинграде, Омске, Минске – то есть, в небольшом количестве крупных или привилегированных городов.

Порождающая мелкобуржуазный интерес привилегированность столицы толкает ее к организациям типа Демократического Союза. Конкуренция с ДС подтолкнула Московский народный Фронт заручаться представительством других городов, при этом создать структуру более жесткую, чем простая координационно-информационная сеть, а значит в тех условиях – организацию ради организации. Это значило, что интерес НФ заключается в желании управлять самим, встать рядом с управляющими, а не подвинуть к этому массы. Один из московских неформальных лидеров Борис Кагарлицкий буквально умолял представителей уральских городов: «Поддержите!» Однако представители пермского Союза коммунистов и свердловского клуба «Рабочий» высказались против создания объединенного Народного Фронта. Резоны: ни один прибывший на неформальный Съезд, не представляет не только свой город, где о нем мало знают, но даже собственную группу, т.к. нет единого мнения и внутри групп. То есть, прибывшие – представители без представительства.
«Распропагандировав» ленинградские клубы, уральцы составили Москве оппозицию. Уральцев активно поддерживали Петр Годлевский («Форпост»), неформалы Полтавы, «за» высказались омичи, Ярославский Народный Фронт.
Присутствовавшие двое «кадетов» из Москвы попытались, используя реакцию на Москву, вообще развалить собрание: для них доминирование социалистов из МФП означало большевизм. В противовес уральцы предложили создание координационного Совета и собственную резолюцию. В одном из ее пунктов значится: «Основной общедемократических преобразований является рабочее движение». Резолюцию не приняли.
В поддержку жесткой структуры выступил Михаил Малютин («Социалистическая инициатива»): «Движение выросло из клубной формы. Тот, кто не созрел, волен не принимать программу. Если даже движение не созрело в целом, то это не значит, что он лично должен отказаться заниматься политикой». Тем не менее, большинство собравшихся не поддержало Москву. Попытка создания Российского Народного Фронта все же состоялась в дальнейшем, но уже без основной части групп, приезжавших в Ленинград. РНФ (один из лидеров – Скурлатов) просуществовал около года.
Осенью в Свердловске на базе клубов «Отечество» и «Рабочий» создается Уральский народный фронт, который через год распадается. Последняя попытка идти вместе с демократами – конференции Межрегиональной Ассоциации демократических организаций (МАДО), состоявшаяся в Челябинске в 1989 году. Через полгода МАДО исчезает.
Единовременными организациями, где коммунисты и демократы долгое время действовали совместно, были клубы избирателей. В Перми первой «совместной» организацией был Клуб социальных инициатив, созданный на базе Союза коммунистов и студентов, входивших ранее в университетский «Семинар». В 1986 году, как уверяет Игорь Аверкиев, студенты истфака ПГУ, обсудив материалы очередного Съезда КПСС, пришли к выводу, что «ничего нового по сравнению с предыдущим Съездом материалы не содержат». Что и высказали преподавателям. Этого оказалось достаточно, чтобы студентов отчислили (впоследствии обнаружится, что это всего лишь легенда для рекламы). После этого они и организовали «Семинар», на который наткнулся член СК Николай Лебедев. Далее, как уже говорилось, Челознов переходят в СК. В Союз коммунистов и это время только в Перми входили Сергей Мазеин, А. Коренчук, Н. Лебедев, Александр Каменских, Голубев, Ю. Дерендяев, Леонид

Ивонин, группа Ваганова из десятки человек из института материаловедения при Машиностроительном заводе («Малахит»), а также автор статьи.
Далее Аверкиев пытается ввести в СК еще одного студента, Ковбасюка. Большинство СК против, однако Аверкиев все же начинает приводить его на собрания, а Ковбасюк начинает активно поддерживать Аверкиева. Позднее Ковбасюк признается, что ему предлагали доносить на СК в КГБ, но он якобы отказался.
Аверкиев решает, что ему необходимо стать главой организации. Лебедев рассказывал, что если он, а не Аверкиев проводил собрание, то по окончанию Игорь подскакивал к нему и начинал громко, чтобы все слышали, перечислять упущения ведущего. Во время одного из собраний СК было решено, кто ответственный за доклад по неформальному движению. Но когда собралась аудитория, Игорь неожиданно «сделал движение локтем» и начал докладывать сам.
СК, в основном, состоял из научных сотрудников и инженеров (рабочие – Голубев, Челознов, Дерендяев). У людей, привыкших к атмосфере научных семинаров, «движения локтями» вызывали недоумение. Аверкиев и вел себя как аппаратчик, которому нужно пробиться наверх: в его возрасте его статьи были довольно посредственны, в этом смысле «движения локтями» оправданы.
Чашу терпения переполнило поведение Игоря после первого в городе митинга по экологической ситуации. Он настаивал на подтасовке резолюции, ее сглаживании, чтобы было удобнее разговаривать с властями.
Лебедев предложил не сводить дело к личным отношениям, а «размежеваться по позициям». Основные тезисы Аверкиева-88: многопартийность, внеклассовый подход к задачам организации, и в то же время критика Маркса за вывод о неизбежности бесклассового общества. На чем и разошлись.
Исключение Аверкиева из СК осуществили по методу народовольцев. Заявили о самороспуске СК и создании более широкой легальной организации. Так возник Клуб социальных инициатив. (Просуществовал три месяца). В то же время СК продолжил работу, но уже без Аверкиева. Когда всё стало ясно, Аверкиев распространил слух, что это он вдвоем в Ковбасюком изгнал 19 человек.

Инициаторами создания пермского Клуба избирателей весной 1989 года были социал-демократы (Аверкиев, Просвирнин, Касимов), представители пермского аппарата, преподаватели, Союз коммунистов - Рабочий Союз. Несмотря на всевозможную поддержку властей города откровенная борьба демократов за лидерство привела к тому, что сначала клуб покинули рабочие, а затем клуб, как уже сказано, прекратил существование.
В 89-м возникает новая волна создания Народных Фронтов (Челябинск, Иркутск) и аналогичных организаций, которая затухает еще быстрее. Демократы и части КПСС образуют партии, на базе которых рождается ДемРоссия. Марксистские рабочие группы начали поиск новых форм организации. Народные фронты, всевозможные съезды, клубы избирателей, МАДО и т.п. позволили найти связи с объединениями рабочих в различных городах.
5-7 августа 1988 года в Свердловске (потом в Решетах, потом снова в Свердловске), как уже говорилось, состоялось совещание марксистских рабочих групп зон Урала и Сибири, всего более 80 участников. Поначалу участники сосредоточились на обсуждении отношений собственности в СССР. На совещании обозначались три направления: 1) работа по реформированию КПСС, как наиболее мощной силы; 2) работа по созданию новой, «хорошей» компартии; 3) работа по формированию рабочего движения. Первое направление фактически совпадало с постановкой вопроса московской группы Егора Гайдара, который сосредоточился на реформировании КПСС. К созданию новой компартии призвал В. Зеркин (магнитогорский «ГИМН»). Его поддержал Михаил Кунин (симферопольская группа рабочих-марксистов). Всего в будущую партию Зеркину удалось набрать представителей из 8 городов.
Лидер свердловского клуба «Рабочий» Виктор Буртник предлагал не выступать против КПСС, а лишь «против искажения коммунистической линии партии», а также поддерживать коммунистов в рядах КПСС против «членов партии»». Аргументация следующая: «Призыв к созданию новой партии – это провокация, за которой нужно будет уходить в подполье. Нельзя создавать еще одну партию, т.к. и одну прокормить невозможно». И т.д. Именно такое отношение к КПСС свердловчане предлагали внести в резолюцию.
Пермский СК возражал, что в резолюцию, скорее, подойдет негативная оценка КПСС. Те члены партии, которые способны ориентироваться в политике и достаточно активны, занимают в массе выгодные посты, и надеяться на этот слой невозможно. С другой стороны, отвергать построение «хорошей»

партии нельзя, т.к. таким образом лишаемся многих активных рабочих. В то же время сосредоточиваться только на рабочих проблемах и отметать экологическом движение, территориальные объединения – значит, лишаться поддержки интеллигенции, не пользующейся привилегиями. (Позднее пункт о создании Советов микрорайонов войдет в программу Уральского Народного Фронта. Идея подхвачена во многих городах. Советы микрорайонов были созданы в Москве, Перми, Свердловске. В 1990 году Пермский Рабочий Союз (СК) инициировал и участвовал в создании в Перми Совета микрорайона по улице Дружбы, и почти одновременно был создан Совет микрорайона в районе I Вышки – на базе кооператива по газоснабжению, а точнее, населения, желающего провести в свои деревянные дома газ. В середине 90-х только в одном Мотовилихинском районе Перми работало 6 Советов микрорайонов. Участь из печальна – ОТОСы забюрокрачены, бессильны, используемы в избирательных кампаниях.

Что касается темы новой партии, казалось бы, опыт 1917-го года показал, что для революции, которая в сильной степени зависит от центрального города, необходима жесткая партия. Но развитие сибирского, уральского, других регионов, увеличение численности рабочего класса, да и развитие экономики не просто снимает требование жесткости, он делает невозможным создание жесткой структуры. Есть и иные причины, их рассмотрение выходит за рамки книги.
Совещание вынуждено было перенести работы из деревни Решеты в отделение милиции г. Первоуральска Свердловской области - большинство участников задержали и потребовали предъявить паспорта. Паспорта не предъявили, за что на три часа оставлены в отделении милиции с постоянным запугиванием различными полковниками. Там В. Зеркин и набрал свои восемь городов. Информацию об этом инциденте не передал СМОТ, не передала «Немецкая волна» и другие организации, хотя она была ими получена почти сразу же после Совещания.
Та часть собравшихся в Решетах, которая поставила задачу создания новой компартии, 22-24 марта 1990 г. в Казани организует Съезд, на котором формируется Марксистская рабочая партия – партия диктатуры пролетариата (МРП-ПДП, в дальнейшем МРП-ПДПб). 12 человек в протест на присутствие «сталинистов» покидают Съезд и организуют Демократическую рабочую партию. Костяк МРП-ПДПб: Зеркин (юрист), журналист Юрий Леонов (Москва), теоретик Низами-Лезгин (физика плазмы, Долгопрудный), рабочие Григорий Исаев и Виталий Котельников (самарская группа погибшего философа Разлацкого). Ушедшие (ДРП): Александр Хоцей, (историк, журналист, Казань), Сергей Билык (Белая Церковь). Хоцей вскоре отходит от политики и начинает писать теоретические работы, Билык уходит в коммерцию, ДРП почти исчезает. Хоцей прекращает издавать журнал «Марксист», Билык – «Рабочую газету».

Летом 1991 года на Съезде МРП-ПДП в Москве группа Исаева покидает собрание и образует ПДПб. Вскоре от ПДПб остается лишь самарская группа, которая издает газету «Забастовка». Оставшаяся МРП также делится: вначале костяк покидают «низы». Причина – узурпация счетов, финансов и т.п. Затем Зеркин, предварительно организовав Рабочее информагентство («ИРА»), обособляется от МРП. Как выразился Леонов: «Я понял: Зеркин – аппаратчик…» Затем Зеркин изгоняет из агентства непослушные «низы»: Александра Харченко и Александра Тислицкого. После этого Низами (Лезгин) и Тислицкий похищает из конторы Леонова в Москве аппаратуру: лазерный принтер, компьютер и т.д.
Леонов организует московский профсоюз «Защита» и начинает совместно с информагентством КАСКОР издавать газету «Рабочее дело». Всего выпушено два номера. Низами, Тислицкий, Александр Деев (также бывшая МРП, Нижний Новгород), а также Эля Никишина (профессиональный философ) и ее ученица Светлана Байбородова (обе – Самара) при поддержке бывшего консультанта при ЦК КПСС Ричарда Косолапова создают редакцию журнала «Марксист». Выпущен один номер. Леонов, оставшись в одиночестве, принимает участие в выборах 12 декабря 93-го и становится помощником депутата Госдумы.
По предположению Роберта Джонса («Милитант», английская троцкистская группа), причиной избирательной активности Леонова послужили честолюбие, карьеризм. Последняя попытка объединения 18-19 декабря в Москве, в которой должны были принимать участие Зеркин, Леонов, а также группа Сергея Биеца, исключенная из «Милитант» – не состоялась. На конференцию приехало 10 человек, без Зеркина и Леонова, т.е. без финансов. Леонов погиб при невыясненных обстоятельствах.

Группы третьего направления Решетинского Совещания (помощь в организации рабочего движения) собираются в те же самые дни в Челябинске, что и «партийцы»: 22-24 марта 1990 г. Рабочий клуб (Виктор Пинаев, г. Верещагино Пермской области), Челябинский Союз рабочих (Мухаркин), челябинский Рабочий клуб, (Бажин, Владимир Кузнецов, Владимир Резник, Елена Куклина), свердловский клуб «Рабочий» (Виктор Буртник, Валерий Молчанов, Валерий Мусатов), Межпрофессиональный союз рабочих Магнитки (Харченко) и Пермский Рабочий Союз учреждают общественное политическое объединение «Рабочий» (ОПОРа). Состав ОПОРа – практически полностью из рабочих. Этот шаг к реальному объединению был сделан только тогда, когда на горизонте замаячил I Съезд независимых рабочих движений в Новокузнецке – 30 апреля – 2 мая 1990 года.

РЫНОК СОЦИАЛИСТОВ

I. Конференция Труда – НПГ

Лето 1989 года ознаменовало конец неформальщины и переход к относительно масштабным выступлениям. Две волны – всесоюзные забастовки горняков и попытки создания ассоциации Советов трудовых коллективов – показали, во-первых, что одиночные выступления обречены на равнодушие самих низов, а во-вторых, что общедемократической неформальной среде необходимо для выживания определиться: либо работать с низами, либо стремиться зацепиться за существующие властные структуры.

Обе эти волны – попытка реализовать интересы рабочих в рамках существующей системы, то есть, без широкого рабочего движения, которые бы поставило целью овладение властными рычагами.

Забастовки горняков можно характеризовать как пик экономической борьбы и одновременно ее несостоятельность. Движение Советов трудовых коллективов означало отстаивание прав коллективов в рамках андроповского закона о трудовых коллективах и горбачевского закона о госпредприятии. В рамках системы – означает отсутствие единого самостоятельного рабочего движения. Следовательно, эти две волны были обречены заранее. Осталось немного – придать этому движению умеренный характер и направить в нужное русло, чтобы уничтожить. Что и было выполнено.

Фактически все неформальные группы буквально хлынули в Кузбасс и Донбасс.

Летом же 89-го в Москве собирается Оргкомитет по подготовке I всесоюзного Съезда независимых рабочих движений. В нем еще участвует Николай Ковалев с моторостроительного ярославского завода, представители прибалтийских Рабочих Союзов, (в том числе депутат Казимир Уока), Белорусский Народный Фронт (Михаил Соболь), рабочие-активисты Ленинграда (Тягушев и другие), Москва (Королев, Мальцева Е., Котикова Н.), горняки различных регионов (Малыхин, Кузбасс; Масалович, Воркута и др.). Участвовали и представители будущего политобъединения «Рабочий» – Василий Ганьжин (Свердловск) и автор данной книги.

Борьба за направленность будущего Съезда началось с первых заседаний оргкомитета. Демократически настроенные участники оргкомитета требовали проведения Съезда в Москве («поближе к властям и телевидению», как выразился один из рабочих – членов Оргкомитета. Прибалты предложили провести Съезд в Риге, горняки Кузбасса – в Новокузнецке, уральцы – Челябинске, как в городе наиболее консервативного региона. В итоге, когда обозначился выбор: либо Москва, либо Новокузнецк, уральцы поддержали Новокузнецк.

Устав и платформу будущей Конференции Труда, созданной на Съезде, писали московские социологи Гордон, супруги Ракитские. Объединение «Рабочий» предложило альтернативный вариант, однако на первом же собрании оргкомитета в Новокузнецке представитель Кузбасса Голиков объявил, что необходимо создать все условия, чтобы альтернативными проектами «не пахло».

Тезис Ракитской: «Рабочие способны (!) принять демократические преобразования как собственные…»

Голос из зала: «Урал предлагает иную формулировку: «Все слои общества должны осознать интересы рабочего класса как собственные (Маркс)».

Помимо столичных представителей в работе Съезда участвовали Союз кооператоров (СОЦПРОФ, глава – либерал Сергей Храмов), объединение «Щит», будущая социал-демократическая партия и другие аналогичные организации. По данным президиума из 600 – делегатов 65% рабочих. Всего присутствующих – около тысячи человек. На Съезде определилась и основная цель собрания – ускорить переход к рынку.

Приглашенный депутат Травкин заявил, что, по его мнению, капитализм назрел, и мешает ему только «засевшая в каждом коммунистическая идеология; поэтому необходимо создание антикоммунистической Народной партии». Зал приветствовал его речь аплодисментами.

Коллега Травкина по созданию Народной партии Бурбулис скорректировал: антикоммунизм – это тоже опасно. Необходима деидеологизация. Каждого советского человека должно мутить от любых идеологических конструкций. (То есть, у рабочих не должно быть собственной идеологии, собравшимся не нужно обременять себя мыслительными усилиями, это за них сделает политолог Бурбулис. В речи Травкина Бурбулису не понравилось, что рабочие вообще могут использовать для объединявшего их материала даже антикоммунистическую идеологию). Еще один гость, священник Глеб Якунин, поддержал Травкина.

Мнения на Съезде, в основном, делились по трем плоскостям. Первая – «рабочие» или «трудящиеся». Съезд в целом не пожелал «бить по яйцеголовым», то есть, у рабочих негативной реакции на непривилегированную интеллигенцию не было. Однако «трудящиеся» означает, что глубина политического анализа не опускается ниже консолидации на образе врага: «нетрудящихся» (управленцев). Специфический интерес рабочего класса, отличающий его от остальных социальных групп, не выявлен. Поэтому и в программе не может быть конструктивного, позитивного начала. Нужно отметить, что двумя годами ранее было еще трудно объяснить, что существует собственники (враги) и эксплуатируемые.
Вторая плоскость, разделяющая массив мнений: «коммунизм» или «антикоммунизм». Подавляющее большинство Съезда – против коммунизма, причем столицы – вполне осознанно, большинство рабочих – против коммунизма в исполнении КПСС. Интересна реакция на выступление английского марксиста, члена Парламента, Кена Ливингстона. Он рассказывал о борьбе рабочих в Англии, о давлении буржуазии. Общепринятые терминологические штампы, очевидные, несмотря на неточность перевода, вызвали ропот. Бывший член ДемСоюза, активист Демократической Партии Убожко послал записку в президиум, которая была не без удовольствия зачитана: «В зале не два приглашенных члена ЦК, а три, с учетом английского марксиста». Записка вызвала бурный хохот.

«Антикоммунизм», - пишет Ковалев в «Рабочем листке» ярославской Рабочей группы, - сегодня становится модой и его трудно воспринимать всерьез – как будто люди уже жили при коммунизме и он сильно не понравился». И далее отмечает: «Хотя делегаты Съезда и сделали все возможное», чтобы не оттолкнуть интеллигенцию, вплоть до того, что в документах слово «рабочие» заменено на «трудящиеся», вряд ли интеллигенты соберутся под крышей рабочего объединения». По мнению Ковалева, нужно, чтобы «рабочая организация с самого начала была независима не только от властей, но и от своих союзников по демократическому лагерю. Рабочим нужно поменьше доверчивости, лучшее осознание своих рабочих интересов, способность разобраться, с кем по пути, а кем нет… Случай с Травкиным продемонстрировал – рабочие по первому призыву готовы идти сами не зная куда. Рабочие не должны быть слепым орудием в руках старых и новоявленных демагогов».

Третий пункт: «профсоюз» или «политическая организация (партия)». Общее мнение – против партии, как очередной бюрократической организации. В ходе Съезда были предложена формулировка «не Конфедерация Труда», а «организация освобождения труда». В основном, формулировка не прошла из-за штампа. Однако было очевидно, что участники Съезда склонны ограничить задачу экономическими вопросами, то есть, борьбой «за хорошее стойло». На это ограничение накладывались частные интересы самого Кузбасса. Менее организованный Донбасс запросил поддержки его требований к правительству. Однако Голиков, сидящий в президиуме, проигнорировал: Кузбасс уже не просит, он требует власти в регионе.
У Яромира Пеплинского, представителя польской «Солидарности», впечатление от первого дня работы Съезда «довольно тусклое, слабое, не определена главная цель этого собрания… хотя итог Съезда может опровергнуть мое впечатление». «Что, к счастью, и произошло», - комментирует орган Союза трудящихся Кузбасса «Наша газета». Однако, как показали и дальнейшие заседания Совета представителей Конфедерации Труда, на Съезде было достигнуто лишь рекламное единство – Кузбасс постарался создать организацию «под себя», точнее, не Кузбасс, а руководство СТК Союза трудящихся Кузбасса, Кислюк, Голиков, Герольд.
Дело в том, что в Новокузнецке впервые собрались вместе рабочие того же Кузбасса. Шахтеры Донбасса – также впервые. Внутри самого СТК - существенные разночтения. Например, в Кемерово местный СТК не подпускал к микрофону представителей рабочего комитета объединения «Азот». Подобный горняцкий «бег вприпрыжку» при относительной пассивности рабочих региональной тяжелой промышленности неминуемо должен был привести к разрыву Конфедерации Труда (КТ) не только с рабочими других отраслей, но и с самими горняками. Что и произошло. Об этом открыто заявили в частной беседе в Москве на Съезде СОЦПРОФ летом 1991 года представители НПГ Украины: «Есть десяток крепких парней… В остальном – едва ли можно найти одного-двух человек с шахты, которые согласились бы работать».

На последующих совещаниях Совета представителей КТ продолжалось обсуждение темы «тред-юнион – партия». Свердловский клуб «Рабочий» резко возражал против «профсоюзной» направленности КТ. Однако очевидно, что необходимо учесть мировой опыт дробления рабочего движения на профсоюзное и политическое и дальнейшее обособление ветвей. То есть, необходимо сочетание задач экономических и политических. И все же основной направленностью политических тенденций в стране – очевидно! – была легализация, проявление в открытом виде буржуазных отношений. Поэтому ожидание того, что в КТ можно будет обсуждать собственные задачи рабочего класса – профсоюзные и политические – оказалось романтическим.
Так или иначе, но ОПОРа упустило время: созданием профсоюзов занялись демократы: СОЦПРОФ, Дем. Союз, предприниматели, которые и придали окончательно альтернативным профсоюзам московский характер: собственные корыстные интересы, обрамленные интересами трудящихся.

23 июня 90-го года совещание Совета представителей в Москве утвердило положение о координационном совете и институте сопредседателей. Сопредседатели не могут отзываться трудовыми коллективами, которые они представляют. Почему? Для работы, объяснили член донецкого стачкома Болдырев и Голиков, так как были случаи, когда членов стачкомов трудовые коллективы отзывали из представительских органов.
За день до этого, 22 июня, в гостинице «Россия» состоялась репетиция совещания: Голиков и Герольд решили, что один из трех сопредседателей будет Герольд, другим – Голиков. (по рассказу присутствовавшего В. Палагичева из Магнитогорска, МСРМ). Со стороны В. Буртника институт сопредседательства вызвал яростную критику: «Мне непонятно, чем будут заниматься сопредседатели, ведь сопредседатель из Кузбасса не может представлять во властных органах Урал, например…» Тем не менее, он выяснил, нет ли возражений в ОПОРа по поводу его кандидатуры, а затем его кандидатура была предложена на голосование. Это была первая попытка лидера свердловского клуба «Рабочий» прорваться «наверх». И неудачная. При подсчете обнаружено 34 бюллетеня при 37 зарегистрировавшихся. В каждом бюллетене – 5 фамилий, из которых две нужно было зачеркнуть. За одного из представителей Кузбасса проголосовало 28 человек, против – 8, против Буртника – 28, за 5. Т.е. в первом случае появились лишние голоса, во втором – недостаток. Счетная комиссия: Тарник (Харьков), представитель Кузбасса, Ракитская, анархист Шубин и представитель Союза кооператоров. Известно, что за Буртника проголосовали: 2 человека из Свердловска, 2 из Магнитогорска, 1 из Перми, 3 из Москвы и 1 из Челябинска, т.е. минимум 9 человек.
Московские ученые (Ракитская, Бузгалин) попытались прорваться в Совет председателей КТ. Безуспешно. Примечательно, что за год до этого год на оргкомитете Съезда Галина Ракитская заявила, что в рабочую организацию должны входить только рабочие, а ученые – лишь консультировать.

Разрыв лидеров КТ с основной массой шахтеров обозначился уже через два дня. На 11 июля бала намечена Всекузбасская забастовка: СТК требует отставки правительства и предоставления самостоятельности Кузбассу. 24 июня с Голиковым беседует Ельцин и просит «отложить». Ответ примерно следующий: просить шахтеров бесполезно, во-первых, не послушают, во-вторых, скажут лидерам «до свиданья».
Совет представителей не смог определить дату забастовки, она определена самим Кузбассом. Выдержка из резолюции СП от 22 июня: «Мы требуем отставки правительства… национализации имущества КПСС, ликвидации парторганизаций в вооруженных силах, лишения КГБ функций политической полиции… разработку программ… для добровольного (?) выбора… предоставления коллективам права самостоятельно определять формы управления на своем производстве». Составлена анархо-синдикалистом А.Шубиным, Гордоном, Ракитской. Типичные диссидентские требования.
Последние слова резолюции означают, что по отношению к формам собственности сама КТ не определилась, не в состоянии избрать форму, адекватную интересам трудовых коллективов.
Итак, направление КТ – освобождение предпринимателя, продающего уголь. Т.е. свобода хозяина Кузбасса. Интересы рабочих остаются в стороне. За подобным «освобождением» последует неудачная попытка продать оп мировой цене уголь за границу, а значит, и внутри страны, следом – денежная эмиссия, обострение отношений внутри Кузбасса. Затем – закрытие рентабельных шахт, вследствие структурного кризиса, вытеснение угля нефтью, газом, радиоактивным топливом.
В отличие от КТ, английские шахтеры, например, выдвигают общие для рабочих разных отраслей

требования: сокращение продолжительности рабочей недели и пр.
Вся критика со стороны ОПОРа была известна лидером КТ (через пол года та же самая критика прозвучит в адрес лидеров Союза трудовых коллективов). Однако у лидеров КТ – собственные задачи. Ясно, что шахтеры организованнее рабочих тяжпрома; в горнодобывающей промышленности больше сплачивающих факторов; опасность, организация работ. В машиностроении, напротив, больше факторов разобщающих. Кузбасс не проявляет интереса к развитию рабочего движения в других регионах, хотя имеет для этого все возможности. Следовательно, слабо организованные группы в КТ оказываются в роли участников массовки. У слабых же организаций создается иллюзия собственной силы за счет цепляния за полу сильного. Прогноз развала КТ – очевиден.

В дальнейшем Кузбасс избавляется от балласта мелких организаций, Шахтерская волна выносит на себя в правительственные структуры Голикова (который попадает в команду Ельцина), Шарипова, Кислюка. Последний становится губернатором Кузбасса. Политолог Илья Шаблинский произносит на совещании СП КТ беззастенчиво хвалебную речь в адрес Голикова и вскоре становится редактором «Конституционного вестника». Герольд закрепляется в администрации Кислюка, а Голиков сходит с политической аренды после неудачного полета в Москву к Ельцину (попал в вытрезвитель). После совещания СП на следующий год после совещания в Донецке КТ фактически исчезает. На совещании не присутствуют Кузбасс, Воркута, Североуральск, собрание ведут оставшийся сопредседатель М.Соболь (Минск) и анархосиндикалисты А. Шубин и А. Исаев. Финансирование КТ прекращено. Над горняками Шарьи начат судебный процесс, требуются деньги. КТ не в состоянии помочь.
На совещание СП КТ в Донецке шахтеры Донбасса даже не послали представителей: приехал один доброволец, член КПСС Демешко. Активность передоверена лидерам; следует спад движения в Инте, Воркуте, Кизелугольбассейне. Кизелугольбассейн фактически ограничит свою деятельность бесплодным хождением с прошениями по высоким инстанциям, у него сохранятся связи с ВЦСПС. В Караганде гибкая политика Назарбаева, его переговоры с Горбачевым позволят выполнить некоторые требования горняков. В дальнейшем национальные границы изолируют карагандинцев, их многочисленные телеграммы с просьбой о поддержке не вызовут ощутимого отклика. Мольбы М.Соболя из Минска также останутся без ответа.
В беседе с представителем ленинградского самостоятельно профсоюза рабочих «Справедливость» Сергеем Васильевым на СП КТ в Москве была высказана мысль, что вовлечение лидеров в руководящие структуры, передоверие узкой группе активности приведет к провалу, а затем во второй раз шахтерам уже будет труднее подняться. На этом фоне выделяется НПГ – Независимый профсоюз горняков.

В марте 1990 года на 14-м Съезде отраслевого профсоюза происходит раскол – из зала уходят 50 человек. Они начинают подготовку 1 Съезда шахтеров. На втором Съезде рождается НПГ.
В 1991 году во время забастовок шахтеров правительство России через посредника, которым стала ФНПР, передало руководству НПГ 50 млн.р., 9 из которых ФНПР взяла себе. Эти деньги и сбор средств, организованный Дем. Россией, «помогли» шахтерам выдвинуть на первое место политическое требование – отставку Горбачева и правительства Павлова (позже российское правительство щедро расплатится с шахтерами, подняв их зарплаты до 20-30 тыс.р.). Именно после этого Вячеслав Голиков становится советником президента, а Анатолий Малыхин, один из шахтерских лидеров – представителем президента в Кузбассе (воспроизводится по статье К. Сумнительного, «Альтернатива», 1993, вып.3).
Кроме увеличения зарплаты, Кузбасс получил право продавать ресурсы за валюту. Поскольку уголь Кузбасса трудно продать за рубеж, это означало продажу остальных ресурсов.
«Накануне финансового скандала, отгремевшего летом 1991 г. и приведшего в конце концов к снятию председателя исполкома Павла Шушпанова, в исполнительном бюро разгорелся спор. Часть исполкома во главе с Шушпановым считала, что очередной задачей профсоюза является получение больших денег за счет коммерческой деятельности… Их оппоненты Александра Мриль и Александр Сергеев (первый из них был тогда членом бюро НПГ СССР, второй заместителем председателя), считали, что не коммерческая деятельность, а рост рядов усилят профсоюз. Они не отрицали значение коммерческой деятельности, но считали, что она должна быть приоритетной для профсоюзов.
В разгар этих теоретических споров стало известно, что председателем исполнительного бюро

подписан договор, по которому представители крупного бизнеса давали НПГ СССР 10 млн р. Документ от предпринимателей подписали президент Союза кооператоров В. А. Тихонов, его зам. по внешнеэкономическим вопросам И. Кивелиди и председатель партии Свободного труда И. Коровиков. Горняки успели получить 3 млн., после чего разразился скандал. Связан он был со вторым тайным договором, по которому НПГ обязался предоставить Союзу кооператоров и его внешнеэкономическим структурам режим наибольшего благоприятствования в угольной промышленности (вместе с Шушпановым его подписал уже никого не представлявший Малыхин). Кроме того, в процессе работы ревизионной комиссии обнаружилась «пропажа» более чем 190 тыс. р. из бюджета профсоюза.

… Накануне скандала на шахте в Павлограде погибло 33 горняка. Исполнительное бюро выделило семьям погибших 33 тыс.р. П. Шушпанов обиделся за земляков и передал в родной город 300 000 р. Происхождение этих денег до сих пор остается загадкой … За финансовые нарушения Шушпанова сняли, но курс на коммерциализацию профсоюза был подтвержден». (К. Сумнительный, там же).
Остается неясным, зачем правительство выделяло деньги НПГ, если затем шахтеры выдвинули требования смещения того же правительства. Возможно, у правительства были иные надежды, но шахтеры, с удовольствием получив деньги, не поступились принципами и эти надежды развеяли. Возможно, что развитие частных интересов горняков внутри НПГ входило в планы руководства.
Сумнительный вообще считает доказанным, что забастовки 89-го – дело рук КПСС. Действительно, итог «работы» НПГ – вклад в раскручивание инфляции, повышение цен на энергоносители и продажа их за рубеж.
В. Палагичев рассказывает: беседуя с ним, Акимов, представитель ВКП, намекнул, что «они» финансируют частично и ФНПР, и СОЦПРОФ, до тех пор, «пока им это необходимо».
Известно также, что ценники, где, например, стоимость пачки сигарет равнялась пяти рублям, появились до первого повышения цен.
Если же судить по кузбасским газетам, органы КПСС Кузбасса с 89-го года высказались в поддержку рабочих, но стремились не допустить забастовок. Возможно, что такое поведение местной КПСС устаивало Москву.
Однако вряд ли можно спроектировать заранее какое-либо массовое движение, или же спровоцировать его без достаточной базы.

Вот что говорят по поводу финансового скандала в НПГ будущий «международный» лидер НПГ В. Уткин: «Здесь столкнулись две идеологии, два лагеря. Одни говорили, что профсоюз должен бороться за повышение зарплаты и жить только на взносы. Вторые говорят, что на один взносы мы не проживем. Поэтому надо параллельно развивать коммерческую структуру. Эти две непримиримые стороны столкнулись сначала на бытовой, а потом, на идеологической почве, начали выкручивать друг другу руки, кто победит. И они стали применять подлые приемы. «Вот ты когда-то был пьяный, а ты завязал дружбу с кооператорами». Эта возня приобрела скандальный характер, а принципе, она ничего не стоит. Так случилось, что потом мы разобрались со всем этим и приняли решение, что действительно, профсоюз должен быть профсоюзом. Но наши условия сегодня говорят о том, что мы сегодня не можем существовать физически, потому что у нас нет средств для этого. Поэтому придется эти средства зарабатывать, но не продавая пирожки и цветы. Нам надо делать какие-то крупные структуры, участвовать в акционерных обществах, в банках и т.д., создавая параллельную структуру так, чтобы она не мешала основной работе профсоюза. По поводу Шушпанова я хочу сказать, что парень он нормальный, очень многое сделал для нашего профсоюза. Так случилось, что оболгали. Они друг друга оболгали. Он не ушел из профсоюза, он сейчас работает на Сахалине, но он уже не является членом исполнительного бюро. (Д. Мандель, «4 интервью с активистами НПГ, октябрь 1991 г.»).

То есть, выясняется, что взносов горняков не хватает не только на оплату аппарата первичных ячеек, но и на работу центральных органов. Следовательно, поддержка снизу невелика. Это значит, что НПГ – очередной достаточно бюрократический аппарат, созданный сверху. Он и возник в результате раскола отраслевого профсоюза.
Более того, ФНПР, включающая в себя гораздо большее число горняков, чем НПГ, также не может обойтись без коммерческих структур. А это означает полную пассивность не только рабочих горнодобывающей промышленности, но и рабочих других отраслей.

Это означает, что существует внутренняя причина для развала, для сведения на нет скороспелых оргструктур. С одной стороны, это попытки группы лидеров «прорваться в одиночку», с другой – попытки рабочих одной отрасли спастись в одиночку. У тех и у других - реализовать частный интерес, «освободиться за спиной у всего общества» (Маркс, «18 брюмера Луи Бонапарта»). Причина частного интереса определена: созданная под бюрократический аппарат, раздробленная жестким планом система производства, и давление аппарата, вытеснение рабочих из процесса управления.

Постановление №608, принятое правительством в результате забастовок, написано исключительно под шахтеров и поэтому нереализуемо, за исключением повышения зарплаты. Все остальные действия НПГ, помимо поддержки «свеженоменклатурных» политических сил, сводятся к тому же. Тем самым на короткий период шахтеры становятся эксплуататорами рабочих других отраслей, подобно тому, как американские рабочие – рабочих развивающихся стран. Есть почва для провокации натравливания рабочих разных отраслей друг на друга. Эта провокация реализуется. На призыв собрать деньги «для бастующих русских рабочих» не откликнулся ни один рабочий пермского оборонного завода им.Ленина, где только на основном производстве - 28 тысяч человек.

Аналогичный скандал с финансами произошел и в Воркуте. Казанская коммерческая фирма «Тан» переводит на счет Воркутинского городского рабочего комитета 30 млн.р. Взамен – тот же самый «режим благоприятствования». Вскоре лидера ВГРК Вячеслава Тукана отстраняют от должности. Газета «Воркута: час пик» публикует интервью с Туканом, где он объясняет, что потребовал вернуть деньги «Тану», однако это натолкнулось на сопротивление других членов ВГРК. Оставив пост, Тукан принимает участие в гайдаровском блоке «Выбор России». Вместе с Туканом в «Выброс» приглашен третьим в список Виктор Уткин (т.е. с гарантированным мандатом). Уткин отказывается. Газета «Заполярье» публикует статью» Ю.Сичкаря.
«Возник естественный вопрос, - пишет Сичкарь о людях, приглашенных в Москву учредительной группой, - кого же там, в Москве, представляли сии делегаты? И от чьего имени «двинули» в список В. Уткина и доцента Завьялова…из Сыктывкара?» И далее: «Я о том, что в Москве и эта группа, и ее представители всех устроили. Никакого труда проверить легитимность лидеры «Выбора России» себе не дали. Отсюда у меня есть право предложить, что и остальные «регионалки» на съезде были того же качества. А отсюда – определенное отношение к самому «Выбору России»…» В том же номере газеты печатается интервью с председателем ВГРК А. Хидировым и его замом Р. Сиразиевым. Хидиров: «Действия президента и программу «Выбор России» мы в принципе одобряли… Нас в ВГРК что больше всего возмутило? Мы в городе организация авторитетная, стоим за демократические реформы, а нас при создании этой самой группы просто-напросто проигнорировали». Сиразиев: «…Почему делегировали на съезд именно такое состав: двух сотрудников «Час пик» В. Давыдова и Г. Волкову и депутатов горсовета В. Тукана и В. Копасова?… как попал в Москву Тукан и почему представился председателем стачечного комитета республики? Такой организации в Коми вообще не существует…»

В той же газете от 24.12.93 печатается обширная статья А. Хидирова. Он пишет: «…Начал вбиваться клин между ВГРК и НПГ – это особенно ярко проявилось в статье Г. Волковой в газете «Дело» (СДПР-СОЦПРОФ, Б.И.) – «ТАНковый удар». Далее Хидиров отмечает «большевистское лицемерие» и описывает двуличие «перекрасившейся» Волковой, после чего переходит к Тукану: «…любимым героем статьей Волковой стал Вячеслав Иванович Тукан, тоже коммунист, тоже демократ, прославившийся беспардонным разбазариванием средств со счетом ВГРСК. Недавно прошедшая общегородская шахтерская конференция долго решила: отдавать Вячеслава Ивановича под суд или нет. Помиловали, а, по-моему, зря…» Однако ответа по поводу денег «ТАНа» Хидиров так и не дает.
На съезде СОЦПРОФа в Москве в феврале 1992 года также возникли трения по финансовым вопросам. Председатель Координационного Совета С. Храмов заявил, что «финансовую деятельность профсоюза не имеет права проверять даже государство…» Вышедший из состава СОЦПРОФ А. Буканов, председатель липового «Межпрофессионального союза рабочих Пермской области» за финансовые «нарушения», долги кузбасской «Нашей газете» и еще одному кооперативу в сентябре 1991 года получил срок 8 лет. Была информация, что Верхсуд СССР еще до суда в Перми постановил, что по делу Буканова отсутствует, но было еще одно обвинение – Буканов порезал жену).
Не избежало финансовых и прочих скандалов и политобъединение «Рабочий».

Но очевидно, что не только отсутствие «контроля снизу» явилось причиной разложения профсоюзом и направленности их действий.
Так, например, летом 1993 года был создан Фонд института свободных профсоюзов, куда АФТ КПП перечислило 300 000 долл. Владельцами счета стали В. Уткин, социал-демократ П. Кудюкин и социолог Гордон. Тот самый Гордон, который участвовал в написании платформы Конфедерации Труда и который на Съезде Российского Союза трудовых коллективов осенью 1992 года в кулуарном разговоре, гнило улыбаясь, заявил: «Согласен, что РСТК скоро погибнет. А рабочее движение ваше давно погибло…»
Вскоре к этой тройке подсоединились В. Тукан и Сергей Беляев из Свердловска (вице-президент Уральского профцентра, бывший СОЦПРОФ). Отметим, что АФТ КПП – проправительственный, как и СОЦПРОФ, профсоюз, следующий в русле политики Клинтона. Лидер Люберецкого профсоюза металлургов Ожегов на один из встреч ДемРоссии высказал, что ДемРоссия и КПСС – это одно и то же. После чего присутствовавшие на встрече представители АФТ КПП пригласили его в США. Где Ожегов заявил, что АФТ КПП и ВЦСПС – одно и то же.
Зарубежные профсоюзы явились так же посредниками при финансировании «независимых» профсоюзов России. На 6 сентября 1993 года отраслевой профсоюз угольщиков (официальный) назначил забастовку. Вслед за этим председатель ВПГ России Александр Сергеев рассылает документы такого содержания: «364500 Шахты Ростовской… председателю Хлебникову. Руководство НПГ России, обсудив ситуацию, сложившуюся в угольной промышленности, предлагает членам НПГ воздержаться от участия в акциях, проводимых другими организациями до решения совещания председателей первичных организаций, которое запланировано 6-11 сентября. Основание: 1) решение Всемирного банка финансирования программы реструктуризации реформирования угольной промышленности РФ – обсуждение которой будет основным вопросом…»
А. Исаев, получив на руки документ, почти сразу отреагировал: «НПГ России – единственный профсоюз в мире, который в своих действиях руководствуется решениями Всемирного банка…»

Интересно проследить, как изменяются позиции лидеров НПГ. В 93-м В. Уткин активно участвует в международной жизни и деньги АФТ КПП его не шокируют. Но в 91-м в интервью Д. Манделю он говорит: «…Оказалось, что нас пригласил официальный (польский, Б.И.) профсоюз. Собрались профсоюзы… Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Албании. Кроме нас официальные профсоюзы Российский и Латвийский. Речь о том, … чтобы не допустить напора капитализма в наши государства. Мы отказались подписывать это заявление и уехали на международную конференцию, надеясь, что мы сможем принять участие в работе демократических профсоюзов. Но оказалось, что официальные профсоюзы тоже туда приглашены. Были еще представители профсоюзов Франции, Бельгии, Италии… т.е. от профсоюзов, которые раньше с нашими профсоюзами никаких отношения не хотели иметь. Основная идея: нужно объединиться… чтобы бороться за повышение зарплаты… Я сказал, что повышение зарплаты для нас сегодня не главное…
… Почему капиталистические профсоюзы решили объединиться с нашими социалистическими перекрашенными? Потому что в Европе очень боятся, что мы завоюем их рынок, т.к. наша продукция очень дешевая. Они очень боятся безработицы. Но они не хотят говорить об этом прямо и открыто. Они предложили сосредоточиться на повышение зарплаты для того, чтобы подорожала наша продукция…
… В нашем профсоюзе мы привыкли говорить правду, не скрывая, притом в самых крепких выражениях. Я… сказал, что мы не хотим участвовать в подобной сделке».

В конце концов, лидеры горняков начинают говорить, что во всем мире угольная отрасль – дотационная, и, помимо подыгрывания Ельцину, начинается выколачивание денег на зарплату.
Между тем, Союз трудящихся Кузбасса, возникший после июльских забастовок 89-го, в начале своей деятельности заявился, как политическая организация. В Программе СТК, принятой III – IV Конференциями СТК в сентябре – ноябре 89-го, значится: объединяющая рабочих, крестьян, инженерно-технических работников, служащих, всех трудящихся…»
Программа СТК свидетельствует, что интересы самих рабочих еще не выявлены, не определены. Программа наполнена абстрактными формулировками, подчас противоречащими друг другу. Например:
«Союз трудящихся Кузбасса, провозглашая социалистические идеалы своими идеалами, в то же время

будет всемерно опираться на общечеловеческие ценности… При преобразовании госсобственности трудовым коллективам отнять ее у министерств и ведомств, практически ею обладающих, и сделать общественной не только по форме, но и по содержанию… …СТК не считает возможным использование частной собственности, основанной на эксплуатации человека человеком…»
И здесь же: «Признается равноправное (разрядка автора) существование всех возможных при социализме форм собственности… акционерной, смешанной … и других…. …Рыночные отношения – это бесценный опыт человеческой цивилизации, и отсутствие рынка наносит советской экономике ущерб. Рынок в сочетании с планированием должен превратиться в основную форму взаимоотношений между предприятиями».
В политической платформе СТК исходит из того, что «не может быть другой власти, кроме советов народных депутатов».
Но уже в платформе КТ и на 1-м Съезде рабочих движений обозначается (теми же людьми!), что задача движения – ускорить переход к рынку.
Вообще вся Программа – это не выражение интересов простых рабочих, это, скорее, столкновение различных «привносимых» мнений интеллигенции, абстрактных штампов. Нужно отметить, что сами лидеры – отнюдь не из рядовых шахтеров. Например, член исполнительного бюро НПГ Александр Ерохин после окончания вуза работал начальником бюро по организации производства и труда на металлургическом заводе, затем зам.начальника производственно-планового отдела. Лидеры СТК – также закончили вузы и лишь после этого спустились в шахту – за большей зарплатой. Именно им условия труда показались невыносимыми. То есть, для того, чтобы актуализировать потребность, необходимо существование альтернативы, не совпадающей с той средой, где выявляется потребность, оторванной от этой среды, не имманентной ей актуально. Из этого состояния два возможных выхода: актуализировать адекватную потребность внутри самой среды или вырваться из этой среды, перейдя в разряд управленцев. Лидеры СТК избирают второй путь, освобождаясь «за спиной у общества». Для этой цели они вовлекаются в руководящие структуры Москвы, а рядовые шахтеры используются в качестве тарана для достижения целей московских политических групп.

В. Голиков, учтя критику, решает не скрывать собственных намерений и откровенно пишет в «Нашей газете», что «шахтеры используются в качестве тарана», и это является положительным моментом. (1990 год). Именно такую тактику избирает с момента возникновения протогруппа СДПР. В Программе СТК содержится типичный для СДПР пункт: «Вместе с тем мы отвергаем противопоставление интересов рабочих, крестьян с одной стороны, и работников управленческих органов, ……с другой». То есть, с одной стороны, СТК – организация политическая. А с другой – отрицает противоречия между социальными слоями. СДПР преподносил лишь этот тезис в развитой форме, определяя для себя задачу посредника между трудом и капиталом, согласования противоборствующих сторон, социального партнерства.
Поскольку СДПР – партия, не ориентированная на какие-либо классовые либо позитивные, либо негативные интересы, она удовлетворяется лишь абстрактным электоратом, обходясь без конкретной социальной базы; ее работа – это работа аппарата, подобная деятельности КПСС. Именно в этом духе дает лидер НПГ А. Сергеев интервью Д. Манделю. « …Вот собрался трудовой коллектив на конференции. От 50 человек – один делегат, скажем, Вася. Вот этот Вася отработал смену, пришел на собрание. Выходит экономист от администрации, читает ему: «Мы добыли столько-то тысяч тонн. Прибыль получилась столько-то тысяч тонн, и т.д., и т.д.» Читает целый ряд цифр. Как Вася разберется в них? Директор говорит, что надо сделать то-то, то-то. А почему? А потому, что вот постановление, вот решение и вот закон. А знает ли Вася, что есть такое закон и правильно это постановление? Для этого, - делает вывод Сергеев, - необходимо иметь какой-то постоянно действующий орган, который бы проверял правильность документации и т.д.»
Т.е. вместо вывода о том, что отчуждение Васи от средств производства и пр., а, следовательно, постоянное недопущение его к информации, касающейся работы предприятия, и если причина отсталости экономики, делается заключение о необходимости аппарата для проведения революции сверху, без Васи. Между тем в программе СТК значится, что революцию, начатую КПСС сверху, нужно поддерживать снизу, для этого и создается СТК.
Итак, откат налицо: «начинания, вознесшиеся мощно, теряют ход и имя действия».

«Как вы оцениваете результаты забастовки по экономическим требованиям?» – спрашивает Сергеева Мандель. – «Заработная плата в два раза бала сразу повышена. Хотя сейчас и инфляции подскочила, но заработная плата была повышена, и это более-менее смягчило рост цен».
(Наоборот. Повышение зарплаты и, следовательно, повышение спроса при сохранении товарногообъема явилось одной из причин инфляции, Б.И.).
Политические требования НПГ свелись к поддержке Ельцина, впрочем, не только НПГ. «Достаточно сказать, что требованиями двух крупнейших забастовок 1992 года в России (учителей и авиадиспетчеров) стало выполнение Указов президента». (Сумнительный, там же).
В итоге представители, например, Малышевского рудника (изумруды) идут со своими бедами к Сергееву, тот обращается в Москве в «вышестоящее» инстанции, в свою очередь, ничем не могут помочь (беседа с Ю. И. Поповым, сентябрь 1993). Требования шахтером регулярно не выполняются, зарплата не выплачивается, принимаются срочные программы закрытие нерентабельных шахт – у правительства нет денег. Лидеры НПГ оказались на положении «Васи».
«… Молятся на Ельцина, - пишет газета «Забастовка», август 1993, - Молитесь, ребята. Лбы не расшибите.»

Весной 1993 года политобъединение «Рабочий» еще раз предложило горняками провести объединенное совещание рабочих горнодобывающей отрасли, транспорта и тяжелой промышленности 4-5 сентября в Перми. На Совещании не был представлен ни один горняцкий регион (имеются в виду представители НПГ), ни профсоюз угольщиков.
В процессе конвертации власти в деньги, легализации буржуазных экономических отношений в стране, активность узкой группы, руководящего аппарата горняков, объективно не могла привести к иному результату, и вследствие внешнего давления, и по причине непроявленности единых интересов рабочего класса, остающегося «классом-в-себе». Встает вопрос: стало ли так торопиться в своей активности?

II. Союз Трудовых Коллективов

Еще быстрее прокатилась по политическому небосклону звезда Союза Трудовых Коллективов. После введение андроповского Закона «О трудовых коллектива…» и горбачевского Закона «О госпредприятии…» возникают Советы трудовых коллективов. Несмотря на ущербность законов и подчиненность администрации большинства СТК, часть активных рабочих и инженером была вовлечена в управление и получила информацию о работе предприятия. Следующий закон «О предприятиях в СССР» отменял частичную выборность директоров и ликвидировал СТК, вместо которого вводился Совет предприятия. То есть, рабочие и инженеры, получившие в свое время портфеля, лишались своих должностей. Выборность директоров была отменена уже в рамках закона «О госпредприятии…», благодаря действиям Ассоциации директоров в Политбюро и ЦК. Однако существенно, что закон «О трудовые коллективах…» так отменен и не был, и, соответственно, рабочие имели права на создание органов самоуправления предприятия.
Андроповский закон оказался невостребованным, он привел лишь к тому, что из рабочей среды были удалены активисты, и вовлечены в управленческий аппарат. Карманные СТК на пермских предприятиях отдали свои портфели без боя: на заводе им. Ленина уже после создания Совета трудовых коллективов собрание СТК передано полномочия решить судьбу СТК администрации, на заводе им. Свердлова об СТК попросту забыли (оба завода – крупнейшие в Перми и одни из самых крупных в России).

Отсутствие реакции рабочих на закон 1983-го года «О трудовых коллективах» лишний раз подтверждает формулировку Герцена о том, что «нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри». Более того, события показали, что внешнее освобождение играет роль тормоза для развития самостоятельного рабочего движения.
31 августа 1990 года состоялось Всесоюзное совещание представителей Советов трудовых коллективов и рабочих комитетов государственных предприятий в г. Тольятти. Проблему своей отставки собравшиеся обсуждали в течение 8 дней! – по 7. 9.1990.
Резолюция Совещания – как обычно, плод столкновений мнений интеллигенции. Совещание решает потребовать от ВС СССР пересмотреть на осенней сессии 90-го закон «О предприятиях в СССР и

закрепить в законе право трудового коллектива (так же, как и КТ!) самому выбирать форму собственности в следующих двух вариантах:
«а) Передать и закрепить Законом (без выкупа) права собственника за трудовым коллективом, в т.ч. право собственности на результаты хозяйственной деятельности…
б) Государство на предприятиях представляет трудовой коллектив (а не администрация) с правом распоряжения собственности, в том числе результатами хозяйственной деятельности…
… Право Собственности на результаты хозяйственной деятельности передается и закрепляется за трудовым коллективом в лице Советов трудовых коллективов». Редакционная комиссия – Т. С. Лесной, Г. Я. Ракитская.
В этом документе впервые на всесоюзном уровне прозвучало положение о передаче собственности предприятия в руки трудовых коллективов, а также о найме администрации трудовым коллективом в лице СТК, которое выдвинул в 1988 году свердловский клуб «Рабочий». Ранее это положение фиксировалось в программе СТК (Кузбасса); пункт о найме администрации звучал на Оргкомитете 1 Съезда рабочих движений, однако какого-либо воплощения, кроме тезиса «Фабрика – рабочим», в дальнейших документах эти пункты не нашли.
В начале октября 1990 г. в Тольятти собирается оргкомитет по подготовке учредительного Съезда Межреспубликанского Союза трудовых коллективов. В нем принимают участие Андропов, зам. председателя СТК тольяттинского ВАЗа, Сергей Андреев, лидер ленинградского Совета трудовых коллективов, Андрей Золотарев, один из лидеров стачкома пермского опытно-механического завода, политобъединение «Рабочий» (Свердловск, Пермь), в том числе автор этих строк, представители СТК предприятий других городов. Трое представителей «Рабочего» (Магнитогорск, Свердловск, Пермь) задавали один и тот же вопрос: чем будет заниматься МСТК помимо отстаивания права СТК на существование? Андреев отвечал, что будут читаться лекции по самоуправлению. В таком случае, какие силы обеспечат юридическую форму «народовластия» на предприятиях, т.е. поддержат выполнение закона? Каким вообще содержанием наполняется законодательная форма, кроме абстрактного самоуправления? В. Зеркин (Магнитогорск) прямолинейно начал агитировать за рабочие комитеты, А.Золотарев высказал еще более резко: «Ваши действия далеки от рабочих».

В кулуарах Андрианов начал выспрашивать, кого мы представляем. При возобновлении совещания В. Буртник (Свердловск) вернул фигу Андрианову - заговорил о представительстве: СТК не представляют трудовые коллективы, более того, приехавшие на будущий Съезд члены СТК не всегда будут делегированы собранием СТК. Остается также вопрос о делегатах от стачкомов, рабочих комитетов, прочих рабочих объединений. Андреев и Андрианов заявили, что речь идет только о делегатах от СТК и, возможно, от рабочих комитетов. Тем самым трудовые коллективы остались в стороне, а вся активность свелась к аппаратной деятельности по сохранению СТК в законодательстве.
В кулуарах Андрееву было высказано, что попытка зацепиться за руководящие структуры является единственным стимулом инициаторов Оргкомитета. Если им это удается, то говорить о дальнейшей демократизации на предприятии (т.е. не для членов СТК, а для рабочих) не приходится. Если не удастся, то низы, помня об «аппаратной», фактически – узкопартийной деятельности, обратно в свою чреду уже не примут.
Совещание закончилось тем, что приехавшая позже Ракитская с ходу чистосердечно раскрыла карты: в ее беседах со Станкевичем стало понятно, что если будущий МСТК будет подыгрывать «суверенитету России», т.е. Ельцину, тогда на проведение Съезда МСТК будут деньги. Если Съезд поставит во главу угла иные задачи, денег не будет.
Руководящие органы, избранные Съездом, приняли эту игру себе же на гибель, их деятельность свелась фактически к поддержке команды Ельцина. Ельцин, поиграв картой МСТК, выбросил ее за ненадобностью: в политике «конверсии» СТК лишь мешались.

26 октября СТК ВАЗа объявляет Волжский автозавод собственностью трудового коллектива.
Но уже на учредительном Съезде 8 декабря вопросы собственности не обсуждались. Была принята формулировка «передача собственности в полное хозяйственное ведение», т.е. при сохранении собственника: государства или частника. Это означало отсутствие каких-либо прав при множестве обязанностей, и было очевидно, что за такую работу никто не захочет взяться. Пункт о найме администрации был забыт.

Съезд избирает сопредседателей МСТК: Веру Лащ (Москва, АЗЛК), И. Ахметова (Елабуга, филиал КАМАЗа), С. Андреева, Андриянова. В Совет представителей вошли два человека от политобъединения «Рабочий»: В. Лебедев (Межпрофессиональный Союз рабочих Магнитки, позднее погибший в автокатастрофе в феврале 1992 г.) и В. Буртник (Свердловск).
(Перед своим выдвижением Буртник опять же осторожно согласовал с членами ОПОРа, не будет ли возражений его кандидатуре – несмотря на его же критику инициаторов Оргкомитета. Это была вторая попытка Буртника «прорваться наверх». Тоже безуспешная.)

В. Котельников (Самара, ПДПб) заявил, что он и еще группа стачкомовцев не хотят иметь никаких отношений с создаваемой организацией. Иван Фомич Батуев, председатель СТК пермского завода им.Ленина: «Я возмущен происходящим…» (Вскоре после этого СТК завода передает свою судьбу в руки директора Булаева, а Батуев переезжает в Москву и начинает заниматься коммерцией). Юрий Петрович Иглин, машинист горного комбайна 4-го калийного завода г. Березники Пермской области, председатель СТК: «Да, я согласен, что внизу еще полная пассивность. На нашем заводе ни одно решение не обходится без подписи СТК, фактически мы управляем производством. Но на соседних предприятиях – тишина. И в это время создается какая-то команда, которая от имени пассивных рабочих начинает заниматься высокой политикой… Это, конечно, обман».
Обманом было и управление СТК.

Задачей Буртника, которую делегировало ему ОПОРа, было информирование о ситуации в центре. Однако никакой информации от него ОПОРа не получало. Лишившись поддержки и столкнувшись с откровенно проельцинской позицией сопредседателей, на следующем Съезде уже Российского Союза трудовых коллективов Буртник вынужден заявить об уходе (не дожидаясь, пока выгонят).

Идеологом МСТК-РСТК становится С. Андреев. Интересно его поведение на учредительном Съезде. Речь заходит о направлении делегации к Горбачеву с требованиями и предложениями МСТК. Приехавший из ФРГ «теоретик самоуправления», публицист Вадим Белоцерковский предлагает не направлять делегацию, а чуть ли не вызвать Горбачева «на ковер» руководства МСТК. Но мысль прозрачна: вместо того, чтобы разговаривать с верхами, лучше заняться прямой обязанностью: организовывать низы.
Андреев возражает: в неустойчивой политической ситуации каждый «ход» может оказаться важным.
Итак, действия МСТК принимают чисто аппаратную форму. Сергей Андреев получил известность публикацией своей статьи о социальных противоречиях в СССР в журнале «Урал» в 1988 году. Говорили, что автором статьи является не он, а женщина-экономист из Новосибирска, которой необходимо было «пробить» диссертацию. Но суть в том, что в статье дается критика аппарата, его структуры, причем в исключительно лояльной форме: «бюрократическая критика бюрократии». В работе фактически отсутствует социологический аспект.
Однако восхождение Андреева в политике началось с Ленинградского Народного Фронта, членом правления которого он стал в 1989 году. Весной 89-го с ним связывается бывший член оргкомитета Союза рабочих комитетов Ленинграда Владислав Милютин. В это же время Андреев выдвигается в депутаты СССР. В атмосфере будущего провала ЛНФ Андреев оставляет «фронтовую» работу, к тому же его больше не выдвигают в правление.
Совместно с Милютиным ему удается объединить 27 организаций, в основном, от оборонных НИИ, где Андреев представлялся «специалистом по конверсии». Далее создаются коммерческие предприятия, распространяются брошюрки по самоуправлению, однако фактически Совет трудовых коллективов Ленинграда отсутствует. Так Андреев стал одним из лидеров МСТК, представившись руководителем фиктивной организации.

После Съезда первички ОПОРа в Магнитогорске и Перми, воспользовавшись «шумом наверху», пытаются создавать местные СТК. Пермский Рабочий Союз проводит три собрания, на которые каждый раз собираются не более 20 человек, и лишь на одно из них является представитель СТК оборонного предприятия «Велта» (завод им.Октябрьской революции). Несмотря на то, что представители многих СТК Пермской области на Съезде МСТК давали согласие на создание областного Союза трудовых коллективов, поднять народ на создание самостоятельной структуры оказывается невозможным.

Так же обстояло дело и в других городах Урала. В 1992 году благодаря давлению Москвы все же удается созвать учредительное собрание СТК Пермской области. После этого собрания СТК исчезают полностью.

В требованиях Совета представителей МСТК значится приостановление разгосударствления и приватизации и обеспечение права трудового коллектива выбрать форму собственности. Это означает, что, несмотря на поддержку Ельцина, «люди с улицы» вклиниваются в процесс передела собственности в СССР. Ясно, что положение МСТК гораздо более шатко, чем у новых профсоюзов. Больше того, МСТК не отдает себе отчета о своих возможностях, включив пункт о праве подписывать коллективный договор с администрацией предприятия, вместо профсоюза.
На II Съезде МСТК-РСТК 17-19 октября 1991 года эти «ошибки» исправлены. Принято положение о разграничении прав профсоюза и СТК, принята резолюция «Об интеграции ВПК в производство гражданской продукции». Более того, в этой резолюции существует пункт, дающий возможность Ельцину подвергнуть приватизации и оборонные предприятия:» … разработку и производство военной техники проводить на основе оборонного заказа по договору между разработчиком (производителем) и Минобороны…».

В резолюции «О развитии экономической ситуации в стране» критикуется централизация, делаются «разумеющиеся» нападки на руководство и повторяется тезис о «полном хозяйственной ведении». Особой заинтересованности в работе на местах лидеры РСТК не проявляют, деятельность сводится к написанию бумаг и хождению по правительственным кабинетам.
вскоре обнаруживается, что РСТК некому финансировать. Ни вступительные взносы, ни дальнейшие отчисления никто не платит. Меняются лидеры: организацию возглавляет А. Бобровский, который начинает пропагандировать прудоновский тезис «каждому по собственности». РСТК распадается на часть, возглавляемую Бобровским, и «Движение за справедливость» С. Андреева. К лету 93-го организация практически исчезает с политического горизонта. Попытка Бобровского собрать очередной Съезд заканчивается приездом сотни делегатов, львиная доля которых тут же покидает столицу, выяснив, что проезд Москва не оплачивает.
Вера Лащ и Бобровский появляются на Всероссийском экономическом Совещании 27-28 июля, проводимом под эгидой Верхнего Совета РФ и правительства, причем Лащ – член оргкомитета. Далее остатки РСТК поглощаются различными политическими блоками. РСТК погибает так же, как «всесоюзная» МРП-ПДПб, как формальный набор людей по идеологическому или иному признаку в аппарат без наличия базы в виде массового движения, без реального взаимодействия между трудовыми коллективами.

Сколько их… кагарлицких, милютиных, гордонов, кургинянов, бузгалиных, ракитских и прочих, жаждущих возглавить, войти в руководство, а если не удастся – предложиться руководству со своими «наработками», «разработками», «программами», «технологиями», дабы занять теплое местечко…

МЕДЛЕННЫМ ШАГОМ (В провинции)

В то время, как различные общественные организации, сосредоточившись в Москве, пытались оформиться в нарастающей политической борьбе, предприятия России последовали примеру шахтеров. Всплеск экономических забастовок коснулся даже консервативной Перми.

Весной 1991-го открытые и малые закрытие предприятия города приходят в движение. Объявляют забастовку рабочие Порта «Пермь». Требования – повышение заработной платы, улучшение условий труда. Участок одного из цехов электроприборного завода – рабочие требуют повышения зарплаты вдвое. Участок ключевой, забастовка грозит остановить весь цех.
Независимо от всеобщей забастовки работников авиалиний 21 мая бастует аэропорт Большое Савино. Перед этим останавливались автобусный парк, обслуживающий центр города, рессорный цех завода им.Ленина. Бахаревской мебельной фабрики. Эти забастовки ничем не закончились, требования не выполнены. Мебельщикам так и не дали перейти на аренду (под маркой перехода на аренду рабочие, кстати, во главе с главным инженером, позднее – с председателем профкома – хотели избавиться от излишнего, ничем не занятого управленческого аппарата). Администрация подала на забастком в суд. Зарплата водителей автобусов осталась прежней. Рабочим рессорного цеха пообещали добавить по 200 руб. к месячной зарплате к концу года.
Бастовали также учителя городских школ: им выделена мизерная сумма в 1 млн.рублей.
26 апреля самостоятельно (независимо от призывов официальных профсоюзов и ДемРоссии) встали на полсмены более 10 цехов завода им.Ленина (об этой забастовке оборонщиков уже упоминалось). Для того, чтобы обеспечить забастовку листовками с информацией, необходимы деньги. Через посредничество А. Рыжова деньги пермской секции ОПОРа выделяет СОЦПРОФ (5000 р.) (Впоследствии Рыжова изгоняют из СОЦПРОФа). Однако средств для работы с таким количеством забастовок явно не хватает. Если собрать всех членов ОПОРа по всем городам, то набирается не более 500 человек: очевидно, что вносов не хватит.

Летом в Перми собирается II Конференция ОПОРа, на которой присутствует самарская ПДПб (Г. Исаев) и магнитогорская МРП (В. Зеркин). Зеркин с этой конференции начинает активно работать в объединении «Рабочий».
Незадолго до этой конференции Зеркин открывает в Магнитогорске профсоюзный счет; многие кооперативы начинают перечислять на счет деньги, чтобы уйти от налогов. Помимо этого профсоюза развивает коммерческую деятельность.
На летней конференции Зеркин и Буртник обсуждают идею открытия коммерческого предприятия для обеспечения политической деятельности. Участники конференции узнают об этом намного позже: их ставят перед фактом открытия в Свердловске фирмы «Югра». (Начальная деятельность фирмы (в частности, командировочные) оплачены Зеркиным. До этого деятельность клуба «Рабочий» в Свердловске оплачивалась также официальным профсоюзом).
Естественный шаг вперед по сравнению с частными забастовками – переход от одиночных выступлений к совместным действиям. Однако попытки объединить действия рабочих различных бастующих предприятий к какому-либо результату, кроме сочувствия, не приводят. Обычные слова, произносимые членами забасткомов: «Да, рабочим нужно объединяться, в одиночку не выстоять…» Однако после этих слов не следовало никаких действий в этом направлении. Были попытки свести забасткомы на общем собрании, но так же безрезультатные.

Показателен пример выступления литейщиков пермского опытно-механического завода. Литейный цех, где работало 14% работников завода, требовал передачи цеха в аренду трудовому коллективу (всего на предприятии около 300 человек, из которых половина – управленческий аппарат). Цех приносит предприятию 60% прибыли. На остальном производстве – еще более устаревшее оборудование, чем в литейке. Кроме аренды, стачком требовал замены оборудования, отставки директора Гиммерверта и вообще – выполнения условий коллективного договора.
Состоялся суд, который оставил директора в должности, указал ему на нарушение закона об аренде и оставил цех в подчинении директора. Кроме этого суд обязал администрацию выполнить условия

колдоговора, о чем администрация позабыла сразу же после суда. Суд также поставил не применять никаких административных воздействий к членам забасткома.
Затем забастовщиков для начала изгоняют из СТК и цеховых комиссий.
Лидера Михаила Кожевникова и других членов забасткома (А. Романова, В. Климова, Л. Шаньгину, А. Шатрова, Н. Курмышева, А. Тиунова) заставили подать на расчет. Юрий Первунина и Валерия Климова обвинили в пьянстве, хотя пьянство на заводе – обычная вещь. Кроме этого, звеньевому Юрию Первунину, а также одному из лидеров забасткома, приписали прогулы: «ушли с работы после обеда», хотя уход с работы после обеда для начальника смены – дело обычное.
Несмотря на то, что Мотовилихинский районный Совет принял решение о передаче всего опытно-механического завода в собственность трудовому коллективу, рабочие не сразу добились суда.
Для этого 25 забастовщиков поставили на снег перед зданием областного Совета народных депутатов палатки, перебрались в них и объявили голодовку. Голодовка длилась около месяца, и только после этого был назначен суд.
Так вот: помогали забастовщикам исключительно неформальные организации: объединение «Рабочий», республиканская партия, СДПР. Кто-то из партии Травкина дал информацию в один из американских журналов. СДПР провели пикет с просьбой о поддержке у заводе им. Свердлова.

Основная ошибка забастовщиков – выдвижение главного требования (аренды) «под себя», не затрагивающая рабочих других цехов. В связи с этим администрации удалось противопоставить этих рабочих забастовщикам. Самого Кожевникова администрации удается «уговорить». Он фактически отстраняется от продолжения борьбы, ему предоставляют возможность открыть собственный кооператив.
Политобъединение «Рабочий» (пермская секция) выделило забастовщикам на судебные издержки 800 р. и обратилось к рабочим завода им. Ленина с просьбой о поддержке, в том числе деньгами. Рабочие ленинского завода живо заинтересовались листовкой ОПОРа, однако не принесли ни рубля: частные требования литейщиков мало касались оборонщиков.
Забастовку задушили. Радио «Свобода» передало сообщение, что «недавно под руководством социал-демократической партии успешно проведена забастовка на пермском опытно-механическом заводе». К слову, Ельцин также не счет нужным помогать: в его адрес рабочими посланы телеграммы.
Дальнейшие забастовки и выступления подавлены приватизацией.

Заранее очевиден провал Конференции труда (29 июня СП КТ собирается в последний раз, чтобы наметить проведение в сентябре II Съезда рабочих движений и после этого КТ де факто уже не существует).
Председатель НПГ А. Сергеев говорит о проведении II Съезда рабочих движений под эгидой НПГ, но Съезд так собран и не был. Всё это, а также гибель МСТК-РСТК и прочих всесоюзных (российских) организаций указывают на необходимость перенести активность из центра в регионы.
С одной стороны, неясно, как можно говорить о «плановом хозяйстве» или глобальных экономических проблемах, если не существует запросов от областей. Между тем, Пермская, Свердловская или Челябинская области Урала соразмерны по площади со многими странами Европы. Например, площадь Пермской области (1/5 часть Урала, 14-е место по объему промышленного производства в России) равна 150,6 тыс.кв.км[1]. Площадь Австрии – 84 тыс.кв.км, Великобритании – 244, Нидерландов – 41, Греции – 132, Дании – 44, ФРГ – 248, Чехословакии – 128.
То есть, план не может быть реальностью, если он представлен лишь абстрактной программой какой-либо партии. Он может существовать лишь как конкретное единство планов региональных и областных.

С другой стороны, для реальной демократизации необходимы действия самих трудовых коллективов, а не партий. Мысль Ленина в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» в этом плане прозрачна: «Совершенно неверно также, что не может управлять класс; такой вздор мог сказать только «парламентский кретин», ничего не видящий, кроме буржуазного парламента, ничего не замечающий, кроме правящих партий…» (1918г.).
Для Пермской, Свердловской, Челябинской областей областной бюджет находится в сильной зависимости от центрального в связи с оборонной специализацией промышленности. Собственник, которому перечисляют деньги предприятия, находится вдали от трудовых коллективов; для того, чтобы

устроить демонстрацию, нужно ехать в Москву. Естественный промежуточный уровень для атаки забастовок – областной бюджет, попытки через область надавить на центр. В то же время областной уровень – это первый шаг для коллективов близко расположенных предприятий, чтобы выдвинуть совместные требования, а это в свою очередь, могло бы послужить прообразом работы Советов, создаваемых снизу. После того, как рабочие области смогут сорганизоваться в областных Советах, можно переходить к объединению областей в региональный Совет и т.д.
Такова позиция, изложенная по то же схеме Шляпниковым и критиковавшаяся Лениным как анархо-синдикалистский уклон. Тогдашнему состоянию рабочего класса критика была совершенно адекватна. Сегодня же очевидно, что именно неучастие широких масс рабочих в выработке программ обрекает любые действия властей на торможение в каждой хозяйственной ячейке, в первую очередь, в производстве.

[1]Свердловской – 198,4 тыс.кв.км.

Во-вторых, необходима современная социологическая оценка, анализ «структуры» совокупного работника, предшествующей истории его движения. Общая картина общественной динамики дана в книге Тони Клиффа «Государственный капитализм в России». В числе противоречий в системе производства Клифф указывает следующие: 1) С одной стороны, завышенные планы заставляли директоров скрывать количество сырья и рабочих рук, а рабочих - работать вполсилы; с другой стороны, «крупным препятствием на пути снижения производственных заданий является борьба за мировое господство и огромные военные расходы» (русское издание Социалистической Рабочей партии, с.267). 2) Невозможность дальнейшего развития производительных сил диктуется низкое производительностью казарменного труда; в то же время дешевизна советской рабочей силы – один из главных источников накопления. 3) Дальнейшее накопление невозможно без повышения производительности труда, но рост производительности не может осуществляться без повышения материального благополучия, ограничивающего накопление.
Однако общая теория обозначает лишь тенденции, но не объясняет и не прогнозирует скачкообразны: резкие переходы внутри какой-либо тенденции. Например, вряд ли можно утверждать, что массовое возвращение заключенных из лагерей – дело рук тенденции к повышению общей производительности труда, а не результат смерти Сталина, причина которой не лежит в сфере политэкономии. Точнее, в плоскости.

Тони Клифф подчеркивает, что низкий материальный уровень трудящихся – не просто следствие желания бюрократии большого накопления, но и средство удержания в повиновении. Виктор Серж, цитируемый Клиффом, отмечает: «… результатом ее (бюрократии) политики величайшая нищета, но при такой нищете даже самые ничтожные материальные блага становятся драгоценными. Теперь достаточно будет предложить рабочему тарелку сколько-нибудь съедобного супа или сколько-нибудь пригодное для жилья убежище зимой, чтобы он в этой обстановке всеобщей нужды мог причислить себя к привилегированным … Так будет создана прослойка низших чиновников на предприятиях, в партийных ячейках и деревнях, где коллективизация приведен к новой дифференциации между руководителями и руководимыми. К первый из них будут тяготеть готовые к услугам клиенты. Нищета укрепит положение тем, кто ее породил».
В конце концов, по мысли Клиффа, объективные противоречия должны привести к нестабильности, к резкому (т.е. еще большему по сравнению с нищетой, Б.И.) ухудшению положения масс, а это, во всяком случая, согласно революционным признакам, выделенным Лениным, должно привести к социальным волнениям.
Но если сводить противоречие к формуле «хижины – дворцы», т.е. экономический интерес сводить к вещному, то в таком случае у капитала неограниченные способности к выживанию. Противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения нельзя рассматривать будто бы состоящим их двух половинок, одна из которых – в сфере производства, а другая – в сфере распределения продукта труда. Присвоение в первую очередь должно касаться средств производства. В противном случае увеличение производительности труда всегда даст шанс капиталисту покупать рабочего, холить его, оберегая от социальной активности, подменяя вещным миром его мир внутренний.

В этом рассуждении, во-первых, заранее разорвана жесткая связь между классовой борьбой, как источником развития общества, и производительностью труда. Результатом классовой борьбы не является, например, формулировка общей теории относительности, как полагают, между прочим, многие, начинающие изучать марксизм.
Задачи классовой борьбы вполне ограниченны: устранение консервативных производственных отношений под давлением растущих производительных сил.

Во-вторых, для явлений, отклоняющихся от общих тенденций, как случайных, явно недостаточно ругательств типа «фатализм», «грубый объективизм» и т.п. Но и обрамление этих явлений терминами, относящимися к разряду синергетических (теории катастроф) или фрактального (кластерного) подхода или подхода в духе Льва Гумилева, Тойнби и пр. также мало добавляет к пониманию сути дела.
Это длинное отступление необходимо для уточнения задачи, поставленной уже в начале работы: нащупать подход к определению взаимодействия между двумя социальными группами: рабочим классом и интеллигенцией. Эта задача имеет три плана: 1) тенденция развития капитализма, как включения науки в производство, 2) итог развития капитализма – уничтожение рабочего класса – как разрешение противоречия между умственным и физическим трудом, 3) определение формы выражения коренного интереса рабочего класса, в том числе, роль его политических организаций в реализации этого интереса, соотношение класса и партии. Для наглядности в качестве примера выбрана конкретная территория – Англия. Простите, Пермская область (Западный Урал).

Характеристика Перми
Проблема согласования интересов рядом лежащих областей не более праздна, чем какая-либо интернациональная задача. Мало того, что целостность – это не привлечение как можно большего количества стран для всеохватывающего движения в рамках очередного Интернационала. Пример ламбертистского «мирового революционного центра» отчетливо на это указывает. Целостность – это не количественная, а качественная сторона, имманентная каждому промышленному региону.
Актуальность проблемы в том, что задача выхода активности рабочих за рамки одного промышленного предприятия до сих пор не решена.
Общественные волнения, проходившие на национальной почве после XX Съезда КПСС, не затронули центральные города Урала. Рабочие выступления начались, очевидно, с 1953 года (Воркута). Незначительные забастовки (отказ работать из-за плохих условий труда) произошли и на Урале, однако крупных выступлений не было, как, например, в Темиртау 3-5 октября 1959 года. Молодые рабочие, приехавшие на «строительство «казахстанской Магнитки», … из европейской части СССР, были недовольны чрезвычайно плохими условиями жизни, составляющими резкий контраст с обслуживанием занятых вместе с ними выходцев из Восточной Европы. Волнения начались … в рабочей столовой, потом перекинулись на базар. Несмотря на противодействие милиции, рабочие сотрудники баррикады и вскоре около полутора тысяч человек присоединилось к восставшим. Прибывших из Караганды солдат рабочие разоружили, партийные активисты, взывавшие к «сознательности масс», также не имели особого успеха. 5 октября специально переброшенные части внутренних войск начали наступление с использованием оружия. Очевидцы говорят о большом числе жертв при подавлении восстания». (В.Пономарев, «Общественные волнения в СССР: от XX Съезда КПСС до смерти Брежнева», ИЦ «Азия» и «Левый поворот», 1990).

В 60-е годы рабочие волнения (О них пишет Вадим Белоцерковский) также обходят стороной «опорный край державы». Эта стагнация представляет резкий контраст с поведением пермских рабочих организаций в период I-й, II-й и III русский революций. Если Свердловск, как неофициальная столица Урала, в перестроечный период был под прицелом и неформальных организаций, и формальных органов, что дало вклад в повышенную активность в Свердловске, в тот же период Пермь, Ижевск, как и сибирский Иркутск, именуются «политическим болотом». Свердловские танкисты, узнав, что пассажир из Перми, высаживали его. На вагонах, приходящих в Пермь из Свердловска. рабочие писали: «Пермь, проснись!» Пермь проигнорировала «гайд-парки» (в Свердловске – еженедельный митинг «на Плотинке»), Народные Фронты, пресловутую многопартийность, которая явится с запаздыванием, и пр. Если взглянуть на карту «Неформальное движение 1989», изданную Московским Народным Фронтом в

феврале 89-го, что Пермь буквально окружена активными районами, в самой же Перми, за исключением редких организаций, пустынно.

В Октябрьский же период Пермь – административный центр, в ведение которого входит и Екатеринбург-Свердловск, и рабочие организации ведут себе самостоятельно. Достаточно указать, что Михаила Романова казнили в Перми без всяких указаний свыше.
Одна пенсионерка, работавшая гардеробщицей в областной библиотеке им.Горького, сетовала: «…И он своими грязными хамскими руками его за благородный белоснежный воротничок…» Пенсионерка любила перелистывать «Ниву» и однажды обратилась ко мне, показывая на портрет генерала Скобелева: «Посмотрите, какие люди были…» После неосторожного вопроса, тот ли Скобелев, что подавлял восстания на юге, старушка прекратила общение.
Боевая организация большевиков в пермской Мотовилихе была фактически единственной, которая сумела отстоять себе в событиях 1905 года. Братья Вагановы, выходцы из уголовной среды, примкнули в этот период к большевикам. С тех пор ведет начало «династия Вагановых», их именем названа улица в Мотовилихинском районе, участники событий 1905 года захоронены на кладбище мемориала-музея «Диорама» (I Вышка).

Вообще пермские исторические памятники довольно причудливы. Во время гражданской войны белогвардейцы выбросили из госпиталя, находившегося на месте сегодняшнего Дворца культуры пионеров им.Ленина, раненых на снег и окружили кольцом, не давая им помочь стоящим вокруг рабочим. Раненные всю ночь скребли ногтями снег и к утру замерзли. Акулов, сдавший город без боя, вымаливал прощения у Фрунзе и остался жив, более того, руководил войсками. Его именем долгое время называли площадь рядом со сквером Уральских добровольцев. На противоположном берегу Камы в селе Верхняя Курья стоит памятник борцам революции. Но под этим памятником захоронены белогвардейцы…
Что касается вотяков (Ижевск, Удмуртия), то после каких-то резкостей со стороны командирования Красной Армии отряды вотяков вышли из ее состава, воевали на стороне Колчака под красными знаменами и дошли вплоть до г.Кунгур Пермской области.
В конце XX столетия рабочие тяжелой промышленности и многих других отраслей в России достаточно пассивны. Причины, лежащие в производстве, очевидны: территориальная раздробленность отраслевых технологических цепочек, отсутствие замкнутых циклов, вовлекающих все структуры на предприятиях-гигантах и т.п. То есть, фиктивное обобществление, отсутствие концентрации труда и, вследствие этого, большие издержки производства. То есть, отсутствие условий, позволяющих объединяться, выявлять единые интересы рабочим, выполняющим одну задачу. Основа фиктивного обобществления также очевидна: опосредование бюрократическим аппаратом (государством как собственником) экономических функций и, вследствие этого, объединение последних. Это же опосредование приводит к конкуренции вышестоящего с нижестоящем, что тормозит продвижение новых технологий и дает низкое органическое строение капитала. Отсталые технологии, в свою очередь, порождают пассивность.

Кроме этого, необходимо учитывать, что внутри совокупного работника с 1917 года произошли достаточно серьезные структурные изменения.
Отто Лацис приводит следующие данные: в 1913 году в России – 11 млн. промышленных рабочих, в 1920 году их количество резко сократилось до 1,7 млн., причем кадровых рабочих не более 40%, т.е. 700 тыс. человек. («Перелом», «Знамя», 1988, № 6). Но и в 1917 году вследствие войны численность кадровых рабочих не превышала 700 тыс. Из этого следует вывод, что ни о какой диктатуре пролетариата уже в первые годы после Октября. Это заставило Ленина признать, что положение в стране определяется тонким слоем партийных активистов, а XII Съезд РКПб в 1923 году легализовал соотношение сил: «Диктатура пролетариата выражается в форме диктатуры партии».
Интересно, что справочник «Труд в СССР» приводит явно неверные данные о количестве рабочих в 1913 году: 3536 тыс., хотя эта цифра относится, скорее, к 1905-му году. К 17-му же году общая численность рабочих достигла порядка 15 млн. человек. Тот же справочник минует 20-й год и приводит цифру 1928 года: 3930 тыс. промышленных рабочих (М., «Финансы и статистика», 1988).

Состав совокупного работника менялся следующим образом. Рабочие:

г.	22-й	28	40	60	70	75	80	85	87-й
общ.кол-во	4610	8703	23860	46254	64844	72281	78830	81702	82114
в промышлен.	4339	13079	22620	31593	34054	36891	31803	38139	

Данные приведены в тыс. человек, включают младший обслуживающий персонал и работников охраны, а также рабочих мелких промышленных подсобных предприятий. (Там же, стр. 46-47).
В.С.Толстиков считает, что в 20-е годы 40-45% крестьян стали рабочими («Структурные изменения в рабочем классе», СОЦИС, №1, 1994). Но в таком случае к 28 году общее количество рабочих должно было быть не 8,7 млн. человек, а гораздо больше. В первые годы Советской власти около 22 млн. человек прошли ликбез государственной работы. Андрей Платонов пишет, что «укрывались от непосильного труда на государственной работе…» («Котлован»). Т.е. далеко не все крестьяне, ушедшие из деревни, становились в ряды рабочих.

Перепись 29-го года свидетельствует, что 62% рабочих продолжали участвовать в сельхозработах (В.С.Толстиков). С 28-го года по 40-й численность рабочих увеличилась с 8,5 млн. до 23,6 млн. человек, а с 1951 по 1980-й средний ежегодный отток из деревни приближался к 1,7 млн. человек. Из этого «деревенского» происхождения рабочего класса Толстиков делает вывод: «Работать на заводах и шахтах, на стройках и транспорте они научились очень быстро. Однако политический опыт приходил к ним гораздо медленнее» (стр.18). Далее следует, что именно диктатура пролетариата «в руках» пролетариата с таким историческим прошлым и стала основой сталинского тоталитаризма.

Однако уже упоминалось, что с 23-го года о диктатуре пролетариата говорить не приходится. С другой стороны, если рассматривать поток деревенского населения в город после прихода к власти Хрущева, то в основном он заполнил сферу обслуживания, где труд менее квалифицированный, а также управленческие структуры. Стоит полистать биографии руководителей СССР, чтобы убедиться, что большинство на них – выходцы из деревни. Что касается рабочего класса – очевидно, что добавление иной «этнической» группы, которая освоила квалифицированный (по сравнению с земледелием) труд, могла лишь ускорить его развитие, как, например, лимитчики – развитие Москвы.
Многие неформальные группы, исходя из изменения структуры совокупного работника, делали вывод об утрате рабочих классом авангардной роли в социальных преобразованиях. В наиболее прогрессивную группу выделялась техническая интеллигенция, а представители ленинградской философской школы включали в «основную движущую силу» и гуманитарную интеллигенцию.
Соотношение между рабочим классом и крестьянством в 17-м напоминает соотношение между количеством работников умственного труда (не административных) и количеством рабочих.
Современная мелкособственническая психология рабочего также соответствует психологии крестьянина.

Однако, во-первых, основной прогрессивной задачей является уничтожение обезличивающего физического труда, и вопрос об участии в решении этой задачи движением интеллигенции даже еще не поставлен. Во-вторых, причиной мелкобуржуазности сегодняшнего рабочего являются не столько его исторические корни, что так не имеет значение, сколько автоматизирующая пролетариат работа «бюрократического» капитала, раздробляющего производство, строящего экономическую систему «под себя».
«Консерватизм», «несознательность» рабочего класса официальной социологией определяется отношением к правительственным реформам. Естественно, что показателем «сознательности» вполне может служить квалификация.
В начале 90-х в России высококвалифицированных рабочих – 4,9% от общего числа, среднеквалифицированных – 78,3%, низкоквалифицированных – 16,8%. («Вестник статистики», 1991, №6, стр. 47). Для сравнения в США рабочих с высокой квалификацией в 1988 году – 43,6%, со средней

– 40,9%, неквалифицированных – 15,5% («США: экономика, политика, идеология», 1990, № 5»).
Но из этого сравнение вполне законно сделать вывод о необходимости такой реформы, которая бы помогла ускоренно менять технологии, заменять грубый физический труд более квалифицированным. Так, например, в СССР более 50% рабочих –вынуждены заниматься грубым ручным трудом, в то время как в Японии, например, лишь 3%.
Вместо этого тот же Толстиков, очевидно, желая оправдать результаты декабрьских выборов 1993 года, делает совершенно противоположный вывод: «Вполне закономерно, что сегодня значительная часть рабочих выступает против экономической реформы…».

Если бы действительно можно было сказать, что рабочие выступили против реформы, то это бы вовсе не означало неразвитость политического сознания рабочих. Вряд ли трудящиеся, стремясь облегчить свой труд, сделать его менее однообразным, поддержали бы преобразования, ставящие во главу угла прибыль, а следовательно, игнорирующие долгосрочные интересы, вложения в НИОКР, наукоемкие производства. Однако рабочие просто пассивно отнеслись к политике Москвы. Значит ли это, что понять и поддержать реформы не позволила низкая квалификация? Нет, поскольку наиболее пассивно отнеслись к приватизации, либерализации цен рабочие машиностроения с высокой квалификацией, а угольщики с меньшей квалификацией как раз поддержали реформы.
Понимая под сознательностью одобрение курса Гайдара, Толстиков натыкается на противоречие: «…Однако неожиданно, что среди них (выступающих против рабочих, Б.И.) оказались квалифицированные рабочие с так называемых закрытых предприятий (военно-промышленного комплекса) и ряда престижных отраслей (электроника, приборостроение)».
И объясняет: «У этих работников всегда были … высокая зарплата… социальные льготы и привилегии…», которых они лишились.
Оборонный комплекс оттягивает из промышленности наиболее квалифицированную рабочую силу. Верно и то, что работники ВПК, опекаемые государством, всегда были на привилегированном положении. Сравнительно более пассивным по отношению к референдумам и выборам оказался именно Уральский регион, где более высока доля оборонной промышленности. Вообще в Уральском регионе доля рабочих в занятом населении выше средней. В начале 90-х в России 44,5 млн. рабочих. В 1940 году доля рабочего класса в занятом населении 40%, на Урале – 42%; в 1989-м – 65,4% и 67% соответственно. («Труд в РСФСР», стат. сборник, М.,1990).
Но существует еще одна сторона дела. Ясно, что высокая квалификация снижает активность. Накопление элементов культуры (в частности, производственной) может привести и к отстаиванию и к отставанию в развитии. Пример – Китай, где письменность появилась, как и печатный станок, за полтысячелетия до их появления в Европе. То есть, накапливались элементы консерватизма, что усиливало контроль.

Если для люмпенизированного населения достаточно лозунга: «Парткомы – вон с предприятий!», или: «Требуем дотаций!», то наиболее квалифицированные, грамотные рабочие миновали подобную активность. Во всяком случае, потому, что им недостаточно просчета на один шаг. Рабочие пермских предприятий в период каждой политической кампании задавали вопрос: «Что дальше? Что будет, если повысят зарплату? «Инфляция», - ответил один из рабочих завода им.Ленина на обещание Жириновского, когда тот выступал в Перми. Что будет, если завтра соберется рабочее собрание назначить нового директора? «Анархия», - говорили рабочие. Если забастовка – рабочим необходимо знать, к каким результатам она приведет не завтра, а послезавтра.
Пермь благополучно миновала фиктивную активность: Народные Фронты без Фронта и без народа, митинги в поддержку диссидентов Сенегала и т.п. Проигнорировала обе стороны во время «путча» (имеются в виду рабочие). Процент голосующих в городе Перми всегда значительно ниже, чем в среднем по Пермской области.

Давид Мандель в одной из бесед задал мне вопрос: «Как связаны политическая сознательность и квалификация рабочих?» Революционер Мандель не понимал этого! Связь очевидна: менее отупляющий труд позволяет, ну, хотя бы больше читать. То есть, не при всяком уровне производительности труда рабочие могут сознательно совершить революцию.
Но Пермь игнорирует не только фиктивную активность. По расчетам Пермского Экологического

общественного комитета в городе ежедневно вследствие выбросов предприятий в атмосферу гибнет пять человек. Что не вызывает у населения никакой реакции.

Михаил Касимов, бывший депутат горсовета, рассказывает: «В 40-м цехе пермского электроприборного завода нужно было сократить ставку рабочего (не производственную функцию, а ставку, что приводит к необходимости снова искать ставку, Б.И.) На общем собрании цеха администрация передала право делать предложения собранию. Кто-то выкрикнул: «Иванов!» Иванов возмутился: «Я в цехе 17 лет!» – «Ничего, ответил ему, - ты у нас самый молодой».

Для политобъединения «Рабочий» стала традиционной следующая ситуация. Человек обращается, как в бюро жалоб, со своим горем: «Уволили!» – «А до Вас еще кого-либо увольняли, или то, что произошло с Вами – первый случай? – «Нет, не первый! Еще Петрова уволили, Сидорова, Иванова!» – «Так что же Вы, в таком случае, возмущаетесь? Если Вы – не первый случай, значит, это закономерность. Система. Теперь очередь дошла до Вас. Вы и сами раньше ведь не приходили, не жаловались, что Петрова, скажем уволили…»

Эти черты психологии не только рабочих, но и всего городского населения, невозможно отнести на счет случайности, субъективности. Это типичные конфликтные ситуации, массовый масштаб которых ежегодно дает один из самых высоких уровней преступности в России среди крупных городов.
Здесь, очевидно, действительно, системным фактором, обусловливающим социальную пассивность, является приток сельского населения в город. Как уже упоминалось, Пермь впитала из деревни за последние десятилетия на 14-16? больше, чем Свердловск.
Что происходит с человек, попавшим из села в город? Прежде всего, происходит скачок в количестве получаемых материальных и духовых благ: город имеет их, эксплуатируя деревню.
Обыденным явлением стали многодетные семьи, где родители производят потомство с единственной целью получения квартиры.
Получив относительно избыточные блага, работник перестает искать выход к социальной активности. С другой стороны, ему предоставлены не только материальные льготы, но и квалифицированный труд в оборонной промышленности.
Пермь производит самолеты-истребители, в том числе серию МИГ-31 (АО «Пермский моторостроительный завод»), пусковые установки ПВО, пушки для различного типа снарядов, иную артиллерию (завод им.Ленина, ныне АО «Мотовилихинские заводы»), пусковые установки для тактических ракет (КБМаш), первую ступень носителя «Протон» (АО «Пермские моторы», ракетное топливо (НПО им.Кирова), различное оборудование для военной авиации (электроприборный завод, завод им.Калинина – ныне АО «Инкар»).

Фактически все крупные предприятия – машиностроительный завод (ПЗХО), завод им.Дзержинского, «Камкабель», телефонный завод (АО «Телта»), завод им.Октябрьской революции («Велта»), «Гелоген», «Сорбент», завод им.Орджоникидзе и т.д. – в основном, работали ранее на оборону.
В «Кратком обзоре Пермской области», составленном группой Нечаева Уральского филиал АН РФ (отделов внешнеэкономдеятельности администрации Пермской области) в 1993-м году указывается, что удельный вес оборонных предприятий в структуре промышленности области – 16,5%. Действительно, значительную долю составляют нефтяная, горнодобывающая, обрабатывающая промышленности. Но, за исключением завода «Пермнефтеоргсинтез», все предприятия этого типа расположены на периферии: Соликамск, Березники, Кизелугольбассейн, Краснокамск. 80% машиностроения – в Перми.
Если же говорить о трудовых ресурсах, то картина следующая: в Пермской области проживает 3,1 млн. человек, в самой Перми – 1,2 млн. человек при среднем проценте занятости 49,9%.

Доктор экономических наук В. Борисовский указывает, что по подсчетам специалистов число занятых изготовлением конечной военной продукции в России достигает 3 млн. человек («Московские новости», № 5, 1994). Ту же цифру приводит «Мегаполис экспресс»: «Прежде всего: что такое сегодня российская оборонка? Это 2 тысячи крупных и очень крупных предприятий, на которых трудится более 4,5 млн.человек. Из них в сфере науки – примерно 800 тысяч. Двое из трех работников заняты в ВПК. Более 70 заводов-городов, многие из них подземные» (цитируется по «Экономическая газета», № 4,

1994).
Это самые заниженные цифры. Ранее приводились данные о доле занятых в ВПК: 19%, 37%, а Горбачев утверждал, что 50%. Также «плавает» от источника к источнику и доля продукции ВПК в валовом национальном продукте.
Но можно проанализировать данные «Мегаполис экспресс». Что имеется в виду под крупным предприятием? Примем, что это предприятие с количеством занятых 5000 человек. Допустим, их большинство: 1800. Пусть очень крупные предприятия – те, где занятых 10 тыс. человек. Тогда только изготовлением конечной продукции ВПК заняты 7,3 млн. человек. Если же допустить, что на крупных предприятиях по 10 тыс.человек и их 1600, а очень крупных – 15 тыс. человек, то в оборонном комплексе занято 14,3 млн.человек. Сравним цифры по городу Перми: на основном производстве завода им.Ленина работает 28 тыс.человек, АО «Пермские моторы – 37 тыс.человек, НПО им.Кирова до начала 1993 года – 25 тыс.
«Мегаполис» пишет, что с 1991 года уровень оборонного производства упал на 48%, число занятых сократилось на 30%. Но и с учетом сокращений получим, что в 91-м лишь 4,3 млн. человек заняты в ВПК. Отсюда следует, что по официальным данным нельзя установить ни число занятых, ни количество рабочих оборонной промышленности. Но из приведенных оценок можно, во всяком случае сделать вывод, что их процент в Перми намного выше, чем в среднем по России.

Для сравнения: в США в 1980 году оплачиваемые из военного бюджета составляли 2,3% от общей численности занятых («США: военное производство и экономике», М., «Наука», 1983).
Вместе с тем, квалифицированный труд – не единственный показатель, по которому можно судить о потребностях и «сознательности» рабочих, как это делает В.Толстиков. ВПК – это наиболее жесткий режим, наименьшее удовлетворение от результатов труда: и не только потому, что производятся орудия убийства, но сам продукт труда ничего не добавляет к окружающей производственной и бытовой среде.
Итак, можно выделить следующий момент, определяющий настроение в среде рабочих ВПК:
1) невостребованность труда при относительно высокой оплате в прошлом.

Социологические исследования показывают, что в ситуации, когда неизвестно назначение работы, вплоть до очевидной бесполезности, а оплата высока, работники и относятся к этой работе адекватно, т.е. как в бесполезной, но необходимой для того, чтобы какие-то наивные люди заплатили и деньги. Напротив, когда оплата весьма скромна, работники относятся к работе ответственно, делая вывод, что очевидно, и такая работа кому-то нужна. Последняя ситуация характерна для подавляющего большинства научно-технических работников провинции с невысоким положением.
Контингент работников наиболее высокой квалификации при высокой оплате вообще не оценивает свою деятельность, как труд. Например, Ландау, Феллини формировали следующим образом: «Как можно называть то, чем занимаешься в собственное удовольствие, работой?»

Чем выше квалификация, тем острее ощущается невостребованность. Это приводит к оттоку кадров в привилегированные города. Но, поскольку отток достаточно затруднен, можно говорить об избыточном потенциале квалифицированных кадров в Перми. Вот один из механизмов образования избытка: из 62 выпускников физического факультета Пермского университета 1978 года по специальности работают лишь двое, покинувшие приделы города. Избыток квалифицированных кадров делает Пермь зоной повышенной конфликтности при достаточном консерватизме. И в рабочей среде, и в среде интеллигенции реакция на невостребованность проявляется в довольно уродливой форме.
Один инженер ВПК[1], позволивший себе в «застойный» период высказывания против администрации, несколько лет провел в психиатрической лечебнице. В последние годы часто можно было видеть на пермских митингах с плакатами о насилии мафии и т.п. Он писал многочисленные предложения и жалобы руководству в Москву, создал несуществующий Союз (он все время повторял одно слово: альянс) безработных. Участвовал в работе Союза изобретателей, и когда говорил об инженерной изобретательской деятельности, рассуждал исключительно интересно, со знанием дела, помнил множество факторов, в том числе из жизни пермской оборонной номенклатуры.

Женщина, закончившая филологический факультет ПГУ, работала по окончании в редакции газеты «Молодая гвардия»[2]. Затем, решим подработать, стала продавать букеты лесных цветов на площади

рядом с редакцией. Была замечена и уволена. Работала долгое время грузчицей на заводе им. Ленина, до недавнего времени – в газете «Мотовилиха». Если ей удавалось начать говорить во время собрания, это была гибель собрания. Редактор «Мотовилихи» утверждала, что женщина – «немножко шизофреничка». Однако наблюдательная, суждения острые, в период начала армяно-азербайджанского конфликта ей даже удалось убедить одного представителя пермского ДемСоюза, что так называемые национальные выступления – вовсе не национальные, лишь отражают интерес малой группы интеллигенции, желающей получить власть или оказаться «на конец». Александр Соловьев, рабочий, верующий в период табачных бунтов «создал» несуществующий Всесоюзный табачный стачком и на одном из митингов в Перми объявил себя его председателем. Александр Буканов, уволенный с поста инспектора пермского филиала Совдетфонда, изгнанный из ОПОРа, деятельно СОЦПРОФ, в прошлом лечился от алкоголизма. Человек резкого ума, хорошо чувствует аудиторию. Однако – очень частные срывы. Во

[1]Галахов Леонид Матвеевич,
[2]Корина

время забастовки пермских литейщиков приехал к нам и начал кричать, что он первого секретаря пермского обкома Чернышева поставил на колени и т.д., что вызвало недоумение у забастовщиков. В период между ОПОРа и СОЦПРОФ объявил себя председателем несуществующего Всесоюзного стачкома. В 1992 году осужден за грубее финансовые нарушения пермским облсудом на восемь лет (при решении Верхсуда об отсутствии иска по делу Буканова).

Одним из самых блестящих выпускников физфака ПГУ, В. Котельников после очередного конфликта с администрацией ушел из лаборатории органических полупроводников ПГУ и устроился сторожем. Это позволило ему все свободное время отдать еще одному любимому делу – поэзии. Разумеется, уровень председателя всесоюзного стачкома был для него низковат, и он объявил себя …. Христом.

Подобных крайностей – масса, и огромное их количество не миновало объединение «Рабочий». Еще одна «мягкая» форма реакции на невостребованность – «синдром открытия». Упоминавшийся выше рабочий мукомольного завода Перми Виктор Одинцов (действительно, «говорящая» фамилия) устраивал единоличную забастовку, после чего посвятил жизнь писаниям в центр и выдвижению себя на пост президента. «Мягкая форма» – это апелляция не к административным органам, а к научной «элите», также в Москву.

Рабочий пермского завода автоматической дальней связи (АДС) Юрий Дерендяев (в последнее время работал на заводе им.Ленина) освоил достаточное количество марксистской политэкономической литературы, включая «Капитал». Традиционное открытие заключалось в углублении понятия стоимости, из чего был сделан следующий вывод: необходимо «заморозить» цены, а затем их пересчитать в энергетическом эквиваленте. Для этого, по мнению Дерендяева, нужно измерить живой труд каждого медицинскими приборами.

Довольно быстро покинув Пермский Рабочий Союз, Дерендяев начал предлагать свою теорию университетским философам, рабочим на АДС. Получив ответ на свои труды от Василия Селюнина, одного из идеологов перестройки, в том духе, что у Селюнина «иная позиция», Дерендяев на время прекратил пропаганду своего открытия. Считает, что экономика России будет регрессировать до тем пор, пока не «примут» его теорию. Ни к какой политической активности его привлечь невозможно.

Александр Семенович Сухарев, рабочий завода им.Ленина (ныне работает на заводе им.Шпагина) изобрел систему распределения заработной платы внутри предприятия по коэффициенту трудового участия (КТУ), определяемому коллективом. Длительное хождение по инстанциям, редакциям, а также обращения к рабочим со своим «прожектором» не принесло результата. Пермская секция объединения «Рабочий» размножила листовку с предложениями Сухарева и распространила во время одного из пикетов у проходных завода им. Ленина. Реакция не последовало.

Привлечь Сухарева к политической работе так же невозможно: «Я остаюсь на своих позициях. Ничего не изменится, если не будут делать так, как я говорю».

«Мягкость» формы еще не означает ее безопасность. Несколько лет назад один изобретатель принес свою рукопись на кафедру теоретической физики МГУ в отдел гравитационистов, к Иваненко Д. Д.. Однако его изобретение касалось элементарных частиц, и он был направлен секретаршей Ниной

Ефимовной (ничего, кроме стукачества, в науке не понимавшей) в Физический институт Академии Наук (ФИАН) к В. Л. Гинзбургу. Изобретатель попытался найти самого Гинзбурга, однако нашел лишь одного из его референтов. Референт дружелюбно принял изобретателя, открыл рукопись и с ходу начал критиковать. Тогда изобретатель достал пилу и отпилил референту голову.

Ясно, что явление «изобретательства» существует не только в пермских рамках. Ирина Присекина, закончившая философский факультет УрГУ и некогда работавшая в объединении «Рабочий», вынуждена была дать объявление в газету «Аргументы и факты»: «Просьба к бывшим неформалам рукописей не присылать».
Невозможность самореализации, непонимание того, что самореализация реальна лишь многообразной активности социальных групп, и даже в случае понимания - невозможность вызвать к активности «политическое и духовное болото» генерирует и научный андеграунд, и попытки вырваться в одиночку из этого болота, пусть за счет внушения болоту иллюзии значимости. Но факт существования научно-политического андеграунда (как и само старорежимное «андреграунд») отражает потенциал, накопленный самим «болотом» оборонной промышленности.

Итак, специфика промышленности обусловливает повышенной консерватизм управленческого слоя. Это приводит, с одной стороны, к отсутствию потребностей производства в фундаментальных исследованиях, а, следовательно, к деградации науки и невостребованности труда научной интеллигенции. Научно-исследовательские разработки не могут найти применения в отсталой технологической базе. Специалисты с высшим образованием переходят в разряд рабочих, причем не только вследствие диспропорций в заработной плате, но и потому, что их специальность на производстве не нужна. То есть, существует разрыв между высоким уровнем специалистов и относительно низким уровнем производства.
С другой стороны высокая квалификация рабочих оборонной промышленности требует и большей свободы труда, и выхода за рамки специализации, что наталкивается на тюремный административный режим.
В этом плане уровень потребностей явно выше уровня возможностей. Но это характерно для тех работников, которые имеют городские корни. Для переехавших из деревни ситуация обратная: уровень претензий значительно ниже из возможностей, т.к. город предоставил избыток благ.

2) Второй момент, детерминирующий настроения работников оборонного комплекса – низкий уровень потребностей.
Тони Клифф отмечал (чуть ранее, чем наш В.Толстиков) влияние потока сельского пролетариата в город. «В 1928 году в обрабатывающей и горнодобывающей промышленности (России, Б.И.) было занято 3 млн. человек, а в 1932 году число их достигло 8 млн… Подавляющее большинство рабочего класса составлял, таким образом, «сырой» элемент – выходцы из деревни, которых процесс общественного производства еще не успел воспитать и организовать…
Несколько десятилетий назад в иной исторической обстановке в США эти же два фактора – разбавление рабочего класса «сырыми» элементами и уход из его рядов наиболее боевых элементов – послужили серьезным препятствием возникновения независимого рабочего движения. («Государственный капитализм в России», стр. 208).
Откуда вообще может образоваться рабочий класс? Из буржуа, что ли? Или его активность возможна только на ранней стадии образования? Но существенна разница обстановки 1928 года и современной. В 28-м «сырой элемент», приходящей в город, должен был приучиться к организации производства, к системе, в том числе к дисциплине производства. Отражением этой организации должна была стать организованность рабочих, в частности, партийная. Понятно, что отсталость России, ее 80 млн. крестьян сыграли решающую роль в «постепенном термидоре».
Напротив, режимный характер современного производства дезорганизует рабочих, но обрекает их на положение винтика в механизме, а от «винтика» никакой самоорганизации, к тому же партийной, ждать не проходится.
В объединении «Рабочий» регулярные попытки свердловской группы централизоваться, сосредоточить руководство в Свердловск, т.е. устроить маленький сталинизм внутри одного объединения, постоянно наталкивались на яростное сопротивление организаций Перми, Магнитогорска. Самарская секция

ОПОРа вообще перестала появляться на конференциях.

Непонимание того, что свободное обсуждение, возможность критики самого ОПОРа в его же газете и журнале, может принести гораздо большую пользу в самостоятельной работе секций, нежили принятие в резолюции, постановлений и их выполнение, а также превращение печати в орудие свердловского руководства, привело к самоизоляции лидера свердловской секции, гибели газеты и переходу журнала под крышу Компартии РФ.
Еще одно различие в социальной динамике по сравнению с ситуацией 28-го года. Клифф пишет:
«В то же время быстрое развитие промышленности и вызванная им острая нехватка техников, квалифицированных рабочих, административных работников и пр. открыла для многих старых рабочих доступ в ряды бюрократии. И, разумеется, чем опытнее был рабочий, тем большими возможностями он располагал для продвижение по иерархической лестнице» (там же, стр. 208).
Сегодня трудно представить, что квалифицированные рабочие имеют возможность участвовать в конкуренции в борьбе за административные посты. Как раз наименее квалифицированные и стремятся в администрацию, начиная с комитета комсомола ранее, а ныне – со школ для предпринимателей и тому подобных заведений для молодежи. Положение закрепляется родовыми связями: «дети наших начальников становятся начальниками наших детей». Даже имея высшее образование, трудно пробиться в касту управленцев. Например, один рабочий пермского завода им.Ленина имеет политехническое и юридическое законченные образования. Итог его предпринимательской деятельности – алкоголизм.

После разрешения кооперативов, индивидуальной трудовой деятельности активные рабочие были вымыты с крупного производства в сферу мелкого предпринимательства. Выход рабочих «из тюрьмы» позволил акционировать крупное производство без лишних хлопот, без особых протестов со стороны трудовых коллективов. Сто и подтверждает, что один из основных следствий сельского происхождения рабочего класса является низкий уровень потребностей: мелкую собственность предпочти крупной.
Аналогичное положение в научно-технической среде. Получив в распоряжение исследовательских «хуторок», работники замыкаются в нем, что препятствует развитию науки. Семинары по синергетике появились в Перми намного позже, после того, как они уже регулярно проводились для студентов МГУ, по той причине, что синергетика выходит за рамки научного «хуторка».
Действие двух противоположных факторов, указанных выше, делает общественную динамику чрезвычайно сложной. Однако оно позволяет понять, почему основная масса интеллигенции не приняла и не принимает участие в политической жизни, почему часть рабочих высокой квалификации оказалась втянута в деятельность ДемРоссии.

Пример Китая показывает, что низкий уровень потребностей может вызвать повышенную подвижность экономики. Экономический рост в сочетании с факторов невостребованности может, в свою очередь, сделать Пермь зоной повышенной конфликтности. Если взглянуть на карту трудовых ресурсов Пермской области, то видно, что в ближайшие годы население северных районов будет перетекать в центр.
Районы с наибольшей долей занятых из общей численности населения – до 55 человек из 100 и свыше – имеют наиболее низкую фондовооруженность. Наоборот, в самой Перми доля занятых почти самая низкая – 45 и 50 из 100, а фондовооруженность относительно самая высокая.
Это означает, что число конфликтных ситуаций в Перми будет расти[1].
Плотность рабочего населения в Перми в 1,5 – 2 раза выше, чем в Москве. Но не только этот показатель диктует необходимость перенесения политической активности в регионы, но и общее развитие инфраструктуры российской промышленности. Очевидно, что, в отличие от 17-го года, основные события будут развиваться именно в регионах, а не в столице.

[1]В том числе из-за потока населения в областной центр

НАДЕЖДЫ НА ДИАЛЕКТИКУ
(Предприятия, Советы микрорайонов, областной Совет депутатов)

По численности населения Пермь занимает 14-е место в России. По обеспеченности населения область представляет, скорее, российскую колонию: жильем (кв. м на одного жителя) - в 85-м году 46-е место в РФ, в 90 - 54-е; по потреблению мяса (кг/год на 1 жителя) - в 85-м 51-е, в 90-м 59-е; по потреблению молока и молочных продуктов (кг/год на 1 жителя) - в 85-м 47-е и в 90-м 49-е место в РФ.
Снижение жизненного уровня и пример забастовок горняков привел в 1990 году к забастовочной волне в Перми.

Количество забастовочных дней в 1990 г.

Город Пермской области
Человеко-дни В промышленности
Пермь 1306 888
Лысьва 294 294
Березники 23 -
Гремячинск 687 687
Губаха 1509 1509
Кизел 1204 1204
Чусовой 244 244

Данные взяты из статистического сборника «Народное хозяйство Пермской области в 1986-1990 г.г.», Пермь, 1991, стр.70.

Основное количество человеко-дней приходится на горнодобывающие районы - Гремячинск, Кизел, Губаху (уголь). Но с ним вполне сравнимо и количество человеко-дней в оборонной промышленности, если учесть, что основную долю промышленности Перми составляет ВПК, и два металлургических комбината в Лысьве и Чусовом - оборонного значения. К тому же забастовки в одной Перми принесли государству-работодателю больше убытков, чем все прочие забастовки, вместе взятые.
Очевидно, что первый эшелон (а не авангард, как многие считают) забастовщиков должен был возникнуть в отрасли с наиболее грубой формой эксплуатации, т.е. где труд по большей части ручной, неквалифицированный. Так, в угольной отрасли механизированным трудом заняты лишь 33,4% рабочих, а ручным - 49,9%. В среднем в промышленности у 51% рабочих труд механизирован, у 34% - тот же ручной труд; в машиностроении - 54,5% рабочих заняты механизированным, 33,9% - грубым ручным трудом (нужно учесть, что данные статистического сборника - стр.70 -71 - явно завышены).

Рост производительности труда в машиностроении всегда опережал рост производительности в угольной отрасли. В 1985 году в угольной промышленности вообще произошел резкий спад почти до нуля прироста прибыли за счет роста производительности труда. (“Промышленность СССР”, М. “Финансы и статистика”, 1988, стр.117). Забастовочная подвижность горняков понятна.
Понятна и относительная пассивность рабочих машиностроения, где уже десятилетия протекает необъявленная всеобщая забастовка. “Можно работать в принципе и по 8 положенных часов, - говорит рабочий завода им.Ленина В. Ульянов, - нужно только привыкнуть...” Ясно, что модернизация производства, если она не ведет к росту безработицы, вызывает временный спад активности: облегчается труд, меняется вид деятельности.
Применительно к Перми это означает, что необходим период времени, за который проявится в массовом сознании иная форма эксплуатации, состоящая не столько в интенсификации труда, сколько в обезличивании его. Поскольку уровень оборонной промышленности России сравним с мировым, то ситуация характерна и для развитых стран.

Время далеко не революционное, действительно, общественные противоречия еще не вызрели, значительно более организованная буржуазия еще не до конца легализовала, узаконила свое господствующее положение. Вообще не вызрела даже как класс-в-себе.

Но это не означает, что необходимо “ждать, пока капитализм разовьет производительные силы” (по выражению рабочего завода им. Свердлова Михаила Долгова). Наоборот, нужны медленные шаги: наработка простейших организационных форм (не обязательно по классовому признаку), различные политические и профсоюзные действия, которые давали хотя бы минимальный позитивный результат, накопление информации о производстве, которой рабочие не владеют и не умеют ее получать. Причем ясно, что политгруппы могут заниматься этой работой лишь совместно с рабочими коллективами, а не в одиночку. На этом и сосредоточилось после своей учредительной конференции политобъединение “Рабочий”.

Попытки рабочих выдвинуть экономические требования быстро показали, что администрация владеет положением со значительным “отрывом”: рабочие не допускаются до производственной информации. Им предоставляют возможность требовать все, что угодно, а затем указывают на недостаток средств. Во время первых забастовок Бахаревской мебельной фабрики в Перми не кому-нибудь, а главному инженеру приходилось выкрадывать документы из сейфа директора. Нет информации и для наиболее грамотных рабочих и инженеров в СТК. II Съезд МСТК 17-19 октября 1991 года принимает резолюцию “О развитии экономической ситуации в стране”, в которой пункт 2.3. гласит: “В условиях отсутствия достоверной информации о финансовом положении и под гнетом психоза о грядущей безработице, значительная часть трудовых коллективов не готова взять на себя ответственность за результаты деятельности предприятий”.
Не от хорошей жизни лидер НПГ Сергеев приводит пример с шахтером Васей, который совершенно не разбирается в цифрах.
Однако Сергеев делает вывод, что для контроля за чиновниками необходима постоянно действующая организация (т.е. руководство НПГ). Но кто будет контролировать эту организацию? Где гарантии, что она в очередной раз не “переродится”?
Для того, чтобы получить информацию о работе одного предприятия, нужно сделать трудный шаг - выйти за пределы одного предприятия.
10 ноября 1990 года конференция ОПОРа в Магнитогорске принимает тактический лозунг: “От частных выступлений - к единым действиям”.
Но, как уже отмечалось, Москва предложила свой метод решения экономических проблем: приватизацию. В “Обращении” III (Магнитогорской) конференции - призыв к “честным депутатам всех уровней” “включиться в работу по контролю за разгосударствлением”: “Только сами организованные рабочие могут стать гарантами, что не окажутся на рынке лишь в качестве самой дешевой рабочей силы.
Необходим жесткий контроль за процессом разгосударствления ... добиваться включения в закон РСФСР... положений о самоуправлении и выборности администрации”.

В то же время ясно, что приватизация - не та игра, которая рассчитана на рабочих. Рабочие оказываются втянуты в борьбу между ведомствами, директорами и прочей номенклатурой за передел собственности. При этом основные отношения между директоратом и ведомствами не меняются. Следовательно, рабочие в процессе разгосударствления будут заняты фиктивной деятельностью, о чем говорилось на III Конференции ОПОРа в Свердловске 20 января 1991 года. Поэтому Свердловская конференция закрепляет тезис марксистских рабочих групп 86-88 годов - вовлечение рабочих в управление производством - сформулированной в очередной раз представителем стачкома Уралмаша.

Но, поскольку “деньги вложены”, необходимо воспользоваться процессом приватизации хотя бы для пропаганды, чем и занималось длительное время ОПОРа.
Естественным путем “преодоления ведомственного эгоизма” является создание советов микрорайонов. Эта пермская идея самоорганизации по месту жительства (1988 г.) нашла отражение в программе Уральского народного фронта и в уставе ОПОРа. Советы микрорайона были созданы в Москве, Свердловске. Несмотря на крушения свердловской секции ОПОРа, «Совет трущобников» (руководитель - изгнанный бывшим лидером свердловской секции ОПОРа Буртником бывший депутат горсовета Василий Ганьжин) по-прежнему собирает на свои заседания не менее 200 человек. В январе 1994 года Совет провел многочисленный митинг у здания администрации Свердловска.

Летом 1990 года пермская секция ОПОРа (Пермский рабочий Союз) участвует в создании Совета микрорайона “Дружба-2” (Мотовилиха). От дальнейшей работы в руководстве Совета секция отказалась, но обязалась помогать.
Примерно в это же время создается Совет микрорайона на I Вышке (также Мотовилиха), на базе кооператива по газификации - фактически те же “трущобники”, требующие газифицировать деревянные дома. Организация Совета выполнена членом ПРС Сергеем Вагановым, который продолжил работу в Совете.

Первый Совет микрорайона в Перми организовали жильцы деревянных трущоб Разгуляя (местечко рядом с районом Городских Горок). Его возглавил депутат горсовета юрист Игорь Овчинников, вступивший впоследствии в ПРС. К сожалению, лидер “не устоял”: ему была предложена благоустроенная квартира, после чего деятельность Совета прекратилась. Последняя попытка ПРС помочь жителям Разгуляя летом 1993 года закончилась неудачно. Шум, поднятый Советом, все же заставил расселять людей, однако администрация города сумела навязать им при этом кабальные условия доплаты. Овчинников в качестве противодействия местной администрации (В.Е.Филю) пытался привлечь западный капитал, чтобы на льготных основаниях скупить недвижимость Совета, но безуспешно.
К 1994-му году только в одном Мотовилихинском районе г. Перми - 8 Советов микрорайона: кроме перечисленных - “Запруд”, “В-1”, “Костарево”, “Язовая”, “Садовый”, “Цирк”. ПРС предложил[1] перечислять на начальное развитие Советов деньги из бюджета районных советов, что и было сделано через депутата Мотовилихинского райсовета С. Ваганова.

[1]Открытая конференция Мотовилихинского райсовета, июль 1990 г.

Советы микрорайонов взяли на себя содержание территорий общего пользования, объектов на территории, контроль за торговлей, состоянием дорог, тротуаров. Например, “на совести” “родного” Совета “I Вышка” - 2 отремонтированных колодца, 3 лестницы, ключ-мойки, частичный ремонт проезжей части улиц, организация дежурства добровольной народной дружины, работа с магазинами по отовариванию малоимущих продуктами питания, работа по газификации и т.п.

Межпрофессиональный союз рабочих Магнитки летом того же года создает (Эдуард Слободин) Совет пенсионеров. К осени Совету удается “пробить” бесплатный проезд в транспорте для пенсионеров всех категорий.
На осенней конференции ОПОРа в Магнитогорске опыт переняли свердловчане и пермяки. Пермский Рабочий Союз подготовил “Обращение”: “1. Не увеличивать пенсии (т.к. это приведет к повышению спроса и наращиванию цен, Б.И.), а выдавать продуктами, товарами народного потребления по сниженным ценам. ... 3. Областным и городским властям предоставить возможность пенсионерам-врачам, пенсионерам-учителям и т.д. приобретать проездные билеты на один вид транспорта бесплатно. Другим категориям пенсионеров должны помочь предприятия.” (10.12.91).
Обращение было распространено среди депутатов горсовета через члена ПРС депутата горсовета Александра Бабушкина. Бесплатный проезд для пенсионеров обеспечили, но лишь частично, не для всех категорий. В Свердловске бесплатный проезд обеспечили для всех категорий пенсионеров. Важный момент: сначала в бюджете были найдены источники финансирования, и лишь после этого выдвинуто требование “Дай!”

Такого рода шаги - не просто сужение деятельности до абстрактных задач. Это, с одной стороны, сознательный уход от всевозможной политической активности центра. С другой стороны, необходима конструктивная, созидательная деятельность - роли хозяев, а не только требование распределения в пользу трудящихся, как формулируют многие левые группы. И лишь после того, как многие попытки позитивной деятельности натолкнутся - на практике, а не в теории! - на сопротивление властей, можно будет ставить вопрос о взятии власти, диктатуре пролетариата, счастье человечества и так далее. Переход к “трудящимся” от “рабочих” также продиктован реальной обстановкой, пассивным состоянием квалифицированных рабочих. Лозунг “Не мытьем, так катаньем!” оправдал себя:

упоминавшаяся выше забастовка ленинского завода в апреле 1990 года состоялась лишь благодаря существованию Общества животноводов при заводе, где руководитель - организатор забастовки Александр Зеленин. 600 членов общества дали возможность информировать достаточное количество рабочих завода.

Что касается власти рабочих на предприятиях, то всевозможные пикетирования у проходных предприятий, воззвания к рабочим возродить СТК и пр. ни к чему не привели. “Собрания” представителей СТК провалились, на мгновение возникший городской СТК (через год после неудачных собраний) бесследно исчез. Последней не взятой крепостью был гигант - завод им.Свердлова.
В листовке пермской секции ОПОРа “Зачем рабочему власть” (на предприятии) Геннадий Бахарев, рабочий ЗИС, пишет: “Совет предприятия состоит из администрации (17 человек) и 17 “представителей” трудового коллектива, из которых лишь двое рабочих. … СТК моторостроительного завода умер тихой смертью. Правительство Рыжкова-Павлова в 1990 году отменило выборность директоров, а затем Законом о предприятии с 1 января 1991 года разогнала андроповские СТК. Между тем российский закон о предприятии и предпринимательской деятельности не препятствовал созданию СТК. Моторостроительный же завод, точнее, его администрация, продолжили жить по несуществующему законодательству, сохраняя Совет предприятия.
Завод - это сотня цехов. 17 человек в Совете не могут представлять трудовой коллектив. Совет даже не сможет получить информацию от тех цехов, которые не представлены.
До тех пор, пока на предприятии - произвол администрации, ... рабочих будут увольнять... не выплачивать зарплату и т.д. ...
...нужно восстановить СТК с делегатом от каждого цеха и наделить его правами собственника” (17.12.91).

И в предыдущих листовках ОПОРа, в отличие от МСТК-РСТК, предлагало не “право хозяйственного ведения”, а “право собственности”. Однако все они, в том числе последняя, не вызвали реакции у рабочих.
В отсутствии рабочего движения, вообще какой-либо массовости, трудно не только противодействовать центральной политике, но отстоять трудовые права одного рабочего, хоты бы по причине отсутствия достаточного количества взносов. Поэтому было необходимо - временно - по выражению свердловского Буртника, “вырыть окоп, из которого вести огонь”.

Дурной пример заразителен. Коммерческие структуры, для обеспечения деятельности секций ОПОРа были открыты практически во всех городах, где были секции: Перми, Магнитогорске, Волгограде, Верещагино Пермской области, Белорецке, да еще не по одной на каждый город. Разумеется, для того, чтобы преодолеть частную собственность, нужно сначала до нее дорасти. Необходима и экономическая грамотность, и знание хозяйственных связей. Но открытие коммерческих фирм подтолкнуло многих рабочих ОПОРа уйти с предприятий, прямые связи с трудовыми коллективами были утрачены. Кроме того, замаячила “отвлеченка” и в самом политобъединении. Многие рабочие, занявшись коммерцией, отошли от политики; так было не только на Урале, но и по всей России.

После открытия фирмы “Югра” свердловская секция фактически прекращает контакты с другими секциями. Уральская столица решает, что провинция придет сама, чтобы принять подданство: с 90-го по 94-й лишь “Югра” обладает достаточными финансами. Совет представителей ОПОРа собирается в июле в Волгограде и решает провести очередную конференцию объединения в Казани. Свердловская секция не присутствует. Совет обсуждает забастовку, которую самостоятельно провела белорецкая секция на БМК: стачком затребовал технико-экономическое обоснование работы подразделений, подсчитал и выяснил, что часть денег уходит «налево». Руководству завода было предложено увеличить зарплату рабочим вдвое, без ущерба для предприятия, что и было исполнено – в виду двух других вариантов, забастовки или объяснений в прокуратуре.
19-21 августа в Москве происходит “путч”.

---

31 августа - 1 сентября казанская конференция ОПОРа (в которой участвовали представители 18

организаций из 14 городов, Свердловск отсутствовал) принимает “Заявление”:
“В стране резко изменилась политическая обстановка. Сметена наиболее консервативная группировка КПСС. Молодая номенклатура сменяет старую. ... Объявленная свобода является лишь декларацией. Демократия оказалась сосредоточенной в крупных центрах, в то время как в провинции подавляющее большинство рабочих пассивно, т.е. демократия без народа. ... Рабочих з а с т а в л я ю т при помощи средств массовой информации выбирать между двумя номенклатурами.
При неорганизованности рабочих, при отсутствии опыта единых действий в экономической борьбе, при отсутствии собственной политической организации рабочих ... приватизация ведет к ухудшению жизни трудящихся. Резкое расслоение общества должно привести к росту преступности, снижению производительности труда и стоимости рабочей силы. ...”.
Следующая конференция ОПОРа - в Москве, на которой присутствуют представители Международной Лиги трудящихся. Ставится вопрос о проведении Съезда рабочих Урала летом, в Челябинске или Перми. Свердловская секция активно возражает: ситуация не созрела ... Пермская секция заявляет, что проведет Съезд самостоятельно, вместе с теми, кто поддерживает предложение. Впоследствии выясняется, что Свердловск запланировал проведение Съезда рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции 13 октября в Свердловске.

Одна из задач “путча” - перенести внимание с местных проблем на Москву. Но экономическое положение ухудшается. С 1992 года начинается новая волна забастовок. После “путча” остались “ельцинские” стачкомы, которые попыталась направить в самостоятельное русло свердловская секция, но безуспешно. В Перми лишь один арендный цех завода им. Ленина объявил забастовку в поддержку Ельцина (начальник цеха Валерий Иванов, он же предс. стачкома).
Так или иначе, рабочие все чаще задают вопросы об акционировании, которое Москва предлагает, как панацею от спада производства.
Перед московской конференцией в Свердловске состоялся семинар по предстоящему акционированию “Уралмаш”-завода, в котором приняло участие ОПОРа. Объединение пригласило на семинар также Давида Манделя. После семинара свердловчане предложили “Обращение”, в котором говорится: “В недалеком будущем (считанные месяцы) нас ждут события не менее драматические - номенклатурная приватизация. Подготовленные российские законы о собственности, о приватизации обеспечивают преимущество и дают экономическую фору в стихии рынка бывшей партийной, хозяйственной номенклатуре, всевозможным дельцам.
Сегодня большинство кадровых рабочих и интеллигенции готовы работать за хорошую зарплату, не подозревая, что любую зарплату съедает инфляция. Чтобы жить по-человечески, есть один путь в сложившейся ситуации. Необходимо участвовать в распределении совместно заработанной прибыли. Решение этого коренного вопроса в пользу рабочих и интеллигенции и должны взять на себя стачкомы или иные организации трудовых коллективов”.

Пермская секция подписала обращение. В Свердловске и Перми были созданы юридические комиссии для помощи трудовым коллективам. Если “Югре” не составляло труда оплатить работу юристов, то юрист, согласившаяся помогать пермской секции, работала фактически бесплатно. Листовки с обращением, расклеенные в Перми, были почти все сорваны - такого внимания ОПОРа еще не удостаивалась. Однако обратились за помощью лишь представители оборонного КБМаша. Их поездка в Москву к “собственнику всего” - Госкомимущества и министерство с самостоятельно разработанным Уставом предприятия плодов не принесла. Собственник посоветовал выбросить устав и остался собственником.
Пермский Рабочий Союз предложил внести в устав пункт о собственности трудового коллектива в лице СТК и перейти на контрактную основу с государством. Однако представители КБМаша решили оставить собственника в покое и попытаться выбить позволение на производство гражданской продукции и распоряжение прибылью. В законодательных рамках это было невозможно. Устав предприятия остался прежний. Однако чуть позже рабочим завода удается выгнать директора - вне законодательных рамок и против воли собственника, приезжавшего по этому поводу в Пермь1.

Летом рабочие Агрегатного КБ при заводе им. Калинина на основе “Обращения” составили проект создания органа трудового коллектива (вместо самораспустившегося СТК) для участия в распределении

прибылей. Характерно, что перед этим в АКБ проведена пропаганда “независимого” профсоюза СОЦПРОФ, к которой отнеслись очень тепло. Но в проекте указывается, что профсоюз не имеет законодательных прав на распоряжение прибылью. Рабочие ознакомились с проектом, но на приватизацию это не повлияло.
Действия свердловской секции были результативнее. Местный арбитраж отменил приватизацию турбомоторного завода. Однако, как выразился сам Буртник, подавляющему большинству рабочих даже не было об этом известно.

“Стрелять, так стрелять!” - и пермская секция ОПОРа в растущем под давлением цен движении и перед намеченным Съездом рабочих Урала принимает участие в самых разных формах этого движения. Начинается работа по созданию профсоюзов рабочих машиностроения, научно-технических работников, работников на дому. Последний - на базе самостоятельного Совета многодетных семей Орджоникидзевского района Перми, руководитель - Леонид Сотников (через полгода Сотников полностью уйдет в коммерцию, Совет прекратит существование). Создание профсоюза на базе политехнического и института механики сплошных сред остается в мечтах, но по документам ОПОРа созданы в 1993 году профсоюз инженеров АО “Контур” в Перми, и, чуть ранее, в апреле того же года - профсоюз рабочих Байкальска.
На 9 марта объявлена забастовка полировщиков объединенных цехов №№ 38, 39, 43 пермского “Моторостроителя” (завод им.Свердлова). Требование - поднять зарплату до 5 тыс. р. Листовка ОПОРа предлагает рабочим других цехов поддержать забастовку: “Надеяться на то, что деньги в карман потекут из карманов уволенных в будущем товарищей, бесполезно. Нужно искать средства в других карманах”.
Лидер забасткома приходит на прием к директору завода Черкашину, но тот набрасывается на него с руганью и не желает слушать. Тогда рабочий заявляет, что “он-то уйдет, но вслед за этим в кабинет к Черкашину придут сразу три цеха в полном составе”. Черкашин догнал стачкомовца уже на лестнице и вежливо попросил вернуться.
Зарплату подняли не только полировщикам, но всему заводу.

К осени трудовой коллектив 4-го калийного завода в г.Березники Пермской области также сверг своего директора - по инициативе СТК (председатель - Юрий Иглин, машинист горного комбайна)

ОПОРа обратилась к пермским областным и городским властям, а также к представителю президента в области С. Калягину: “В связи с резким снижением жизненного уровня населения... 1. Заморозить цены на товары первой необходимости... 3. Снизить налоги селу по примеру Нытвенского района. 4. Снизить цены на сельхозтехнику. ... 7. Предоставить ... информацию об отчислениях области и предприятий...” (11.1.1992).

Интересна реакция на документы ОПОРа вновь родившихся “коммунистических” организаций. Цитированное выше обращение к властям было предложено на учредительной конференции общества “Товарищ” (вскоре - РКРП). Президиум “отмел” документ как экономически необоснованный. Был задан вопрос: “А почему - необоснованный? А как будет обоснованно?” На что президиум ответил, что он в данном вопросе некомпетентен, и нужно обратиться к профессиональным экономистам. “В таком случае, - был задан следующий вопрос, - на каком основании сделано заключение об экономической необоснованности документа? Ведь президиум некомпетентен...”.

Через год на митинге у памятника Ленину пермская РКРП распространила листовку с теми же требованиями, но уже от своего имени. (К сожалению, было поздно: местные органы власти утрачивали силу, вообще какую-либо поддержку). Т.е. руководство пермской РКРП решило, что можно вести себя, как старые чиновники...
Пермское руководство ВКПб (Н. Бояршинов) вело себя приветливее. Во всяком случае, они пришли в ОПОРа для наведения контактов сами. “Наша основная задача сейчас, - сказали они, - засветиться, показать, что мы есть.” А для чего? “Чтобы привлечь побольше народу.” А привлечь - для решения какой задачи? Что конкретно собираетесь делать? “Отстаивать принципы марксизма-ленинизма...”
Н. Бояршинов считал, что уж принципами-то ВКПб владеет. Ну, хорошо, а есть ли желание делать что-

либо конкретно, организовывать людей и т.п.? Есть. ОПОРа предложило ВКПб магнитогорские документы Совета пенсионеров для организации самостоятельного совета в Перми. Дело в том, что официальный Совет, как и прочие показушные конторы, не проявлял признаков жизни. «Коммунист» Бояршинов документы взял и... передал их в официальный Совет пенсионеров.

ВЛАСТЬ ДЕНЕГ ИЛИ ОВЛАДЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ?

Попытки выйти за пределы одного предприятия

Несмотря на рост частных выступлений, Москва в 90-е начинает диктовать не только форму активности рабочих, но определяя ее как участие в приватизации (т.е. отвлекая от самостоятельных выступлений).
Перевод капиталистических отношений собственности из формы распоряжения - управления (главенствующей стороны отношений собственности) в форму владения в духе середины прошлого столетия привел к усилению централизации капитала (в первую очередь, банковского), зависимости от ведомств, правительства, других центральных структур. Число ведомств возросло чуть ли не вдвое. Резко возросла величина взяток в центр для реализации горизонтальных связей. “Реформы” свелись к легализации отношений частной собственности в СССР, ранее называемых “общенародная собственность”, при одновременном переделе сфер влияния. Лучшие куски отошли к энергокомплексу, добывающей промышленности, ущемляются ВПК и сельское хозяйство. Исключительно малые дотации селу не могут компенсировать рост цен, наоборот, немедленно приводят к увеличению цен на ГСМ и сельхозтехнику – пройдут долгие годы, пока перестанет действовать данный механизм.

По данным Госкомстата в 1992 году по сравнению с 1991-м производство мяса сократилось на 25%, цельномолочной продукции на 50%, хлопчатобумажных тканей на 38%, в том время как добыча нефти сократилась лишь на 14%, угля на 5% и едва началась снижаться добыча газа. Резко снизилось и потребление: в 92-м году население приобрело товаров на 39% меньше, чем в 91-м, в том числе мяса в 1,5 раза и овощей в 1,7 раз меньше.
Кампания приватизации и ценовой пресс сосредоточили рабочих на личных интересах, на проблеме выживания. Это существенно ограничило и активность политических рабочих групп.
Беда не приходит одна - разумеется, с прецизионной точностью по времени подоспели объективно необходимые “субъективные причины”.

Очередная - после московской - конференция ОПОРа состоялась в Магнитогорске. Свердловская секция ставит вопрос о председателе ОПОРа. Волгоград, Белорецк поддерживают. На избрании председателя настаивает и Магнитогорск (Зеркин). Идея проста: в каждой добропорядочной партии есть председатель, лидер - Травкин, Орлов с Румянцевым, Нина Андреева, Гавриил Попов и т.д. Для того, чтобы участвовать в высокой политике, нужно избрать своего Травкина и пробиваться наверх.
Однако печальный опыт партийного строительства говорит, что после попадания лидера в Москву низовые организации лишаются поддержки населения и вообще прекращают работу, а лидер забывает о существовании первичек. И партии вообще.
На той же конференции взбунтовалась редакция магнитогорской “Рабочей газеты” (Александр Харченко и др.). Из редакции исключают Зеркина и вводят его “заклятого врага” - рабочего А. Бородина.
Вопрос об избрании председателя и его замов перенесен на следующую конференцию, в Свердловске, 22-23 февраля.
Незадолго до конференции лидер свердловской секции и одновременно президент фирмы “Югра” Виктор Буртник увольняет 8 человек - основателей фирмы, причем незаконно: бывших рабочих В. Мусатова, В. Сабурову, Ю. Шерстнева и других. Дело в том, что “Югре” при помощи госснаба и после продаж в Прибалтику цветных металлов удается “наварить” сумму крупнее обычного: порядка 5 млн.р.
Само создание фирмы “Югра” обрамлялось бантиком коллективной формы собственности, т.е. внутри фирмы - якобы самоуправление, сотрудники “участвуют в прибылях” и т.п. По замыслу, практическое осуществление коллективной формы собственности должно помочь пропаганде коллективной формы собственности...
Однако, когда были получены крупные деньги и сотрудники фирмы решили “поучаствовать в прибылях”, президент Буртник и бухгалтер фирмы, член Дем. Союза Людмила Кочева решили избавиться от излишних желающих. После этой меры, “препятствующей развалу производства”, заготавливаются бланки ОПОРа с впечатанными “Председатель” и В. В. Буртник”. Остается только расписываться.

Кочева заявляет на конференции, что в ОПОРа кроме Буртника, Зеркина и нее никто не работает. Поэтому нужно избрать Буртника председателем. Ее поддерживает Зеркин: “Без этого ОПОРа - ничто”. “За” высказываются также бывший профсоюзный аппаратчик Бакаев (Волжск) и вернувшийся в ОПОРа Владимир Резник (Челябинск). Они претендуют на должность членов исполкома ОПОРа. Резко против - Пермь, Магнитогорск (Владимир Лебедев, лидер Межпрофессионального Союза рабочих Магнитки), их поддерживает Сергей Согрин (Челябинск), впоследствии перешедший в одну из английских троцкистских групп.
Председательство подавляющим большинством голосов провалено. В результате газета “Евразия” и журнал “ИЗМ”, чьим учредителем является объединение и чьи документы - в руках Буртника и Зеркина, становятся приобретением Свердловска, точнее, “Югры”, т.к. после ухода восьми человек, членов ОПОРа, Буртник и Кочева (бывший ДемСоюз) остаются в одиночестве. Редактором “Евразии” становится Ю. Санатина - но вскоре пишет Ю. Леонову письмо в Москву, что перестала понимать, ради чего все работали - и переходит в “Уральскую газету”.

По замыслу, “Югра” должна была обеспечивать деятельность ОПОРа - в том числе, его секций в различных городах, чего никогда не делала. В октябре на деньги “Югры” в Свердловске собирается Съезд рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции Среднего Урала. Избавившись от балласта провинциальных организаций, не пожелавших быть участниками массовки, “Югра” привлекает РКРП. Как заявила на собрании ОПОРа Кочева, “Югра” отличается от прочих коммерческих структур тем, что пропагандирует коллективную форму собственности и идеи марксизма.
Но РКРП также пропагандирует марксизм…

Всё так, однако практика РКРП в точности соответствует практике демпартий. На февральской учредительной конференции РКРП в Свердловске (незадолго до собрания ОПОРа) присутствовало лишь 20% рабочих. Один из них предложил: “Поскольку партия называется рабочей, то пусть в перерыв рабочие соберутся отдельно и решат, нужен ли им президиум в таком составе и нужна ли вообще такая партия.” Председательствующий Тюлькин “отклонил” предложение.
Шокирующим для многих присутствующих на съезде прозвучало: “Секретарям райкомов подойти в перерыв...” Съездом был создан Совет рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции Среднего Урала, который потребовал передачу местной власти себе. В Совет, разумеется, вошел Буртник – от объединения «Рабочий». Движет им нетленная жажда занять место под солнцем…
Однако объединение к октябрю существует уже без Буртника.

Масла в огонь подлила неожиданная гибель Владимира Лебедева в день возвращения в Магнитогорск со свердловской конференции ОПОРа. Лебедева нашли в раздавленном трамваем “Москвиче”. Первый вопрос прибывшего на место происшествия следователя: “Где второй?”. Второго, ехавшего в “Москвиче”, не нашли.
Уволенная из “Югры” свердловская секция ОПОРа исключает из своего состава Буртника, и, следовательно, из ОПОРа.
В дальнейшей судьбе “Югры” - странная гибель женщины, ее московского представителя, после многомиллионной сделки (1992), громкое дело, - с комментариями по телевидению - связанное с непоставкой бензина заказчику после получения от него денег (1993), намек на вытеснение Кочевой Буртника из “Югры” (1994).
“Деньги - это власть, - говорит Буртник и вспоминает - я приехал в Свердловск с одним чемоданом...”
“Жалко, - говорит Сергей Певчев, член СТК “Уралмаша”, андреевское движение “За справедливость”, - столько усилий оказалось фактически направлено для личных целей, в том числе обогащения... Всё, что оставил Буртник после себя – это круглосуточный ларек с водкой напротив проходных «турбинки»” (беседа в кулуарах Всероссийского экономического совещания 27-28 июля 1993 г., проводимого ВС РФ).
Человек, объясняющий политические действия особенностями характера политика, говорил Ленин, - шулер. Но трижды шулер тот, кто личные интересы выдает за классовые.
Некоторое время “Югра” выплачивала деньги за функционерскую работу Ю. Козлову (Казань), В. Резнику, но затем избавляется и от этого “балласта”. Вскоре происходит “воссоединение” “Югры” с теми, с кем Буртник ранее был в ссоре: с Русским Союзом - Ю. Липатниковым (погиб в мае 1992 г.,

попав под машину), журналистом Ю. Цыбулей и др.

Оставшаяся часть ОПОРа после ухода Буртника с деньгами организует VIII конференцию в Перми. Присутствуют секции Белорецка, Верещагино, Свердловска, Магнитогорска, Перми, а также председатель стачкома пермского автотранспорта Василий Мальцев. Принимается резолюция о забастовке автотранспорта России: «Налоги душат предприятия, предприятия душат рабочих - стоимость продукции увеличивается на величину налога, а рабочие тех же предприятий вынуждены требовать большую зарплату, чтобы купить продукты первой необходимости.
Таким образом, государство перекладывает деньги из кармана рабочего, врача, преподавателя - в свой. После увеличения зарплаты торговая монополия увеличивает цены продуктов на величину добавки к зарплате, а государство растит бюджет.

Разные группы трудящихся не могут выступить на борьбу одновременно. Не существует органа, выражающего интересы трудовых коллективов. Рабочие, крестьяне, интеллигенция не могут увязать свои требования в Советах любых уровней, потому что там не представлены их интересы. Нет места, где рабочие разных отраслей могли бы согласовать свои требования...
12 мая автотранспортники России проводят двухчасовую предупредительную забастовку. Требования: улучшение качества дорог, замена устаревшего оборудования, повышение зарплаты. Поддерживаются выступления врачей, учителей, заводчан.
Областные Советы не в состоянии выполнить требования бастующих. По указу Ельцина госбюджет распределен по областям. Однако правая рука Ельцина, Гайдар, “забыл” перечислить им деньги. Тем самым Ельцин дискредитирует последнее, что осталось от Советской власти - название...
Забастовки шахтеров при отсутствии движения рабочих других отраслей были использованы Ельциным в переговорах с Горбачевым. Рабочих разных профессией стравили друг с другом... Лидеры шахтеров работают на Ельцина…
Чтобы не повторить ошибок, ... нужно увязать интересы автотранспортников в первую очередь и интересами машиностроителей, которые еще пассивны...»

Забастовка внутри одного предприятия (одной отрасли) всегда сведется к одному: требованию дотаций. Следовательно, во всяком случае, стоит устранять причину, а не следствие - необходимо ограничение цен. Автотранспортники требуют и ограничения цен - но лишь на энергоносители, присовокупив повышение зарплаты себе, учителям, врачам (т.е. тем, кто бастовал). В случае невыполнения требований - бессрочная забастовка с 26 мая - как было заявлено.
Парадоксальность ситуации в том, что инициаторы забастовки - официальные профсоюзы. Возглавляет забастовку министр транспорта.
7 мая генеральный директор Пермавтотранса Е. Вильгельм созывает директоров предприятий Перми. Приглашены председатель отраслевого обкома профсоюза Порошин, председатель профкома Марчук и - для галочки - рабочие-стачкомовцы, составившие около четверти присутствующих. Обращение профсоюзов РФ - явное желание выдать желаемое за действительное: “Игнорирование правительством требований профсоюза ... заставляет транспортников и дорожников объединить усилия по ... защите своих прав ...”

К чему приводит такого рода защита, как неподготовленная забастовка, организованная руководством? Неподготовленная хотя бы в том смысле, что не только рабочие машиностроения, не организованы для протеста, но и министерство общего машиностроения и другие аналогичные министерства пока не собираются отстаивать министерские права. Хотя близок день, когда предприятия встанут самостоятельно, лишь потому, что технологические цепочки разорваны, нет регулярных поставок (Информлисток ОПОРа, 10.5.92).
Одноотраслевые возмущения ведут лишь к перетягиванию того денежного тришкина кафтана, который выделен правительством из бюджета. Забастовка автотранспортников 29 апреля в Туле показала пример: жители города били стекла автобусам. Затем стачкомовцев судили за нарушение закона, а те, кто спровоцировал забастовку, остались в стороне.
Другая сторона дела: как обычно (и по социологическим исследованиям) в июле ожидается пик забастовок, усиленный взвинчиванием цен. Для того, чтобы сгладить пик, забастовки провоцируют

раньше: пламя тушат взрывом. В июле разделенные, перессоренные друг с другом, уже не смогут выступить организованно и самостоятельно - практика, отработанная с шахтерами.
Поэтому объединение “Рабочий” призвало в разъяснительном информлистке рабочих машиностроения отнестись с пониманием к забастовке, поддержать ее в любой форме, а стачкомы - отстоять независимость движения от властей, всевозможных профсоюзов и партий.

26 мая на несколько часов остановились трамваи и троллейбусы Перми. В момент начала забастовки арестован председатель стачкома Мальцев - обвинен в хищении госимущества.
8 июня водители 5-го таксопарка г. Перми осуществляют захват предприятия по польскому варианту. Опечатаны кабинеты администрации. Избран Совет рабочих таксопарка в составе 9 человек (председатель - Константин Дегтярев). Общее собрание трудового коллектива 8-го июня принимает решение возбудить судебное дело против администрации (директора парка Пешкова).

Рост цен на бензин увеличил стоимость проезда, резко упал спрос на такси. Администрация заставила водителей приобретать на свои деньги ГСМ и запасные части к машинам. Лучшие машины предназначаются для обслуживания начальства, старые - для того, чтобы давать план. Трудовой договор написан под администрацию.
“Нам не дают никакой информации, - говорили водители на митинге 8-го июня, - обращаются, как со скотом. Сколько принято решений разобраться с нашими делами, ни одно не выполнено. Юрист посоветовал отнести трудовой договор в журнал “Крокодил”. Тех, кто возмущается - увольняют. Хватит, нужно, чтобы администрация подчинялась нам, а не мы ей”.
Рабочие переизбирают председателя профкома и решают создать товарищество. Однако приватизация с переходом в руки трудового коллектива по ельцинскому законодательству практически невозможна. По закону должны существовать приватизационные книжки, но они отсутствуют. Нет методик обсчета стоимости средств производства. По существующим разработкам трудовые коллективы имеют возможность покупать лишь предприятия с устаревшим оборудованием.

Становится уже очевидным, что в условиях либерализации цен одна лишь передача собственности в руки трудовых коллективов не спасает положения. Кажется, что созрел момент для “перехода от частных выступлений к единым действиям”, то есть, для возникновения рабочих Советов. Но распад еще не закончен. И время синтеза еще не наступило... Пикантная ситуация для наших теоретиков. Во всяком случае, необходимо использовать возможность и попытаться вынести протест за пределы частного предприятия. В кои веки.

На 25 июня объявлена предупредительная забастовка с 7 до 11 часов автотранспортного цеха №62 при пермском оборонном заводе им. Ленина. Возмущение возникло в связи с несоблюдением пунктов коллективного договора, касающихся зарплаты, условий труда, а также с разницей в зарплате у рабочих и администрации. Рабочие решили, что будут оставаться на своих рабочих местах, но к работе не приступят - т.е. согласно законодательству, протест не регистрируется, как забастовка, а как отказ начать работу вследствие неудовлетворительного обеспечения, условий труда. Тем не менее сформулированы требования: “Директору завода Булаеву Ю.А. (а также Устинову В. А., Льву А. В., Попову Н. И., Садковому Ю. И.) от водителей цеха № 62.
1. Повысить водителям в 5 раз зарплату (от 1500 р. в месяц)
2. Снять начальника цеха
3. Снять начальника мастерских Буранова
4. Обеспечить ГСМ согласно норме заработка
5. Обеспечить спецодеждой (телогрейками, ботинками, рукавицами).
6. Обеспечить запчастями
7. Уволить начальника отдела снабжения цеха № 62
8. Сократить ИТР

Экономист А. В. Лев, Саня Лев, с которым вместе играли в баскетбол… Как быстро меняются люди! Председатель профкома заявил корреспонденту “Рабочего вестника”, что стачкома не существует. Однако в ходе дискуссии между стачкомом (лидер - Василий Быков) и администрацией 5-е требование

удовлетворяют, 2, 4, 6 и 7-е - сняты.
За три дня до забастовки 62-го цеха бастует транспорт города Лысьвы Пермской области.
Пермский Рабочий Союз пытается хотя бы познакомить забастовщиков разных предприятий, но безрезультатно. Тогда ОПОРа организует рабочие школы, куда приглашаются стачкомовцы. I-я школа ОПОРа проходит с I по 3 августа, в ней участвуют М. Подгорная ("Рабочая борьба", Франция), П. Слуцкий (Международная Лига трудящихся, Аргентина). Но не стачкомовцы, хотя школа - в Перми. Один рабочий ЗИЛа пришел на пять минут только для того, чтобы сказать: "Я поговорил со многими людьми. Никого клещами не вытянуть из квартир, никто ничего не хочет. Вы очень рано всех собираете..." Может быть, действительно, рано - однако рабочие пермского завода горно-шахтного машиностроения уже три месяца не получают зарплату, впереди - обвальная приватизация, постоянно задаются вопросы об акционировании - что и обсуждалось на школе, помимо практики зарубежного рабочего движения. На школе Юрий Банников предлагает использовать "приватизационное течение" для создания рабочих комитетов, которые бы занялись контролем, инвентаризацией имущества предприятий и пр.
Владимир Корсаков, рабочий ЗИЛ (завод им. Ленина), член ОПОРа, пишет несколько листовок по поводу коллективного договора и акционирования ЗИЛ. В пример приводится забастовка завода "Промсвязь", где рабочие заставили поделить количество акций поровну каждому рабочему и администратору. Проводятся пикеты у проходных заводов им.Ленина, им. Свердлова, им. Дзержинского, им. Октябрьской революции ("Велта"), электроприборного. Реагирует лишь завод им. Дзержинского. Рабочие пишут и расклеивают листовки примерно следующего содержания: завод оборонный, не подлежит обязательному акционированию, тем более цели и последствия приватизации неясны. Откладывается (до 1994 года) и акционирование "Велты".

На самом ЗИЛе общее собрание, посвященное трудовому договору и приватизации, организовано аппаратчиками. Фактически только они и допущены к обсуждению. Однако немногим рабочим удается проникнуть в зал собрания. Их выступления заставили отменить льготное кредитование для скупки акций администраторами. Кто-то даже предложил подать заявление в прокуратуру по поводу незаконного акционирования.
Однако в целом пермские рабочие пережили акционирование безропотно. И не только в Перми. Развален "флагман советской индустрии" - "Уралмаш". На челябинском металлургическом был даже создан стачком для "справедливого акционирования". Однако администрации удалось легко с ним справиться. Лидер стачкома Новиков приглашен в Совет предприятия.
Очевидно, что пассивность рабочих обусловлена не только тем, что процесс приватизации растаскивает рабочих по ведомственным квартирам. И не только тем, что активность исходит от внешних организаций - в одном случае, из Москвы, в другом от "неформалов". Стачком какого-либо предприятия вполне мог взять на себя роль организатора совместного совещания - но такой потребности не возникло.
Не вызвал какого-либо массового возмущения и арест председателя стачкома Василия Мальцева (стоит сравнить с многочисленными всесоюзными митингами в поддержку журналиста из Свердловска Сергея Кузнецова).
Представители ОПОРа трижды приезжают на предприятие, где работает Мальцев, ПГАТП-2. Рабочие собирают подписи в его поддержку. Шесть водителей, членов стачкома, в знак протеста подают заявления об уходе. Следователь Толов определяет Мальцеву статью о хищении госимущества в особо крупных размерах, т.е. срок от 8 до 12 лет.

Выходят два номера "Рабочего вестника", где помещены материалы об аресте. В одном из них указывается, что Мальцеву подбрасывались записки с угрозами: если он будет "копать" под директора Ю. Бригиду, то его убьют. Листовки о происшествии распространяются по пермским предприятиям. Международная Лига трудящихся начинает кампанию поддержки. Однако основную помощь оказывает французская Лют увриер, "Рабочая борьба": выделены средства на оплату приглашенного ОПОРа адвоката и по просьбе ее представителя Французская Демократическая Конфедерация труда направляет протест в пермские судебные органы. Документы ФДКТ и МЛТ зачитывают на суде вместе с перечислением трудовых заслуг Мальцева. Суд, состоявшийся 24 сентября 1992 года, освобождает Мальцева. В проходную предприятия вернувшегося стачкомовца рабочие вносят на руках.

Однако сразу же после освобождения Мальцева директор ПГАТП-2 подает иск в суд против “Рабочего вестника” и увольняет Мальцева. Первый суд признает иск против газеты необоснованным, однако следует апелляция и через полгода судебных тяжб “Рабочий вестник” приговорен к извинению и 10 тыс.руб. штрафа. (Извинения так и не последовало, деньги вынуждено, по личным мотивам, выплачены через год, когда за 10 тыс. р. можно было купить разве пару носков). И лишь 27 мая закончились длительные судебные разбирательства по поводу увольнения. Суд признал увольнение незаконным, Мальцеву выплачена компенсация, однако адвокат уговорил подопечного формулировку “восстановить в должности” не употреблять. Так или иначе, Мальцев вытолкнут из предприятия.
Характерно, что лишь водители 5-го таксопарка собрали деньги в помощь председателю стачкома.

Чтобы представить ситуацию подавленности, из которой, по идее, должно произрасти рабочее движение, достаточно напомнить Грозный, Новочеркасск, Орджоникидзе. Для Перми, напичканной оборонной промышленностью, административный и судебно-полицейский беспредел не является исключением.
8 декабря 1989 года Юрий Банников, член Пермского Рабочего Союза, после визита в городской исполком с Уставом ПРС посещает обком КПСС выяснить возможности получить помещение для организации. После отказа Банников вышел из обкома на троллейбусную остановку и неожиданно потерял сознание.
Очнулся, когда его били сапогами, тушили на нем сигареты и приговаривали: “Мы тебя научим заниматься политикой”. Привязанному к креслу Банникову делали уколы (аметал, аминазин), заставляли подписывать протокол, что он убил женщину. Присутствовала врач. Банников запомнил старшину, помещение, где били - медвытрезвитель неподалеку от “Велты”. “Такого помещения не обнаружено, - будет уверять следователь, - и старшина в этот день нигде не дежурил.”
Служащий Свердловского районного отделения милиции Максимов спокойно показал дело Банникова, где вместо заявления было “объяснение”. “Мы не сочли нужным расследовать дело, тем более, что показания Банникова вызывают сомнение, ведь он ничего не помнит.” ОПОРа организовала независимо медицинскую экспертизу, которая зафиксировала (на второй день) следы от уколов, вторую степень ожогов, побои. Официальная судмедэкспертиза (по ул. Революции, 39) в тот же день зафиксировала лишь 5-ю степень ожогов, а следы от уколов “не заметила”. Подобный случай описан в статье того же времени О. Андрияшкина в местной газете “Молодая гвардия”.

Сразу после избиения Банникова предупредили: “Напишешь в прокуратуру - начнем дело об убийстве”. Дело все же было передано в прокуратуру и похоронено в юридических органах Ленинского района г. Перми. Сам Банников отказался продолжать дело: “До поры”[1].
Юрий Банников до переезда в Пермь работал в Караганде. “Сначала на одном станке, потом на четырех. Как работать надо, показывал!” После показывания последовало давление партийных органов, хождение по инстанциям и ... пять месяцев тюрьмы.
После этого банников работает в г. Нытва Пермской области на металлургическом комбинате. На этот раз к гонениям на него прикладывает руку тогдашний I-й секретарь нытвенского горкома Кадыров (ныне директор металлургического комбината оборонного значения).
За плечами у Банникова - знание горняцкого дела, высокая квалификация токаря, тюрьма, психиатрическая лечебница, попытки сжечь его квартиру неизвестными, и последнее - избиение милицией.
Юрий Андреевич Банников погиб от инфаркта в апреле 1993 года. (За год до его смерти по той же причине погиб еще один член Пермского Рабочего Союза Борис Агеев).

Если поименовать то, что осталось с Буртником, «Югрой», то это «Югра» собирает в Свердловске Съезд для организации Совета рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции Среднего Урала. Стремление сохранить остатки корпорации подталкивает официальные профсоюзы, РКРП, ВКПб, Фронт национального спасения все интенсивнее “защищать интересы трудящихся”. На фоне распада технологических цепочек под влиянием краткосрочных интересов и давлением банков - затеяна игра в “национальный интерес”, причем без хоть чуть-чуть детализированного механизма восстановления.

---

[1]Пермское общество “Мемориал” отказало в помощи Банникову.

Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) конструирует, по примеру Израиля, политическую вывеску, Партию Труда, из обломков неформальных анархистов и социалистов. Провал Партии Труда после событий 3-4 октября 1993 года и вынужденного (под давлением госбезопасности) ухода Игоря Клочкова с поста председателя ФНПР не обескуражит политиков андеграунда. В марте 1994 года состоится очередное “партлото”: из обломков Партии Труда, СДПР, Социалистической партии трудящихся (Вартазарова) и руцкистов, заполучивших лидера на свободе, будет создан Российский Союз Труда. Возглавит оргкомитет И. Аверкиев. Пермская организация СДПР заявит Аверкиеву: “Устали... В Союз Труда не пойдем...” “В таком случае я вообще выхожу из СДПР”, - бросит Аверкиев единомышленникам и уедет в Москву. Московской Федерацией профсоюзов на создание Союза выделено 100 млн. руб.
Однако Шмаков, сменивший Клочкова, и не подумает пустить деньги на организацию. Аверкиев будет вынужден вернуться в Пермь. Оставшись не у дел, он «пойдет по рукам», сначала к депутату Похмелкину, потом в партию Березовского.

В поддержку правительства Ельцина - Гайдара - Бурбулиса выступают новые профсоюзы, включая НПГ. Позицию центра пытается занять Научно-промышленный Союз. Колеблющееся между Ельциным и лидером Научно-промышленного Союза Вольским “болото” директоров заводов находит вполне ожидавшуюся поддержку на Съезде Среднего Урала. Однако Вольскому не суждено стать центристом. Выборы 12 декабря 1993 года определят это место Зюганову (Компартия РФ). Директора же, едва успев сказать “Югре” и КПРФ “спасибо”, через пару месяцев после выборов Госдумы подвергнутся гонениям со стороны Ельцина, который приготовил им роль громоотвода народного возмущения. В те дни появляется словосочетание «красные директора».

(Если термины в такой турбулентной обстановке имеют смысл, то КПРФ вкупе с ФНПР можно определить как левоцентристские по отношению к населению и правоцентристские по отношению к “революционным реформам”. Из новых профсоюзов СОЦПРОФ, “Солидарность”, “Единение” прочно легли на курс поддержки Ельцина. Для формирования правого центра (по отношению к населению) АФТ КПП (или госдепартамент США, что то же самое) выделяют, как было уже сказано, 300 000 долл. Вокруг этих денег объединяются лидер НПГ В.Уткин, вице-президент Уральского профцентра (бывший СОЦПРОФ) С. Беляев, часть СДПР во главе с П. Кудюкиным.

Отношение обеих сторон баррикад к директорскому корпусу - точный индикатор единства их интересов. До “путча” команда Ельцина выделяет Ассоциации директоров 100 млн.р. для того, чтобы заводы перешли под юрисдикцию России. В 1992 году совещание директоров в Тольятти подписывает в обмен на дотации документ в поддержку реформ. ФНПР, кажется, обречена поддерживать директоров, хотя бы потому, что большинство заводских профсоюзов - придаток администрации. Но создание Союза Труда говорит о том, что часть ФНПР и ряд отраслевых профсоюзов хотят стать еще “центристее” КПРФ.
В то же время - проблема увольнений не сдвигается с мертвой точки. Со времени провозглашения “независимости” профсоюзов профкомы помогают директорам увольнять рабочих. 30 мая 1992 года Михаил Шмаков, председатель Московской федерации профсоюзов и преемник И. Клочкова на совещании “Обновления” (фактически - Научно-промышленного Союза) говорит: “Интересы трудовых коллективов (читай: профсоюзов, Б.И.) и директоров совпадают и еще долго будут совпадать. Поэтому профсоюзы заинтересованы в том, чтобы была сильная партия директоров”. (“Панорама”, № 4, август 1992).

А что же сами директора? На том же совещании один директор в кулуарах высказал: “Позавчера Владиславлев подписал коллективку о поддержке Гайдара вместе со всеми этими дерьмократами. И нашим, и вашим. Что он, что Травкин - такие же дерьмократы, как Гайдар. Эх, не будь Анпилов и Жириновский такими кретинами... Некуда бедному директору податься: и тут клин, и там клин...” (там же).
Сама же РКРП с удовольствием поддержала бы директоров во время выборов 93-го, но после

октябрьских событий оказалась исключенной из списка допущенных к выборам. Вместе с директорами выступила КПРФ. Интересно, что на одном из предвыборных заседаний член РКРП и лидер московского Совета рабочих Шишкарев призвал к бойкоту выборов и тут же распространил листовку со списком кандидатов из РКРП за своей подписью...
Однако уравнивание “коммунистов” и “демократов” как двух буржуазных групп, представляющих два разных по возрасту эшелона бывшей номенклатуры, как справедливо отмечает Хиллел Тиктин («Critique», №25, 1993), еще ничего не говорит о направлениях внутри буржуазного течения. Ну, например, имеет ли приоритет национальный капитал или же интересы Международного валютного Фонда. Но единство указанных групп заключается не столько во внешнеполитическом аспекте (который, разумеется, связан с экономической стратегией). Единство состоит в бессилии вызвать к активности массы, причем лишь эта активность могла бы реализовать какие-либо макроэкономические программы.
Если даже создать в Москве Партию провинции (что и сделала шахраевская ПРЕС), но такая партия все равно останется партией Москвы с вывеской “провинция” и абстрактной программой.

“Нагрев” сверху вызывает подавление конвекции “снизу”. Ясно, что рабочим политическим группам необходимо “отмежеваться” от всякой активности Москвы. Пермская, свердловская, и другие секции ОПОРа сосредотачиваются на пропаганде самостоятельных рабочих профсоюзов как базы для будущей рабочей партии. В дополнение к “негативным” листовкам, отвергающим любую активность столицы, распространяются материалы с профсоюзным “позитивом”: о практике создания самостоятельных рабочих профсоюзов, их возможностях. Для иллюстрации бесполезности старых и проельцинских профсоюзов (в частности, пермская “Солидарность”, А. Черных) может служить хотя бы их отказ помогать в деле Мальцева.
Свердловская секция объединения «Рабочий» создает профсоюз инвалидов (на базе “Уралмаша”), в объединение “Рабочий” переходят региональные первички СОЦПРОФ (профсоюз рабочих-металлургов, г. Лысьва Пермской области, лидер - Павел Чернобров). Профсоюзные счета открыты в Перми, Магнитогорске. Пусть плохонький, но результат! И далее предвидятся результаты, поскольку основная масса рабочих в чужой профсоюз, созданный демократами или коммунистами, не пойдет.

К совершенно противоположным действиям переходят Зеркин и Буртник. В Свердловске, как уже говорилось, собирается Съезд - для того, чтобы заявиться, “засветиться” (типичная практика социал-демократов) - для прорыва “наверх” малой группой, как из окружения.
В. Зеркин (у агентства “ИРА” достаточно средств) за месяц до этого, 17-20 сентября 1992 года, созывает, ничтоже сумняшеся, Съезд рабочих страны (с типично зеркинским размахом). К этому времени уже разрушен и тандем «Зеркин-Буртник». Зеркин величает ОПОРа «ОПОКой», т.е. объединением коммерсантов. В качестве гвоздя программы приглашены рабочие комитеты Приднестровья. Со всей страны собирается 31 человек, включая представителя Воркутинского городского рабочкома (ВГРК) Ю. Костюченко, трех представителей Партии диктатуры пролетариата (ПДПб) - в т.ч. Г. Исаева и А. Разлацкого, а также Буртника и семерых членов ОПОРа, которым Зеркин постарался не дать мандат с решающим голосом. Единственное решение, принятое Съездом - о помощи Приднестровью.

Идея проста: поскольку “коммунисты” начинают созывать съезды “Советов”, рабочих и т.д., то необходимо включиться в эту политику, опередить или создать “контр-Советы”. Тем же был занят некоторое время и Ю. Леонов (марксистская рабочая партия) в Москве, пытавшийся создать альтернативный Совет рабочих Москвы.
Тем же самым заняты и в Ижевске. 17 октября - очередной Съезд рабочих “страны”, на сей раз организованный Советом рабочих Удмуртии. Как и в Нижнем Новгороде, Совет создан под эгидой РКРП. 17 октября происходит раскол Совета, та часть, которая не желает иметь ничего общего с РКРП, начинает - во главе с Николаем Январским, рабочим ИЖМаша, серию собраний для создания Федерации рабочих страны - с центром в Ижевске: в пункте 3 значится “базовой организацией Федерации рабочих считать Совет рабочих Удмуртии” ... От ОПОРа присутствуют Г.Минаков (Ростов-на-Дону). Однако “партийное” членство запрещено: лишь “от регионов”. Т.е. суть в том, что невозможно собрать рабочих, которые бы представляли рабочие трудовые коллективы. Следовательно,

будущая “Федерация” всё равно будет сплошь составлена из фиктивных представителей ото всех партий.
Очередное собрание - в мае 1993-го и, очевидно, последнее, поскольку информация о “Федерации” более не поступала ни из Ижевска, ни из печати. Сорвалось еще одно мероприятие по “привнесению в сознание”.

_____

Причины неудач “всемирных” съездов или прорастания партий из центра в провинцию очевидны. Это означает, что, во всяком случае, стоило ограничить территорию, чтобы появилась возможность для единых (а не одинаковых) действий рабочих коллективов. Для единых действий необходима конструктивная экономическая программа, в которой рабочие чувствовали бы себя уверенно, т.е. приняли бы в ее составлении участие. С другой стороны, необходимо расширение рабочей практики, выход активности за рамки одного предприятия. Но посильной активности для рабочих, для трудовых коллективов, а не партий.

Уже к лету 92-го даже иным лидерам горняков становится очевидно, что прорыв в одиночку, “освобождение за спиной всего общества” - не удастся. На летнем “Съезде” Партии диктатуры пролетариата в Москве участвует и член ВГРК К. Пименов. На этом же Съезде ставится вопрос о работе нескольких рабочих политгрупп по организации совместного совещания горняков, машиностроителей и транспортников Урала. (Фактически вся организация легла на ОПОРа).

Во всей горнодобывающей отрасли по старому Союзу занято более 2 млн. человек. В обрабатывающей промышленности - порядка 38 млн. Если шахтерское движение успело создать собственные структуры, в том числе НПГ, то среди наиболее квалифицированных рабочих, особенно в ВПК, наоборот, усиливается пассивность.
Прорыв в одиночку приводит лишь к использованию горняков для передела собственности властными структурами: на энергоресурсы, землю, предприятия ВПК. Идет настоящая война за передел мира, с той лишь разницей, что правительства враждующих государств находятся в одной столице. Естественно, что краткосрочные интересы встанут во главу угла. Доля квалифицированного труда снижается, прекращаются НИОКР и фундаментальные исследования. Общая политика направлена на возрастание роли товара в виде денег и подчинение ему производства. Отражение этого - пена на воде - противостояние исполнительной и законодательной властей.
Их перспективы обсуждались на летнем совещании СП ОПОРа в Свердловске (1992).
“...Для того, чтобы понять смысл реформ, нужно уяснить, в интересах каких слов общества они проводятся. Те слои номенклатуры, которые всегда были на вторых ролях, не могли пользоваться своими привилегиями легально. Этот слой всегда был сдавливаем страхом перед первым эшелоном власти. Что нужно сделать, чтобы второй эшелон мог пользоваться властью открыто? Перевести ее в деньги. И мы получили демократию для второго эшелона номенклатуры. И это закономерно, потому что иной более организованной и мощной силы в доперестроечном обществе не было.
“Капитализация” попросту обнажила буржуазные отношения в обществе и суть КПСС как буржуазной организации, чья собственность - не в форме владения, а в форме распоряжения. Вывеска “социалистический” была с общества снята.
Первый эшелон после утраты власти под этой же вывеской начинает новое восхождение к креслам. Организации типа ДемРоссии, РКРП и др. играют роль массовки и особого воздействия на дележ пирога оказать не могут.

В недалеком будущем Хасбулатов окажется в положении Гамсахурдиа. Пассивность населения, отдаленность, независимость от влияния масс столичной борьбы позволяет провести аналогию с восстанием декабристов или ситуацией прошлого столетия во Франции:
“За буржуазной монархией... может следовать только буржуазная республика, т.е. если, прикрываясь именем короля, господствовала небольшая часть буржуазии, то отныне будет господствовать, прикрываясь именем народа, вся буржуазия в целом...
Но если ниспровержение парламентской республики в зародыше заключает в себе торжество революции пролетариата, то его ближайшим осязательным результатом была победа Бонапарта над

парламентом, победа исполнительной власти над законодательной, победа не прикрытой фразами силы над силой фразы. В парламенте нация возводила в закон свою всеобщую волю, т.е. возводила закон господствующего класса в свою всеобщую волю. Перед лицом исполнительной власти она отрекается от всякой собственной воли и подчиняется велению чужой воли, авторитету. ... Таким образом, Франция избавилась от деспотизма целого класса как будто лишь для того, чтобы подчиниться деспотизму одного индивида, и притом авторитету индивида, не имеющего никакого авторитета. ... Но революция основательна. ... Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть , чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства исполнительную власть, ... изолирует ее, противопоставляет ее себе как единственный объект, чтобы сконцентрировать против нее все свои силы разрушения. И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: "Ты хорошо роешь, старый крот!" (Маркс, "18-е брюмера Луи Бонапарта")"
До разрешения конфликта лишь очевидно, что одна сторона хочет увековечить болезнь, другая - загнать болезнь внутрь организма. Ясно также, что литовского варианта с возвращением к власти старой компартии не будет. Следовательно, участие в этом противостоянии означает вовлечение уставших от центральных инициатив рабочих в новый виток роста болезни, отвлечение их от борьбы за собственные интересы в пользу интересов клановых."
(Совещание СП ОПОРа совместно с партией "Новые левые", где учреждается Российское общество "Собственность для всех" - фактически, потребительской кооперации; там и был сделан прогноз о будущем Хасбулатова).

По обещанию президента бюджет должен формироваться снизу, от районов. Однако республиканские налоги определяются Москвой, местные - областной, городской и районной администрациями без участия избирателей. Аналогичная ситуация с принятием коллективного договора и Устава предприятия.
Для того, чтобы государственная программа из пустой абстракции стала реальной, она должна быть сформирована "снизу", из региональных программ, как согласование экономических интересов областей. Следовательно, еще до разрушения "антисоветской власти" необходимо сведение требований рабочих разных отраслей воедино, что должно послужить прообразом региональной программы. Здесь рабочие уже хозяева, и пусть требования не совершенны, но свое собственное дело они выполнят хорошо. Или плохо. Но по-своему. Да кто ж им даст? Да захотят ли они сами? Так надо попробовать!
Второй момент. Поскольку рабочие добывающих отраслей более организованы и наконец-то почувствовали необходимость в объединении с машиностроителями, с рабочими других отраслей, открывается возможность перенести организационный опыт в наиболее консервативные по активности регионы. Обе эти задачи может поставить совместное региональное совещание.

Итак, стратегия обозначена, осталось лишь действовать. Перед Совещанием, которое назначено на 4-5 сентября 1993 года в Перми, ОПОРа проводит еще две рабочие школы (10 июля и 15 августа 93-го). Перед крупнейшими предприятиями Перми проводятся пикеты с призывом прийти на Совещание, листовки с объявлениями о нем расклеены по всей протяженности города. Перед этим в двух выпусках "Рабочего вестника" печатались объявления и материалы о задачах Совещания. Представители Воркуты, 4-х городов Кизелугольбассейна, Донбасса обещали приехать.
Итог: в Совещании принял участие 51 человек (14 городов, включая Париж - "Рабочая борьба", "Буэнос-Айрес - МЛТ и Днепропетровск) и ни одного представителя угольной отрасли.
Единственный документ, принятый Совещанием - "Декларация", совмещенная с Положением об информационно-координационном Совете рабочих Урала: "Политическая борьба в центре оставляет большинство рабочих страны пассивным. Следствие этого - невозможность изменения экономической ситуации к лучшему. С другой стороны, практика показала невозможность решения проблем внутри одного предприятия и одной отрасли. Необходимы совместные действия рабочих разных отраслей и согласование интересов трудовых коллективов, начиная с уровня области и региона. С этой целью создается информационно-координационный Совета рабочих Урала.
Информационно-координационный Совет не имеет каких-либо руководящих или представительских функций. В его задачи входит:
1) информирование трудовых коллективов региона о происходящих в регионе забастовках,

выступлениях, задачах, стоящих перед рабочими различных предприятий, их требованиях;
2) предоставление трудовым коллективам информации об экономической и политической ситуации в какой-либо области (городе) региона;
3) координирование действий трудовых коллективов региона по их требованиям;
4) организация совещаний, конференций, съездов рабочих региона и входящих в него областей и городов".

Следующее Совещание в Челябинске 22-23 января 1994 г. собрало представителей из 10-ти российских городов, присутствовали 2 представителя ВГРК, рабочие "Трудового Кургана" (железнодорожники), Нижнего Новгорода, профсоюз рефрижераторщиков Челябинска, представитель Челябинска-70 и т.д. И это Совещание, мягко говоря, нельзя назвать многочисленным.
Единственным осязаемым результатом двух совещаний стало то, что было положено начало сбору информации по региону (издано 2 бюллетеня И.К.С.). К совещаниям подключились региональные организации "Новых левых" и Партии социального прогресса (орган - газета "Контраргументы и факты"). Но так или иначе - неудача налицо.

Означает ли это провал типичной абстрактной "правильной" концепции? Или, выражаясь в духе "марксистов" старой закалки, незрелость человеческого материала для конструктивных идей? Подготовка к совещаниям велась достаточно долго, но ведь и гораздо более мощные избирательные кампании и референдумы показывают то же самое - все нарастающую апатию к социальной активности, которую не может победить даже опускание за черту прожиточного минимума. Последние выборы в местные органы власти в Перми привлекли менее 30% избирателей, причем львиную долю голосовавших составили пенсионеры.
Множество социологических показателей говорит о достаточном потенциале для формирования самостоятельного рабочего движения не только в Перми, но и других крупных городах Уральского региона.
Но ответ на вопрос, почему столь длительное время не срабатывает механизм объединения по классовому признаку, выводит за рамки перестроечного и "постперестроечного" периода, за рамки "отдельно взятой" Перми, да и за рамки самой России. Кажется, весь мир устал от выразителей интересов народа и остановился только затем, чтобы сделать шаг самостоятельно.

Как возникает классовое единство? Что является материальной базой классового сознания рабочих? – Завод, фабрика. Значит, объединение для всеобщей забастовки и далее политическое объединение невозможно, если отсутствует объединение заводское.
Понятно, что в условиях, когда трудно ждать единства рабочих даже внутри одного цеха, все наши попытки объединить народ внешне более, чем он един изнутри, были вызваны турбулентной ситуацией в стране, апелляцией к инстинкту самосохранения. Этот инстинкт не сработал.
Однако разнообразные «демократические», «коммунистические» и прочие партии и партийки полагают, что людей объединяет всего лишь вступление в организацию выразителей воли народа. Эти партии и партийки бесконечно генерируют всемирные советы, международные интернационалы, на которые никто не обращает внимания, которые никого реально не представляют, регистрируют координационные советы, которые ничего не координируют, а партийных лидеров избирают председателями всего, что движется. Этот процесс неостановим и, безусловно, выгоден властям.

ПРИМЕР ПОСТАНОВКИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ

Деление политических организаций происходит не по лозунгам или программам, которые они выдвигают, а по их практике. Так, лозунг “Предприятия - в собственность трудовым коллективам” выдвигался не только ОПОРа, но и пермской СДПР, и пермской КПРФ. Но в чем ставится акцент в практической работе? Либо это взаимодействие с верхами, обращение к верхам, чтобы они приняли “правильную” программу (а если не смогут в силу классового интереса - требование передачи полномочий политорганизации с “правильной” программой), либо, наоборот, совместная работа с трудящимися, направленная на овладение экономическими отношениями. Пропаганда социалистических идей еще не является овладением экономическими отношениями, это еще не коммунистическое действие.
По первому пути идут как “правые” партии и блоки - СДПР, ДПР, ВыбРосс, ЯБЛоко, ПРЕС, так и “левые” - РКРП, КПРФ и т.д. С точки зрения практического действия обе эти группы организаций - антирабочие, две стороны одной и той же медали буржуазного сознания. Только буржуазное сознание может находить в себе самом и правое крыло, и левое, и центр, оставляя рабочим право разбираться в этой политической псевдосложности и составлять электорат на время избирательной кампании. Бессмысленно в этом “партлото”, политике карусели (вместо качелей) искать “сдвиги” вправо или влево, потому что для пассивного электората не имеет значения разница форм одного и того же буржуазного содержания. Так, на одной из пермских пресс-конференций для неформалов одна из журналисток, усвоив светский тон, спросила представителя ДемСоюза Сергея Быченкова - является ли его партия правой, левой или центристской. На что Быченков заметил (шел 1989 год), что на Западе ДемСоюз считали бы правым, а здесь в России, очевидно, левым ...
Сдвиги в политическом спектре имеют смысл при наличии движения, они относятся к позиции, занимаемой слоями населения, а не к абстрактному населению без проявленного в движении интереса.

По опыту пикетирования у проходных шести крупнейших предприятий Перми, насчитывающих от 10 тыс. до 40 тыс. работников, к любого типа партийности у рабочих выработался стойкий иммунитет, вплоть до того, что отказывались бесплатно приобретать троцкистскую “Рабочую демократию” (С. Биец) явно партийного вида. Рабочие даже выговорили нашему объединению за то, что распространяли данную литературу, и не только за ее «партийность», но и за содержание. За десять лет пермские рабочие увидели достаточно групп, вбирающих рабочих в себя, привносящих идею в рабочее сознание и прочее, прочее.

Недолго пользовалась успехом в городах Урала и газета “Контраргументы и факты”, орган Партии Социального Прогресса (ПСП).
ПСП возникла, очевидно, на руинах Объединенного Фронта Трудящихся (ОФТ), которое было создано аппаратом КПСС, одим из лидеров которого в Астрахани - Олег Шеин. Другой его лидер, рабочий Пыжов, представлял ПСП в Ленинграде.
Учредительный Съезд ОФТ 15-16 мюля 1989 г. в Ленинграде выдвинул лозунг: “Социалистическое отечество в опасности!” Кроме Пыжова, лидеры ОФТ: профессор ЛГУ В. Ельмеев, доцент ЛГУ М. Попов. 8-9 сентября того же года к ним добавились оператор прокатного стана нижнетагильского металлургического комбината В. Ярин, профессор МГУ Р. Косолапов - на альтернативном I Учредительном Съезде ОФТ в Свердловске. В Перми ОФТ не существовал.
ПСП продолжила традиции ОФТ, взяв сталинистскую направленность, но потеряв массовость ОФТ. В Новороссийске, Челябинске, Риге, Рязани - лишь по одному-два представителя ПСП. Помимо обожествления Сталина, в чем сталинистская направленность ПСП? В одном из номеров “Контраргументов и фактов” (КиФ) была опубликована “аналитическая” статья одного из латиноамериканских сталинистов. На построенном им графике значится, что с момента смерти Сталина в 1953 году в России идет резкий экономический спад, что не соответствует истине. Но суть в другом. КиФ пишет: “Чего не хватает (сегодня, Б.И.), так это субъективного фактора, “ума”, партии непроКПСС-ных скульпторов, не собирателей тред-юнионистской мозаики, а партии принципиально активно-аналитического подхода”. Всерьез ли КиФ об этом пишет?
В 1988 году в Куйбышеве во время многотысячного митинга на трибуну попросился член ДемСоюза. Первыми его словами были: “Я представитель первой в СССР оппозиционной партии ДемСоюз”. Не

было даже секундного замешательства. Акустическое возмущение смело оратора с трибуны: “Не успели от одних специалистов по хомутам избавиться, а через их голову уже другие шагают!”.
ПСП чуть ли не декларативно заявила, что она является партией активно-аналитического подхода. Смысл приведенной цитаты прост: не хватает сегодня ПСП.
Между тем те же КиФ в другом номере отмечают, что “студентам нужен собственный лидер”, из студентов. Почему же тогда в авангард рабочего движения нужно ставить ПСП? В № 6 за июнь 1993 года в КиФ критикуется практически чисто рабочая Партия диктатуры пролетариата - в статье “Сила есть! Ума не надо”. И речь, очевидно, идет не только о ПДП, а о всех рабочих, у которых, по мнению ПСП, не хватает образования для “активно-аналитического подхода”.

К 1994 году за семь лет массового конструирования партий и профсоюзов ни одна из вновь созданных организаций не имела массовой поддержки, то есть, являлась исполнителем без заказчика. Существует лишь одинаковый (но не единый) интерес разобщенных людей, каждый из которых - сам за себя. Политика партий сосредоточена на столице и не достижима для действий рабочих, чья активность ограничивается частными забастовками. Следовательно, деятельность право-левых политгрупп близка к церковной практике, когда они пытаются выразить (подменяя само население) еще не проявленный социальный интерес, идти не на шаг впереди, обобщая требования сегодняшнего дня, а на десять, показывая икону.
Каковы результаты подобной практики “альтернативных” профсоюзов и “многопартийной системы”? Существуют два варианта.
1) Властные структуры изолируют слабые малые группы, отдают на растерзание прессе как “мальчиков для битья”, проводят с их помощью социологические эксперименты. Бессилие малой политгруппы создает базу для социальной апатии. В то же время любые идеи, марксистские или немарксистские, которые выдвигает группа, подхватываются органами власти и используются ими в своих целях, в извращенном или не извращенном виде.
2) К “забежавшим” на десять шагов вперед применяется также стандартный метод вовлечения во властные структуры, после чего у низов возникает аллергия на своих бывших лидеров и на саму социальную активность. Очевидно, практика социалиста Луи Блана и анархиста Кон Бендита пришлась по душе современным социалистам. Партия Труда, возникшая на обломках Социалистической партии, заранее подсказывает способ борьбы с ней - вовлечение во властные структуры.

Некогда к Марксу были применены оба метода. На него не только оказывали давление, грозили арестом, вынудили бежать в Британию. Прусский король Фридрих-Вильгельм IV приглашал Маркса переехать к нему, чтобы бороться с буржуазией посредством его теории. Маркс отметил, что было бы неплохо, если бы пресса перешла на язык коммунистов. Но ехать отказался.
Постановка задачи о конструировании организации “под идею” есть гипертрофированная до уродливой формы реализация идеи Либкнехта - Бернштейна о привнесении “направления” (идеи) в рабочее движение, которое, согласно Бернштейну, не может вырваться за рамки экономизма. Следовательно, любое правительство, в том числе осуществляющее диктатуру пролетариата, может быть только “идущим навстречу пролетариату, но не подконтрольных ему. Иначе: материя не развивается имманентно, дух обязан оплодотворить косную материю извне - стандартная церковная установка. Идея повторена в запальчивости Лениным в “Что делать?”, хотя во множестве иных работ он высказывал противоположную точку зрения, достаточно вспомнить “ренегата Каутского”. Сегодня идея Бернштейна “из ситуативной возведена на концептуальный уровень”. Это является одним из факторов подавления активности низов: не только ценовый пресс, но и “белый шум” центральных средств массовой информации, и попытки прорастания партий “сверху”, из центра в провинцию, гасят самостоятельные выступления.
(Мы к этому еще вернемся, но укажем: Маркс был вынужден констатировать, что больше возможностей обобщать практику движения имеют представители умственного труда – в силу тяжелого труда рабочих. Ранее о том же писал Адам Смит.)

Одинаковость практики “коммунистических” и “демократических” организаций указывает на их генетическую связь с КПСС. Если раньше лишь одна КПСС представляла весь народ фиктивно, то сегодня мелкие политгруппы своим подходом работают на перестроившуюся КПСС, доказывая

жизненность ее прежней практики.

Рецидив “всенародности” - очевидно, внешняя реакция на униженность - не ограничен рамками России, а носит международный характер. Это касается и многих троцкистских групп, выражающих интересы международного рабочего движения, которого еще нет. Например, в 1993 году французская Партия трудящихся (лидеры - Ламберт, Глюкштейн) организовала Международный Союз трудящихся. В отличие от провалившегося Всесоюзного Народного Фронта под эгидой Москвы Союз трудящихся существует, но его представители из самых разных стран втихую повторяют ту же критику, что была высказана в 1988 году в Ленинграде на Съезде фронтов в адрес Москвы.
“Мировой революционный центр” создается и другими интернационалистами - Международной Лигой трудящихся, причем заранее ясно, что это будет всего лишь конкурирующая с парижской организация. Аналогично свой хуторок оберегают в и России. Весной 1992 года в Пермь приезжал член английской троцкистской группы “Милитант” Роберт Джонс. ОПО “Рабочий” обратилось к председателю пермского облсовпрофа Борису Пожарскому с просьбой предоставить помещение для лекции Джонса. Пожарский отказал, объяснив следующим образом: “Чему он нас сможет научить? Мы все знаем. Если вы думаете, что налаживание контактов с английским рабочим движением поможет развитию рабочего движения в Перми, то это ошибка. Рабочее движение в Перми уже организовано - в лице нашего профсоюза. Кроме того, Джонс - представитель лейбористской партии, пусть даже марксистской фракции. Например, я являюсь членом КПСС. Ясно, что в своих действиях я буду проводить линию своей партии. Значит, и он, соответственно, своей...”
Осознанно или неосознанно, российские политпартии и “свободные” профсоюзы перенимают прежние методы КПСС: для того, чтобы подавить, нужно возглавить.

Естественно, что подавляющее большинство политических партий отрицательно относятся к “собирательству тред-юнионистской мозаики”.
Оставим в стороне определение “тред-юниона”. В 1994 году любой профсоюз (если он не подавлен вышестоящей организацией, как Конфедерация свободных профсоюзов России создавшим ее ДемСоюзом) является политической организацией. Вернемся к обсуждениям горбачевского хозрасчета предприятий в марксистских рабочих группах в 1988 году.
Является ли хозрасчет разгосударствлением, централизацией? Сомнительно. Вряд ли кто-то будет направленно подрывать собственную государственную власть. Приватизация показывает, что государство сосредоточило достаточно акций, чтобы остаться хозяином. Возросли и налоги, и взятки в центр.
Следовательно, хозрасчет (разгосударствление) - это попытка перенести на плечи предприятий те заботы, которые ни одно государство, даже самое рабочее, не может нести на собственных плечах. Нужно заметить, что попытка удалась: государство освободилось практически от всех забот, исключая взимание налогов.
С другой стороны, совершенно очевидно, что невозможно - не раздробить! - а разделить между собственниками худо-бедно сконцентрированные средства производства. Вряд ли собственники рулей и собственники кузовов смогли бы продавать на рынке свою продукцию. Продается автомобиль.
Но можно легализовать, проявить в общественном сознании уже сформированный мелкобуржуазный интерес, создав иллюзию равного распределения: дать возможность получать небольшую долю из прибыли посредством акций. Мелкий интерес оттранслировался Москвой на всю страну для того, чтобы безликими неорганизованными разобщенными акционерами можно было бы управлять по-старому – по-сталински.

Коль скоро интерес работника сосредоточен на себе самом, необходимо сделать шажок вперед и выдвинуть требование передачи предприятий в собственность трудовым коллективам. Является ли это буржуазным требованием? Разумеется. Является ли такого рода разгосударствление шагом назад по сравнению с более высоким уровнем развития частной собственности - государственной (всеобщей частной, Маркс)?

Один пермский коммерсант, кандидат химических наук, приводит пример: “Получил документы на

соединение. Пришлось расшифровывать так же, как Менделеев определял состав вещества по количеству прошедших мимо вагонов. Оказалось, что все компоненты производят здесь, в городе. Поставляют же их для синтеза из различных точек СССР, вплоть до Хабаровска. Скупаю компоненты по дешевке, а готовое соединение продаю по старой цене, включающей "хабаровские" издержки.
Есть фильм, где две женщины на одном предприятии выдают рабочим инструмент. Одна выдает быстро, так как знает, что где лежит. А вторая - медленно, потому что все в беспорядке, отвертки вместе с плоскогубцами. Она, может быть, и быстрее первой бы выдавала, нужно только правильно разложить, но первая мешает..."
Еще пример. Петр Капица, устраивая свой "капичник", не разметил дорожки к институту. Сотрудники сами их протоптали так, как это им удобно. И лишь затем дорожки были засыпаны гравием.
Приведенные примеры не доказывают, но иллюстрируют, что вопрос о "шаге назад" весьма дискуссионный, в том смысле, что нельзя отождествлять централизацию капитала и концентрацию производства.

Является ли лозунг "Фабрики - рабочим!" шагом назад при условии, что концентрация труда состоялась и реализована государственная форма собственности? Разумеется. Но в ситуации, когда рабочий класс за период правления Сталина полностью атомизирован, шаг назад осуществляется по отношению к тому совокупному капиталисту, который распоряжается собственностью: КПСС и ведомствам. По отношению к трудовым коллективам, которые пока не представляют никакой организованной силы и передоверили всю совокупность общественных отношений государству, это шаг вперед. Не нужно особо доказывать, что овладение экономическими отношениями начинается с частного предприятия. Значит и требования политических организаций должны вытекать из сегодняшних, а не послезавтрашних требований рабочих, чтобы эти требования были достижимы для самих рабочих, а не для мелких политгрупп, претендующих на власть.

Открывает ли подобный "шаг вперед" простор для мелкотоварного рынка образца прошлого столетия? Открывает, но лишь частично. Последствия очевидны: еще большее разобщение рабочих и рождение армии мелких предпринимателей, которую "крупная буржуазия всегда рада породить против пролетариата" (Энгельс). Но роль мелкотоварного рынка не только в этом. Он не только разобщает, но и создает множество связей, среду для соединения пролетариата (Ленин, "К характеристике экономического романтизма"). Преодолеть тенденцию мелкотоварности невозможно путем критики ее слабых сторон, наоборот, преодолению подлежит ее наиболее сильная, позитивная сторона. (см. святцы, Г. Батищев, "Противоречие как категория диалектической логики", М., 1963), возможно, даже и не реализованная. Мелкий интерес нельзя отрицать, нужно исходить из него, любить его и именно из него получить теоретическую концепцию развития рабочего движения (Плеханов).

Чем же заняты многочисленные марксистские группы? Созданием партии (т.е. представителя рабочего класса), когда еще нет социального заказа, и перманентной проповедью планового хозяйства, т.е. показыванию иконы. Что усугубляется совершенно неадекватной современному языку, и разговорному, и литературному, и научному, формой пропаганды, свидетельствующей об отсутствии умственного развития пропагандиста: "Предательство профсоюзных боссов! ... Империалистическое ярмо!" - и т.п.
В беседе с представителями французской группы "Рабочая борьба" были возражения следующего плана: "Существует примат общего над частным. Необходимо конкретное всеобщее, понимание всеобщего в конкретном."
Уточним понятия. Всеобщее, пишет, например, Ильенков ("Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса"), понимается как выражение принципа связи между единичным и особенным. То есть, диалектический материалист должен уметь практически выявлять особенное в единичном. Эта практическая методология и есть всеобщее в конкретно-исторических рамках.
Слово "конкретное" присовокупленное к "всеобщему", еще не делает всеобщее действительно конкретным. Всеобщее остается пустой абстракцией, существующей лишь в голове спорящего, не существующей ни в действительности, ни в реальных тенденциях, в практике масс не проявленной.
В практике малой политической группы она существует лишь в виде лозунга.
Например, Вейтлинг, пытавшийся рассуждать с точки зрения примата коммунистического будущего,

т.е. не существующего всеобщего, конструировал даже способы распределения билетов в театры. Маркс тепло относился к Вейтлингу, однако предпочитал, чтобы массы сконструировали свое будущее сами, когда же Вейтлинг упорствовал, кричал и топал ногами.
Абсолютизированный план перешел в свою противоположность - полную анархию производства. Навязанный сверху, не вытекающий из практики предприятий и регионов абстрактный план не был выполнен ни в одну пятилетку.

Итак, либо мы навязываем сверху программу, в которой низы не участвовали и чувствуют себя в ней гостями, участниками массовки для голосования или автоматического исполнения, но которая - как нам кажется - вытекает из "научных" общих представлений о централизации-концентрации труда-капитала (понимаемых, кстати, тоже весьма абстрактно), и низы дают за нее при голосовании порядка I - 10% голосов. Так, на последних выборах во Франции в 1993 году "ламбертисты" получили 0,5%, Лига коммунистов - 1%, "Рабочая борьба" - 2,5% (все троцкисты), компартия - 9% голосов.
Либо мы конструируем программу как обобщение практики единичных выступлений, частных интересов, проявленных сегодня, а не послезавтра. Причем выявляя в этих интересах то единое (не одинаковое), которое достижимо для практики совместных действий самих низов, а не партий.

Консультант лейбористской партии Великобритании Джон Росс полагает, что одной из причин провала российской экономики является ее чрезмерная монополизированность. Еще бы, уши Госдепартамента торчат за высказываниями подобного рода. "Около 30-40% промышленной продукции производилось на одних и тех же предприятиях. 87% из 5885 изделий машиностроительной индустрии, представляемых Госкомснабу, были произведены на одном и том же предприятии. Предприятия с числом рабочих более 1250 человек составили 85% занятых в промышленности. Монополизирована не только конечная сборка, но и поставка комплектующих деталей." (1992).
В аспекте концентрации производства и труда Росс отчасти прав: например, производство телефонов, в первую очередь, военных, было монополизировано пермской "Телтой", многие предприятия ранее сосредоточивали от 40 тыс. до 100 тыс. работников: АО "Пермские моторы", Уралмаш, (40 тыс.), ленинградский Кировский завод (60 тыс.), нижегородский "ГАЗ" (100 тыс.), тольяттинский «ВАЗ» - 14-тыс. Но и французский "Рено" объединяет более 60 тыс. работников, к тому же от него зависим и "Ситроен", и другие предприятия, на которые "Рено" поставляет станки с программным управлением. С другой стороны, на множестве российских заводов рабочие даже соседних цехов не знакомы друг с другом, цеха объединены лишь в ведомстве. На Уралмаше, пермском заводе им. Ленина, Кировском заводе в Ленинграде фиктивность концентрации легализована: предприятия распались, вплоть до отдельных цехов.

Реально под вывеской "обобществление" осуществлена атомизация трудящихся, невозможно говорить не только о снижении издержек производства, вообще о максимизации нормы прибыли, но и о преобладании долгосрочных интересов над краткосрочными. Помня ничтожные зарплаты инженеров, последующий развал науки, культуры в целом, спешный отказ предприятий от школ, детсадов и т.д., безропотную ваучеризацию-приватизацию и прочее, можно не сомневаться в полной разобщенности рабочих. Поэтому нельзя сомневаться и в следствии - мелкособственнической их психологии. Возможно лишь, что кого-либо практика размахивания перед рабочими коммунистическими лозунгами ничему не научила.

Следовательно, необходимо найти такое промежуточное звено, такое особенное, которое бы вытекало из сегодняшних требований рабочих и было достижимо для их практических действий.
Таким образом, возникла формулировка "буржуазной коллективной формы собственности".
Здесь от лозунга "каждому по акции" сделан шаг вперед. План возникает как обобщение региональных планов - не просьб, а заказов снизу. Тогда Советы выступают как орган согласования интересов трудовых коллективов. Последнее в югославском варианте отсутствует, как, впрочем, и сама коллективная форма собственности. Ясно также, что без Советов на региональном и федеральном уровне советская власть внутри отдельно взятого предприятия не существует.

Эта позиция вызвала яростные нападки со стороны ВКПб, московских и зарубежных троцкистов как

анархо-синдикалистская.
Откроем брошюру Ленина, “Доклад и заключительное слово на X съезде РКП(б) о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне”.
Тезис “Рабочей оппозиции”: “Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики”.
Ленин пишет: “ ... защищать этот пункт ссылкой на то, что у Энгельса есть рассуждения об объединении производителей, ни в коем случае нельзя, ибо ... точная справка устанавливает, что у Энгельса речь идет о коммунистическом обществе ...” Далее Ленин поясняет: “Мы знаем, что производство капиталистическое строилось десятилетиями. Разве мы впали в ребячество, чтобы думать, что в момент величайшей нужды, обнищания в стране, где рабочие составляют меньшинство, в стране, с измученным, истекающим кровью пролетарским авангардом и массой крестьян, мы можем закончить так быстро этот процесс?! ... При таком положении, когда мы знаем, что ... в управлениях сидят 60% рабочих, пытаться сейчас слова программы: “Профсоюзы должны прийти к фактическому сосредоточению” и т.д. ... пытаться толковать их по-шляпниковски - абсолютно невозможно.”
Мы помним, что в 1917 году численность кадровых рабочих составляла 700 тыс.человек. В 1987 году численность рабочих в СССР 82 млн.человек, крестьян - 17 млн. Плюс 144 человека с высшим образованием из каждой тысячи рабочих. Можно ли в таких условиях не сместить акценты в сторону синдикализма и эксплуатировать идею о “привнесении в рабочее сознание”? Однако если демпартии и блоки неустанно говорят об управлении компетентных, то троцкистские группы, КПРФ, журнал “Марксист” и пр. не перестают говорить об “авангарде”, необходимости для рабочих поучиться (у них!) марксизму и т.д. “Мнимоученое чванство наших так называемых образованных, - пишет Энгельс в письме к О. Бенигку, - представляется мне гораздо более серьезным препятствием”, ... образованных, “которые не представляют даже, сколь многому они должны еще научиться у рабочих”. (Соч., т.37, стр. 380-381).
“Если марксисты, - пишет А. Губайдуллин, - сегодня не научатся видеть опыт рабочих, опыт экономической и политической борьбы, а лишь собираются брюзжать о неподготовленности и обуржуазивании рабочего класса, то, естественно, трудящиеся за ними не пойдут.” (Казань, 1994).

Итак, ПДПб, ВКПб, Партия Труда (Российский Союз Труда), СДПР и другие хотят прорастания идеи, организации - сверху. Мысль Шляпникова и современных анархистов - в последовательном монотонном росте снизу. Одна их московских анархистских групп в “Черной звезде” (№ 3 (6), 1993), верная фетишу абстрактной идеологии, поставила в газете эпиграф: “Никакой власти - никому!” Звучит особенно пикантно, после того, как один из “главных” анархистов А. Исаев перешел на службу в ФНПР, а затем вошел в оргкомитет Партии Труда с явной целью попадания во власть. Другой анархистский лидер, А. Шубин, выступая на семинаре в 1989 году в Москве, сообщил, что “мы бы не возражали, если бы кто-то проголосовал за нас на выборах ...” Шубин стал консультантом АФТ КПП и одним из лидеров Партии зеленых, то есть, тоже совершает хождение во власть. Еще один из анархистских лидеров, К. Сумнительный, твердивший о “вечной оппозиции”, поступил на службу консультантом президента в Конституционный вестник” И. Шаблинского.

Дело не в том, что при старом общественном разделении труда не бывает отсутствия власти - без борьбы рабочего класса за власть наверху всегда будут группировки, далекие от практики рабочего движения, точнее - антирабочие. А в том, что нефизично, нереально ламинарное течение “ снизу вверх”. Для того, чтобы жидкость вскипела, недостаточно монотонного нагрева до точки кипения, нужны еще мелкие случайные пылинки в жидкости. Невозможно постоянно решать какие-то конструктивные задачи (в т.ч. согласования интересов рабочих и интеллигенции, трудовых коллективов и пр.) из положения партера, при постоянном давлении правящих классов. Необходима и негативная часть задачи - устранение их от власти и борьба за овладение политическими рычагами для решения позитивной части задачи. Что и привело Ленина к формулировке: “Революция - это движение и снизу, и сверху”.
И все же для многообразных троцкистских групп диктатура пролетариата остается абстрактной: достаточно пылинок в жидкости, а само нагретое до 100 градусов состояние - необязательно. По мнению московских троцкистов С. Биеца и А. Гусева капитализм в США “перезрел”, все дело в

«несознательности американского пролетариата». Биец и Гусев регулярно обвиняют ОПОРа в экономизме. Очевидно, они понимали ситуацию в России 90-х как революционную.

Летом 1992 года в Москве состоялся семинар “спартакистов”, одной из троцкистских групп (лидер, очевидно, Ян Блок). Одна из представительниц группы заявила: “Наше дело - убеждать рабочих, что им нужно взять власть в свои руки. И больше ни-че-го!”
На том же семинаре А. Гусев и автор данной книги были обвинены в пособничестве фашизму и ЦРУ. Весьма похоже высказывается и В. Котельников (ПДПб): “А вы говорили им (пермским рабочим, Б.И.) о диктатуре пролетариата, о власти рабочих?”
Очевидно, что нежелание анархистов борьбы за власть и размахивание различных марксистских групп лозунгом “Власть рабочим!” есть сужение задач рабочего класса. Следовательно, их социальная база - неквалифицированные рабочие и мелкая буржуазия, как и у социал-демократов.

Мелкобуржуазность - это отчаянная попытка человека, не владеющего ситуацией, не умеющей встать на место буржуа, еще “не доросшего до частной собственности”, вырваться из существующего положения вещей, преодолеть отношения частной собственности за счет крика, бунта, угроз расправы - не дожидаясь революционной ситуации, не умея подготовить ее. Говоря по-русски - “на халяву”. Личность освобождается, приобретает значимость и уникальность лишь за счет присваивания таблички: марксист, монархист, кадет, анархист, троцкист и прочих идеологических клише.
В то же время ясно, что рабочий-станочник имеет меньше возможностей для получения и обработки информации, нежели экономист или технолог, в силу специфики труда - однообразия, монотонности и т.д. он всегда будет находиться в положении “партера”. На Съезде ПДПб-МРП в 1990 году в Москве один рабочий, член ПДПб, зло заметил: “Нам некогда учиться.”
Необходимо понять отчаяние тех людей, чья жизнь переломана, и никакого будущего впереди - система производства обрекает к существованию и разделения труда, и грубого физического труда, и никакая перемена труда “тачечников” с “архитекторами” проблемы не решит.
Вообще неверно представлять рабочее движение без анархизма и троцкизма, как идеальное, чистенькое, грамотненькое, солидненькое. В движении обязателен элемент утопического, авантюристического, какой-то драмкружок, расширяющий политическое пространство, гиперболизирующий сверхзадачу.

Итак, показано, что нельзя запугивать дубинкой “примата общего над частным”, а также обрисованы крайности в позициях. Кажется, что золотой серединой и должен явиться означенный выше лозунг “Фабрики - рабочим!” И здесь возникает самый чудесный момент, когда приведенное аналитическое построение при соприкосновении с практикой приказывает долго жить.
Основная масса рабочих последовательно проигнорировала призывы создавать рабочие профсоюзы или входить в новые “свободные”, брать власть в свои руки, поддерживать “компетентных” и, наконец, следовать лозунгу “Предприятия - в собственность трудовым коллективам”. Коллективная форма собственности осталась тем же пустым абстрактом, за которым не стояло никакой методологии восхождения от единичного к особенному, т.е. овладения управлением предприятием. Овладение ограничилось юридической формой: практикой написания Устава предприятия, где фиксируется форма собственности. СОЦПРОФ шел по тому же пути: освоение юридического документа - коллективного договора.
Лозунг оказался невостребован, ничем не наполнен. Он сыграл роль очередного мифа, под которым вполне можно участвовать в избирательной кампании. Если же попытаться реализовать его немедленно, то пассивные рабочие из своей же среды изберут новую администрацию, еще жестче прежней.
На февральской конференции объединения “Рабочий” в 1992 году в Свердловске выяснилось, что свердловская секция ОПОРа (В. Буртник) не имеет представления, как переходит к коллективной форме собственности. Свердловчанам удалось “пробить” передачу собственности предприятия трудовому коллективу в лице СТК лишь на Верхне-Салдинском оборонном ВСМПО, но лишь на юридическом уровне. В конце 93-го - начале 94-го “хозяева”, члены СТК (Маханькова, Громов и др.) оказались перед угрозой увольнения, и трудовой коллектив не поддержал своих же прежних лидеров. Тем не менее, лозунг, сформулированный в свое время свердловской секцией, сыграл свою роль в избирательной кампании в марте 94-го при выдвижении Буртника в местные органы власти.

Может быть, действительно, сегодня, в условиях полной деклассированности рабочего класса можно лишь использовать “парламентский хлев”? Работать с теми структурами, которые устоялись?
В газете МФП “Солидарность” (№ 11, 1992) - статья Б. Кагарлицкого (Партия Труда) “Центризм”. Кагарлицкий пишет, что “слабый центр - беда русской политической культуры”.
“Но центр не должен превратиться в последнее прибежище провалившихся интеллектуалов и обиженных властолюбцев... Что надоело людям в политиках? Беспринципность, продажность, откровенный карьеризм”. Кого постоянно видят люди на телеэкране? Тех же, “которые еще недавно поднимали волну антикоммунистического экстремизма, а еще раньше составляли очередные проекты программы КПСС и получали государственные премии.”
И далее Кагарлицкий пишет: “Люди не поверят деятелям, которые уже несколько раз меняли свои взгляды. Нужны новые имена, новый стиль в политике. Людям нужна надежность, уверенность в том, что, избрав, например, социалиста, они не получат в итоге ...” и т.д.
Здесь вообще не говорится ни об экономических проблемах, ни о задачах рабочего класса. Здесь беззастенчиво предлагается в грядущую избирательную кампанию избрать Б. Кагарлицкого, за спиной которого - устоявшаяся структура ФНПР, успевшая поменять свои взгляды. От социального творчества масс не осталось и следа.

Еще хуже: лидер пермского отделения профсоюза кооператоров “Солидарность” Алексей Черных, дважды обвиненный в растрате профсоюзных средств, любит поднимать на собраниях вопрос “какими чертами должен обладать рабочий лидер”. Пермский лидер СДПР И. Аверкиев пропагандирует, что именно СДПР - основатель вех демократических преобразований в городе... И т.д. Что-то близкое к образу Фомы Опискина из “Село Степанчиково и его обитатели” Достоевского. Реакция на униженность, невостребованность – понятна, именно отсюда желание себя рекламировать.
В июле 1993 года в кулуарах Всероссийского экономического совещания Джону Россу был задан вопрос, почему лейбористы взаимодействуют с Партией Труда, ФНПР - ведь ФНПР является старой структурой, которая далека даже от тех трудящихся, которые в нее входят, и любовью у них, мягко говоря, не пользуется. Росс, в свою очередь, спросил, почему ОПОРа не хочет взаимодействовать с ПТ и ФНПР. “Альтернативы нет, - сказал Росс, - НПГ слишком мал и поглотится профсоюзом угольщиков, других рабочих профсоюзов не видно. Почему бы в таком случае не взаимодействовать?” А. Исаев (Партия Труда) сформулировал еще резче: “Рабочего движения пока нет и ожидать не приходится.” (Оргкомитет ПТ, Москва, 1992) Вывод, сделанный Исаевым: остается работать в крупных официальных структурах.

Что касается Перми, то здесь надежды на скорое развитие рабочего движения имеют еще меньшее основание. Даже во время всеобщей забастовки авиадиспетчеров в 1992 году пермские работники аэропорта о забастовке не объявляли, но и не показывались на рабочих местах, а рейсы отменили лишь те, которые связывали Пермь с бастующими аэропортами. Кажется, что забитость трудящихся настолько велика, что на ближайшие годы остался лишь шанс показывать низам пример реформирования верхов в одиночку.
Но все же очевидно, что любые позитивные преобразования на уровне страны невозможны без желания рабочего производить, без рабочего движения. Плотность рабочего класса на Урале, в Поволжье, как уже указывалось, в 1,5-2 раза выше, чем в столицах. Кроме того, квалификация рабочих оборонного машиностроения выше, чем, например, рабочих добывающих отраслей. Это означает, что основные события должны были бы случиться именно в Урало-Поволжском регионе…

Что подразумевает ориентация на слой квалифицированных рабочих, ранее находившихся в материально привилегированном положении? Вернемся к позиции некоторых троцкистских групп.
В 1993 году вышла в свет книга Клэр Дойл, представительницы английской группы “Милитант”, “Франция 1968. Месяц революции”. Первая часть книги, где описываются основные события, просто великолепна (за исключением штампов “Сцена из ада”, “Гром грянул”, “вспыхнуло пламя исторической всеобщей забастовки”, “воодушевленные революционными протестами” и самого названия группы - “Милитант”, т.е. “борец”). Невозможно не процитировать. “Случилось так, что первой искрой, от которой вспыхнуло пламя исторической всеобщей забастовки, послужили действия

молодых металлургов завода “Сюд Авиасьон”. Еще до описываемых событий они взяли за правило каждый вторник останавливать работу на 15 минут для предъявления претензий начальству. На этот раз, воодушевленные революционными протестами студентов и ощущением собственной силы... они решили не возобновлять работу... а продолжить акцию и охватить ею все предприятие. Они заперли 20 чиновников администрации в их кабинетах и заставили их учить слова “Интернационала”, включая его запись через громкоговорители.”

Разумеется, в книге не обошлось без пропаганды Троцкого (Д. Мандель как-то высказал, указывая на журнал “Интервзгляд”, издаваемый его же политической организацией: “Совершенно зря устраивают Троцкому какую-то рекламу ...”). Пропагандируется и сама группа “Милитант”: “Рассказывают, что когда на пути ... демонстрации (в Англии, Б.И.) повстречались разносчики газеты “Милитант” со свежими номерами, на которых пестрел крупный заголовок передовицы “Французская революция началась”, женщины немедленно отреагировали: “Вот что нам нужно!”.
Далее анализируются причины поражения революции. Все объективные факторы налицо, чего же не хватает? - спрашивает Клэр Дойл и отвечает: чуткого партийного руководства, совсем в духе “Контраргументов и фактов”. Французская компартия и “не те” троцкисты в Париже не смогли донести до рабочих “простую программу Ленина”: выборность, сменяемость и скромная оплата госчиновников при “истинно демократической системе учета и контроля”. Очевидно, критический пункт книги.

Задача ставится аналитически, абстрактно. Что необходимо сделать, чтобы в условиях существования общественного разделения труда, во-первых, сохранить общественную иерархию, без которой самоорганизующиеся системы вообще не существуют, а во-вторых, ее ликвидировать? Выровнять большинство населения перед лицом управленческого труда. Тогда при сконцентрированности рабочих на предприятиях они смогут занять руководящее положение - при буржуазном избирательном праве. Однако даже на абстрактном уровне принципов Парижской коммуны, перечисленных К. Дойл, явно недостаточно. Отличие общественной системы от прочих самоорганизующихся - в специфике иерархии. В зачаточной форме специфика проявляется уже в механике. Например, если точность, с которой выполнены детали машины, превышает допуск, машина не будет работать. Деталям необходима своеобразная автономия. В обществе автономия становится основным принципом построения иерархии: хозяйственный план физически неосуществим при построении сверху.
Если при выступлении “против” результатом оказывается лишь принятие юридической формы Советской власти - в противоположность мнению К. Самари (“План, рынок и демократия”, М., Экономическая демократия, 1992) это приводит к разорванности общественного сознания, к расхолаживанию, тормозу развития рабочего движения, и это доказано практикой.
Форма оказывается ничем не наполненной, и в этом существенное сходство с лозунгом “Предприятия - в собственность трудовым коллективам”. Сходство в постановках задачи состоит не только в неконкретности. Несмотря на то, что свердловская секция ОПО “Рабочий” отдавала себе отчет, что нельзя в духе старого тред-юниона сводить даже экономические интересы к вещным (а противоречие - к вещной форме), и в том, и в другом случае вещная форма антагонизма подразумевается. Либо это участие в распределении прибыли предприятия, либо это захват власти политической организацией, распределяющей общую прибыль в пользу трудящихся.

Однако в “застойный период” униженное положение наемного работника не приводило к регулярным конфликтам: можно воевать за кусок хлеба, но не за кусок колбасы. Рабочим оказалось мало решения вопроса о собственности на любом уровне: предприятия, области, страны - когда акцент был сделан на вещной форме унижения, то есть, конструктивная задача уничтожения рабочего класса определена не была, и сама ее тенденция не проявлена. Собственное свободное время вне производства оказалось для рабочих значимее, чем гражданская активность. Исключительно характерно в этом плане высказывание Эрнста Манделя в брошюре “Теория Троцкого о соотношении самоорганизации класса и авангардной партии”: “Для взаимодействия между самоорганизацией класса и руководящей политической деятельностью революционной авангардной партии должен существовать самодеятельный рабочий класс, или, по меньшей мере, самодеятельный широкий авангард класса. Но, ... это практически невозможно как длительное явление. ...

... постоянная самодеятельность ... достигает пика в периоды величайших революционных подъемов ... Она идет на спад, когда революционный процесс миновал свой пик. … Люди не могут годами жить в состоянии высочайшего напряжения и высочайшей активности. Тяга к удобству, покою обусловлена почти физиологически.” (стр. 15)
Это классическое высказывание объясняет, что политическая организация имеет право работать в отрыве от масс.

Но ведь революционные преобразования и совершаются для того, чтобы дать свободу той активности, которая раньше существовала лишь в тенденции. Представьте, что совершен “величайший революционный переход” от биологической формы движения материи к социальной. А дальше, извините, спад, кто-то останется человеком, а основная масса будет возвращена в животное состояние. Напротив: человеческое существование становится нормой. Социализм - это не просто “борьба против всяческого угнетения” (Ленин, “Что такое друзья народа ...”), это “когда каждый после отработки своего восьмичасового урока начинает заниматься государственной деятельностью” («Очередные задачи советской власти»). Однако что же служит основой для того, чтобы гражданская активность была обыденной?

Для того, чтобы выборность, сменяемость чиновников и контроль стали реальными, необходимы материальные условия. Существовали ли они до недавнего времени? Ведь лишь в последние годы получили развитие волоконная оптика, система электронной почты, молекулярные компьютеры, высокотемпературные сверхпроводники, библиотеку Конгресса США едва начали переводить на компьютерной основе в каждый населенный пункт, а к нанотехнологиям, к проблеме апоптоза только-только подошли. Но что помешало французским рабочим в 1968 году, не оглядываясь на непоследовательные действия профсоюзов, выдвинуть собственных лидеров для завершения борьбы? Неужели только отсутствие электронной почты или наличие буфера - посредника между трудом и капиталом в лице компартии и “не тех” троцкистов?
Важны не только внешние условия для реализации принципов Парижской коммуны, форма их выражения этих принципов, да и не сам процесс борьбы против “всяческого угнетения”. Абстрактная форма - принципы Парижской коммуны или диктатура пролетариата, и другая абстрактная форма - процесс борьбы, пусть даже через конкретизированные ступеньки, по которым достигаются принципы - не могут подменять содержание, ради которого нужны и диктатура пролетариата, и промежуточные ступеньки.

Наиболее азартно - в виде отрицания марксизма - эту марксистскую мысль высказывает Борис Пильняк: “Теория Маркса о пролетариате должна быть снята, потому что сам пролетариат должен исчезнуть, - вот какая мысль! ... а стало быть, и вся революция ни к чему, ошибка, кхэ, истории. В силу того, что еще два-три поколения и пролетариат исчезнет, в первую очередь, в Соединенных Штатах, в Англии, в Германии. Маркс написал свою теорию в эпоху расцвета мышечного труда. Теперь машинный труд заменяет мыщцы. Скоро около машин останутся одни инженеры, а пролетариат исчезнет, пролетариат превратится в одних инженеров. Вот, кхе, моя мысль.
А инженер - не пролетарий, потому-что, чем человек культурней, тем меньше у него фанаберских (вещных, потребительских, Б.И.) потребностей и ему удобнее со всеми материально жить одинаково, уравнять материальные блага, чтобы освободить мысль, да, вон, англичане, богатые и бедные, одинаково в пиджаках спят и в одинаковых домах живут, в трехэтажках, а у нас, бывало - сравните купца с мужиком, - купец, как поп, выряжается и живет в хоромах. А я могу босиком ходить и от этого хуже не стану. Вы скажете, кхе, эксплоатация? - мужика, которого можно эксплоатировать, потому что он, как зверь, - его к машине пустишь, он ее сломает, а она стоит миллион. Машина дороже того стоит, чтобы при ней пятак с человека экономить, человек должен машину знать, к машине знающий человек нужен - и вместо прежней сотни всего один. Человека такого будут холить. Пропадет пролетариат!” (“Красное дерево”)

К 1987 году пролетариат, однако, не вымер: основным требованием забастовок во всем мире осталась заработная плата. От общего числа эти забастовки составили 45,7%. Забастовки с требованием рабочих мест - 29,8%, сокращения рабочего времени - 4,3%, справедливого коллективного договора - 6,6. По

сравнению с 1968 годом произошла резкая смена ориентиров. В 1988 году в ФРГ 1,7% населения владели 75% производящего капитала[1], однако вряд ли можно считать, что столь резкое противоречие “хижины - дворцы” привело к развитому рабочему движению в ФРГ.
Что до России, то даже резкое ухудшение жизненного уровня не “раскачало” промышленные регионы. Так, в Перми с 1992 года рождаемость упала с 9,1 человека на 100 жителей до 7, 9 в 1993-м, а смертность возросла с 10,7 до 12,8 человек. По подсчетам пермского Общественного экологического комитета в 92-м году от экологических неблагоприятных условий в городе погибло 2100 человек, от экономических - 800, в 1993 году соответственно 2700 и 2400 человек[2]. Любые попытки призвать население защищать себя не привели к каким-либо результатам.

И откат рабочего движения, и равнодушие к медленному апокалипсису указывают на то, что те слои, трудящиеся, которые могут изменить реально обстановку, не задействованы. Выясняется, что необходимо новое понимание, какие именно цепи существуют у пролетариата, по воле какого именно получаемого богатства различаются классы и т.п. Как заметил один рабочий пермского ЗИЛа, ему неважно, что директор ЗИЛ Булаев получает по 1,5 млн. руб. в месяц, но, во-первых, пусть даст жить рабочим, а во-вторых, свои 1,5 млн. он получает зря, потому что не умеет управлять и разваливает производство...
Итак, постановка задачи марксистскими группами о захвате власти рабочим классом, должна быть расширена, получить основание. Этим основанием оказывается противоположность между умственным и физическим трудом.

---

[1]Проблемы мира и социализма, № 5, 1988, стр. 93
[2]Бюллетень ОЭК, № 37, 1994

ДИАЛЕКТИКА ДИАЛЕКТИКИ
Критика партийного строительства

Самоотверженная борьба народников против царизма, пишет Ленин в статье “Принципы Парижской Коммуны”, разбилась о стену равнодушия масс.
В чем же дело, почему, несмотря на явный антагонизм между элитой общества и низами не существует выраженного рабочего движения? Может быть, рабочие организации не умеют поставить верные задачи хотя бы для тех групп рабочих, которые едва начали движение? Или же необходимы условия мировой войны для того, чтобы все противоположности обострились до противоречия?
Первая программа РСДРП утверждает: “Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.”
Почти через столетие после принятия этого документа можно утверждать, что нет не только международного освободительного движения пролетариата (т.е. всех наемных работников, включая интеллигенцию), но даже рабочего движения внутри одной хотя бы развитой капиталистической державы. Действительно, существуют международные рабочие организации, но они уже перестали играть роль политических (профсоюзных) классовых организаций, а являются, скорее, посредниками между трудом и капиталом, буфером, смягчающим самостоятельную активность масс. Можно говорить о кризисе рабочего движения во всех странах, причем не только вследствие формирования буфера, или регулярного подкупа рабочих активистов.

Существуют две объективные причины усиления пассивности рабочих: разрастание, усложнение производства и структурные изменения внутри рабочего класса. К субъективным причинам можно отнести действия самой буржуазии в направлении атомизации рабочего класса (фиктивное обобществление, раздробление производства, монополизация источников информации).
Относительный - по сравнению с началом века - спад рабочего движения дал повод Леониду Брежневу - 1968 году! - завить одному из привезенных в Москву чехословацких лидеров, что “на ваше рабочее движение никто уже давно не обращает внимания” - в ответ на реплику о реакции на действия Москвы международного рабочего движения (по рассказам диссидентов).

Несмотря на многочисленные оговорки, факт голосования избирателей за консерваторов в развитых странах существенен. Узкая идея перераспределения доходов в пользу малоимущих перестает служить объединяющим началом для обеспеченных работой; ссылка на сострадание может быть лишь поводом для создания филантропических обществ. При росте производительности труда не только филантропы, но и сами власти имеют достаточно возможностей для сглаживания конфликта. Сам же конфликт “хижины - дворцы” есть лишь внешнее проявление, следствие противоречий внутри производства. Тем не менее, большинство политических групп ведут речь в первую очередь о перераспределении, т.е. о вторичной сфере обмена. Ясно, что на пути сведения противоречия к его вещной стороне никакого синтеза, никакого основания для единства рабочего движения не получить.

Действительность России, где события буквально заменяют понятия, так, что даже наиболее откровенные буржуазные идеологи начинают критиковать буржуазию и призывать к ее ограничению, в наглядности показывает ряд противоречий социальной динамики.
1) Снижение жизненного уровня ведет к повышению активности и даже к единым выступлениям. Пример - украинские демонстрации июля 1993-го с лозунгами “Кравчука к ответу!”.
Но чрезвычайно характерно высказывание рабочего Валерия Пирогова (Агрегатное КБ при пермском заводе им.Калинина) сразу после павловского повышения цен: “Самое худшее, что сейчас может быть, это стабилизация или снижение цен.” Что-то очень близкое к мотиву “красных бригад”: “Чем хуже, тем лучше”. То есть, в системе ценностей на первом месте желание вывести из “состояния равнодушного любопытства” (Плеханов), и лишь после - материальное благополучие.
В то же время дальнейшее повышение цен, давление их роста разобщает рабочих, сосредоточивает даже не на семье, а на самовыживании.
2) Следующее за повышением цен требование перераспределения (“Дай!”) начиная с уровня предприятия и кончая уровнем ведомства ведет к распаду системы. Сосредоточение на прибыли рвет

отраслевые цепочки. Но это же требование (сведение активности к нему) и дает возможность системе сохранить себя. Именно поэтому стало возможным столь уникальное явление, как директорские забастовки.
3) Сбрасывание старой формы производственных отношений (замена системы) происходит лишь при невозможности в этой форме развиваться производительным силам, когда форма становится тормозом для их развития. Следовательно, даже юридическая отмена старой системы возможна лишь при росте производительных сил. Но сбрасывание старой формы происходит лишь при резком (больше обычного) ухудшении положения трудящихся. Если последнее верно, то у капитала появляются широкие возможности - при росте производительности труда - покупать слой наиболее недовольных внутри производства и позволять выжить части армии безработных. Требование перераспределения доходов, в виду опасности уничтожения, может удовлетворить сама буржуазия.

Если революция во Франции в 1968 году происходила в период промышленного подъема, то в российской революции 1917-го года при наличии относительного подъема доминировала вторая причина социальной активности - резкое ухудшение положения рабочих вследствие войны и огромных жертв на фронте - 1,5 млн. солдат погибло и умерло от ран, 2 млн. были ранены и почти 3 млн. оказались в плену (В. Измозик, “Наука и жизнь”, 1990).
4) Следовательно, в противоречии между общественным характером производства и частной формой присвоения нельзя, во-первых, сводить общественный характер производства к его экстенсивной стороне. Например, к централизации капитала, к распространению его сферы на общенациональный уровень или международный. Допустим, международное разделение труда еще ничего не говорит о характере частного труда. Во-вторых, нельзя сводить частную форму присвоения к вещной, и уж, тем более, сужая ее до распределения производственного продукта.
Все эти теоретические знаки препинания относятся к положениям о революционной ситуации в формулировке начала века. Понимание их в старом смысле означает ориентацию не на прогрессивный слой, а на филантропическое отношение к безработным, национальным меньшинствам, странам третьего мира и т.п.

Определение этого прогрессивного слоя работников, который по своему положению обязан пойти до конца в преобразовании общества, выводит на две задачи: а) определение отношений между двумя группами наемных работников - рабочим классом и интеллигенцией, б) определения отношений собственности в СССР - России.
Последняя задача отнюдь не должна являться пустым кабинетным спором о терминах.
Например, Тони Клифф пишет о государственном капитализме в СССР. Но его книга - есть анализ с уже определенной позиции, включающей великолепные иллюстрации без определений в понятиях. Хиллел Тиктин честно заявляет, что он не знает, как определить строй в СССР, но убежден, что социализма как такового в СССР никогда не было.

Отечественные политэкономы, философы (А. Бузгалин, В. Орлов) полагают, что в СССР все же что-то от социализма было, и даже сам социализм, но «мутантный» или “деформированный”. Тони Клифф замечает по этому поводу, что подобная позиция является, скорее, оправданием их статуса “зарегистрировавшихся марксистами”.
В беседе с членами французской группы “Рабочая борьба” обсуждалась их дискуссия на тему “сохраняется ли при Ельцине рабочее государство”. Сама тема выглядит для российских рабочих несколько экзотично: рабочее государство, может, и существовало, только рабочие об этом не знали. Например, В. Буртник спрашивает: в чьих руках было государство в СССР? Не перепутал ли, в частности, В.Орлов “общенародную собственность” в СССР с общенародной кормушкой для элиты? Хуже всего, когда полемика вырождается в различные таблички, висящие на политгруппах. “А, это госкапитализм”, - заметил представитель троцкистской группы “Милитант” Роберт Джонс при упоминании о другой троцкистской группе и прекратил разговор.

«Защитники теории государственного капитализма, - возражает “госкапитализму” Эрнст Мандель, - поставлены в весьма затруднительное положение: как можно реставрировать капитализм при капитализме? Бесполезно спорить о том, что государственный капитализм отличается от частного

капитализма. Таким образом, если это различие носит качественный характер, какой смысл называть обе эти системы капитализмом?»
Чуть выше Мандель отмечает: “Ряд марксистов, таких, как Поль Суизи, утверждали что невозможно назвать “переходным” режим, просуществовавший семьдесят лет. Ну, а как быть с режимом, который все был потрясен до основания после 72 лет существования?” (“Власть и деньги”, М., Экономическая демократия, 1992)
То есть, для Манделя - ни социализм, ни капитализм, а переходный между ними период.
Не защищая Клиффа, можно задать несколько вопросов: разве в России реставрирован частный капитализм? Разве легализацию буржуазных отношений собственности можно назвать реставрацией? Разве смена вывески может считаться “потрясением до основания”? Что именно закладывается в основание? Если элита общества - то она не потрясена, за исключением ее пожилой части... И срок 72 года указан, очевидно, неточно, если связать с переменой режима уничтожение концлагерей. Что касается “качественного отличия”, то - яблоки отличаются от мяса качественно, однако и мясо, и яблоки - суть продукты питания, которые качественно отличаются, например, от металлической стружки, для питания не пригодной... Вкратце смысл вопросов: можно ли рассуждения Манделя в приведенной цитате считать доказательством или опровержением чего-либо?
«Защитники» госкапитализма и не думают защищать госкапитализм, во-вторых, мы не находимся ни в каком затруднительном положении, потому что и не заявляли и реставрации капитализма.

Однако Мандель в этой же книге дает совершенно четкое выражение сути полемики. “Некоторым может показаться, что вся эта полемика носит по существу догматической, если не откровенно схоластический характер. Зачем столько внимания уделять тому, что Маркс и Энгельс писали, или тому, как эти писания интерпретируются? Не будет ли предпочтительнее сконцентрировать внимание на том, что действительно произошло и происходит в экс-СССР? Однако подобное возражение упускает из виду, то, что является ключом спора. Вопрос не касается лишь изображения экономических явлений и процессов, происходящих в Советском Союзе и подобных ему обществах, как бы существенно это ни было. Задачей является понять их и объяснить” (стр.21).

Не нужно напоминать известный тезис Маркса о Фейербахе. В. Буртника можно обвинять в чем угодно, но он стоит на голову выше этой полемики, задавая вопрос: “Какой из этого следует практический вывод?”
Если считать, например, бюрократию (КПСС, ведомства) классом, то из этого следует, по мнению В. Буртника, вывод о нарастании классовой борьбы со всеми вытекающими последствиями. Но вести классовую борьбу некому: рабочие не организованы, единые интересы не проявлены, существует класс-в-себе, но не класс-для-себя. С другой стороны, и элита не оформлена, как класс.
Действительно, зарегистрировавшаяся Ассоциация директоров с президентом Тизяковым, директором свердловского завода им Калинина, (членом скоропостижно скончавшегося ГКЧП), успела лишь настоять на отмене выборности директоров. В Пермской области (председатель Хариф, депутат бывшего ВС СССР) Ассоциация так и не перешла к политическим действиям, да и вообще себя никак не проявляла.
Директор борется с директором, ведомство с ведомством, контора с конторой, причем борьбу трудно назвать конкурентной. Например, каким образом конторе “Пермэнерго” удалось “наложить лапу” на областной бартерный фонд? Каждое предприятие Пермской области обязано отдавать администрации области 10% производимой продукции для обмена на товары народного потребления. Разумеется, предприятия отчисляют не 10%, а примерно 3%, причем далеко не все. Тем не менее, это довольно большой объем продукции. Она обменивается не только на сахар для пермяков (который, естественно никто не видит), но и на иномарки автомобилей. Администрации предприятий не остаются в накладе, - рука руку моет! - получая свою долю “Тойот”, “Мерседесов” и пр. “Пермэнерго” обратилось к директорам с предложением часть бартерного фонда реализовать для него любимого, ведь предприятия производят продукцию не без помощи электричества ... А сколько именно составляет фонд для данного предприятия, сотрудники “Пермэнерго” поинтересовались у областной администрации. В случае отказа было обещано “дернуть за рубильники”. И в доказательство, что угрозы не пустые, “Пермэнерго” в феврале 94-го объявило забастовку и отключило свет по 2-м главным магистралям города: Комсомольскому и Ленинскому проспектам. Сами производители электричества не получили ничего.

Например, в городе Добрянка Пермской области не наберется и тысячи человек, обладающих средствами, как правило, это банковские служащие (филиалы Пермкомбанка и др.). Электричество производит Добрянская ГРЭС, а деньги идут в пермскую контору - “Пермэнерго”. Точно так же поступают конторы железнодорожников, телефонной станции и т.д. Трудно вообще говорить о наличии государства, как сдерживателя классов от взаимопожирания (Энгельс).

Вот когда буржуазия сорганизуется, полагает Буртник, тогда можно будет говорить о классовой борьбе. Лозунг, вытекающий из этого анализа: “Мы не выступаем против КПСС, а против отклонений от коммунистической линии.” Это практика 87-го -90-го годов. А в 92-м - это практика “сожительства” с РКРП на свердловском Съезде “Советов”. Но основной практический смысл анализа - это требование уметь заставить работать любые правительства в нужном направлении. Это, конечно, шаг вперед по сравнению с теми, кто говорит о замене одного субъективного партийного фактора другим. Последнее совершенно не дает гарантий, что очередной субъективный фактор не переродится, как КПСС.
Но есть и другая сторона медали у этого анализа.

Трудно себе представить, что человечество на планете может возникнуть еще раз, эти попытки неминуемо будут подавлены (неосознанно, а в результате действия множества статистических факторов) существующей цивилизацией. Если имеются довольно сильные устоявшиеся организации типа компартий и профсоюзов, может быть, не стоит изобретать велосипед, а работать внутри этих организаций, борясь с “искажениями линии”? То есть, незачем думать о самоорганизации рабочих, можно спать спокойно? Вся активность в этом случае направляется на замену “отклонившихся” лидеров, но сам процесс самоорганизации не возобновляется, следовательно, атрофируется. Обыватель остается обывателем.
В этом плане В. Зеркин, пытавшийся создать новую компартию, стоит на голову выше В. Буртника.

Наоборот, позиции “переродившихся рабоче-государственников” или “деформированных социалистов” приводит к сотрудничеству с официальными профсоюзами (ФНПР), которые рабочие ненавидят. Более того, выясняется, что и с официальными структурами они не умеют работать.

Стоит проследить эволюцию тех, кто на заре 80-х выступил против “всеобщей частной собственности” и натолкнулся на “стену равнодушия масс” - В. Зеркина, Б. Кагарлицкого, московских анархистов и др. Поколение, рожденное в середине - конце 50-х, чьи родители приветствовали “оттепель”, явно предвкушали ценности более высокого порядка, нежели “фанаберские”. Для многих из них точкой отсчета явились преданность революции, тому нравственному заряду, который несут в себе марксизм, анархизм. Они не пожелали смириться с тем, что государство присвоило себе все идеалы без исключения, а затем оставило от идеалов лишь вывеску на себе самом. Но этому поколению предстояло пережить крушение иллюзий о государстве дважды: во второй раз, когда рассеялись иллюзии о том, что какие-либо идеалы имеют опору в массах.

Виктор Кузнецов, рабочий завода им.Ленина, говорит: “Вы идеалисты ... Я рабочих вижу каждый день. Вы знаете, что это такое? Никто ничего не хочет.”
Люди не просто передоверили заботу о нравственных идеалах государству (бюрократической конторе), а дальше вдруг обнаружили, что их “предали”, что контора знать ничего не хочет о том, что кого-то унизили, зато сама любит унижать. Не только тоталитаризм порождает мелкобуржуазное сознание, атомизируя рабочих. Но и мелкий интерес низов объективно порождает бюрократию, и причем именно он первичен, как бы этого не хотелось апологетам революционного субъективного фактора и авангарда.

Что должно следовать за провалом благородного порыва поднять на борьбу, свергнуть сатрапа, отстоять права и т.п.? Сосредоточение на организационной форме, Уставах, программах организации, ее структуре, внутренней демократии или централизме. Если массы сами не поднимаются для протеста, нужно создать сильную организацию и расшевелить болото. Этой цели служит правильно занятая политическая позиция и неустанное пропагандирование ее вместе с социалистическими идеалами и программами. И уж если это средство не подействовало, значит, “плохой” народ попался.

Именно этот вывод сделан обиженными “революционерами” на международном Конгрессе левых “сил” в Москве в конце октября 1993 года. Выступавший на нем Н. Тиктин поразился: “Ни в одной стране мира не встречал такого отношения к рабочим, тем более среди марксистов. Еще никогда не слышал, чтобы рабочий класс называли скотом.” (Точное выражение: “Раньше правители были подлецы, а народ дурак, а теперь правители дураки, а народ оказался подлецом” - из речи одного из московских марксистов).
Таков генезис привнесения сознания в левом и рабочем движении.

Критика организационного фетишизма дана в книгах Э. Манделя “Власть и деньги”, Т.Клиффа “Государственный капитализм в России”, во множестве троцкистских изданий. Однако эта критика касается лишь внутрипартийных отношений, но не рассматриваются объективные причины, которые с необходимостью индуцируют режим внутри партии, авторы не видят, как общественное состояние зеркально отражается внутри организации.
Практика привнесения в сознание населения компетентных программ характерна не только для марксистских политгрупп (ну, например, Партия социального прогресса с ее органом «Контраргументы и факты»). Наиболее ясное, незавуалированное выражение она имеет у демократических политгрупп, у СДПР, ДПР и пр. И это закономерно, так как практика демпартий является зеркальным отображением практики КПСС, разница лишь лозунгах. Демпартии органически возникали как противостояние КПСС, и на этом их развитие закончено. В предвыборную кампанию в Госдуму социал-демократ И. Аверкиев, выступая по телевидению, заявил: “Я хочу доказать - и это основная причина моего участия в выборах - что заниматься политикой не является грязным делом.” То есть, демократия в его понимании - не от слова демос, а от слов “политический деятель”. Ясно, что никому не нужно доказывать, что какой-либо политик может быть честным, тем более, что понятия честности у буржуа и рабочих оказываются существенно различны. Необходима активность самого населения, а не группы политиков.

Анализ отношений между политгруппой и классом изложен в брошюре Э. Манделя “Теория Троцкого о соотношении самоорганизации класса и авангардной партии” (М., 1991)
“Советы - органы пролетарской революции, - пишет Мандель. - Они не могут сохраниться на нереволюционной фазе. Это исторически подтвердили неудавшиеся стремления голландских левых коммунистов Гортера и Паннекука, а также Коммунистической рабочей партии Германии. Массовые профсоюзы могут расти и процветать и в условиях временной стабилизации капитализма, Советы - нет. И даже после завоевания государственной власти рабочим классом неожиданный спад самодеятельности класса может ограничить Советы в их функции органа непосредственной власти пролетариата или даже ликвидировать их.
Поэтому Советы не являются сами по себе лекарством от всех болезней и могут действовать лишь как инструменты самоорганизации (т.е. организовывать саморганизацию? Б.И.) и самоосвобождения пролетариата в соединении с другими организационными формами - прежде всего, массовыми профсоюзами и авангардными партиями.”

Интересно, что самый современный, 90-х годов, опыт (попытки) создания Советов снизу принадлежит лишь России. По приведенной цитате видно, что Мандель не выделяет Советы из других оргформ, и, что характерно, не замечает в них органа экономического самоуправления.
“Из этих условий существования Советов, - продолжает Мандель, - вытекает необходимость диалектического взаимодействия классовой самоорганизации, которая подвержена большим колебаниям (!) и постоянной авангардной партии, чьи размеры и влияние в массах подвержены колебаниям конъюнктуры, но которая может действовать более стабильно, последовательно и потому лучше противостоять гнету неблагоприятных обстоятельств (стр.10)

Допустим, условия существования Советов обрисованы Манделем исключительно неполно, хоты бы потому, какую он им отводит роль. Но что касается диалектики, то это слово наиболее любимо Горбачевым, на диалектику ссылаются и буддисты, и “ламбертисты” (одна из троцкистских французских групп). Например, во время международной конференции 16-19 декабря 1993 г. в Париже, организованной “ламбертистами” (Партией трудящихся) возникла небольшая дискуссия о том, можно

ли строить международную организацию в ситуации, когда в большинстве развитых стран рабочий класс пассивен. Функционер Партии трудящихся Жан Жак Мари, да и сам Ламберт возражали в том духе, что необходимо подходить диалектически... Ах, это любимое слово Горбачева. Неуместно в кратком историко-политическом обзоре останавливаться на неверности употребления понятия диалектики, но хотелось бы заметить, что диалектическая логика не является во всякую дыру затычкой.

Но если в цитате существует ссылка на диалектическую логику, то в логике формальной явные нарушения. Действительно, Аристотель актуален не менее, чем Маркс.
А именно. Большие колебания классовой самоорганизации указывают на далеко недостаточную степень проявления единых, классовых интересов. Но в случае, когда классовые интересы не проявлены во всеобщей форме, никакая партия не имеет права их выражать. Тем более считаться авангардом. Если же "большие" колебания относительны, то как можно оградить партию от их влияния? Или отрыв партии от масс уже подразумевается? Или партия стоит "над" классом?
"Ликвидация авангардной партии и тесно связанных с классом кадров, - логически завершает Мандель, - затрудняет последующий новый подъем массовой борьбы. Их существование, напротив, облегчает его".
То есть, сначала было слово: строится форма, а затем ее строители поджидают, пока ее наполнит содержанием рабочее движение. Если наполнение должно вот-вот состояться, позиции Манделя нет возражений. Более того, только так и можно работать, на шаг вперед по сравнению с движением. Если же оформление рабочего движения еще далеко, тогда можно говорить лишь о содержательности формы, и ее содержание ясно видно на примере КПСС. В сегодняшней ситуации участь "строителей" определена как буфер, мешающий развитию самостоятельного движения, и на роль этого буфера без особых усилий выталкивают власти.
Ясно, что "диалектика" списана Манделем с ситуации 1917-го года в России. Но, во-первых, необходим критический анализ, а во-вторых, 1917 год невозможно переписать в 94-й.
В 94-м году неформалы 80-х вынуждены наблюдать, что в обществе действует какой-то демонический принцип Ле Шателье. Ответ населения на любое воздействие извне получается с точностью до наоборот от предполагаемого. Любая широкая пропаганда воспринимается как насилие над самостоятельным мышлением, безразлично, какого содержания пропаганда. Яркий пример - голосование за партию Жириновского и неявка на выборы. Партии, «отстаивающие интересы трудящихся», отвергаются, как внешнее, чужое. Кажется, природа вновь задумала построить ДНК и явно не хочет присутствия при этом бога, облегчившего бы ее муки.

Во всяком случае, мировой опыт свидетельствует, что существование буфера - устоявшейся организации (компартий, профсоюзов) не облегчает, а затрудняет новый подъем массовой борьбы. Необходима исключительная осторожность, корректность в отношении рабочих коллективов, подобная отношению Ленина к середняку...
Итак, несмотря на собственную критику организационного фетишизма, Мандель сам склонен к нему. Критикуя Троцкого за недооценку "опасности ликвидаторства, проводимое им беспринципное блокирование с меньшевиками", Мандель воспроизводит его "формулу" соотношения партии и класса: "Массы идут в революцию не с готовым планом нового общественного строя, а с острым чувством невозможности дольше терпеть старое общество. Лишь руководящий слой класса имеет политическую программу, которая нуждается однако в проверке событиями и в одобрении масс. (подчеркивание моё, Б.И.)" И далее:
"Глубинный политический процесс революции состоит именно в осознании классом задач, вытекающих из социального кризиса, и в активной ориентации масс по методу постепенного приближения...
Лишь на основе изучения политических процессов в самих массах можно понять роль партий и вождей, которую мы менее всего склонны игнорировать. Они образуют хотя и не самостоятельный, но важный элемент процесса. Без руководящей организации энергия масс улетучилась бы, как пар, не заключенный в паровой котел. Однако движение рождает не котел или поршень, а пар." ("История русской революции)
Но Манделю недостаточно, что Троцкий в ходе событий уточнил свою позицию: порвал с меньшевиками и признал значение руководящей роли партии. Он, в свою очередь, уточняет Троцкого:

“Проблема “руководящей роли партии” в цитате Троцкого описывается в классическом марксистском виде. Без этой руководящей роли мощный потенциал бурного движения масс грозит растратиться впустую. Но эта руководящая роль - не “право первородства”, принадлежащее ей в принципе, как это формулировал на II съезде РСДРП Плеханов. Она должна долго завоевываться политически, то есть демократически, посредством убеждения (подчеркивание моё, Б.И.), большинство масс должны одобрить ее”.
И далее: “И взгляды партии, даже ее программа (!) отнюдь не безошибочны и неизменны, а меняются на основе испытания практикой, ходом событий. Она может, таким образом, лишь сопровождать самодеятельность масс.
Если из формулы о “руководящей роли партии” выпадают эти три ограничения, то она в лучшем случае превращается в сектантски-догматическую карикатуру, в худшем - как при сталинистской или постсталинистской диктатуре - в средство мелочной опеки и подчинения масс, удушения самостоятельности ...” (стр.14)

Итак, уточнения следующие: 1) “руководящая роль” должна завоевываться демократически, 2) программу должно одобрить большинство масс, 3) программа должна меняться по ходу действий, она может лишь сопровождать активность масс.
Право, подобные уточнения сильно напоминают попытки уточнения понятия стоимости последователями школы Рикардо...
Но представим себе, что большевики в начальный период рабочего движения завели бы вдруг разговор о “руководящей” их роли... Кто из рабочих к ним бы тогда подошел ближе пушечного выстрела?
Обратим внимание, насколько скромнее и точнее высказывались те, чьими последователями считают себя современные “революционеры”:
“Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую миссию ...” (Первая программа РСДРП).
То есть, самостоятельно выполнить! Не нужно напоминать, как презрительно Ленин отзывался о собственной организации, “плетущейся в хвосте” масс. Что касается “классического марксистского вида”, то стоит воспроизвести описание Энгельсом конкретного хода событий: “Тогда Германия была страной ремесла ..., теперь это крупная индустриальная страна... Тогда нужно было выискивать поодиночке рабочих, которые осознали свое классовое положение и свою историко-экономическую противоположность капиталу, потому что самая эта противоположность тогда только возникала. Теперь приходится весь немецкий пролетариат подвергать действию исключительных законов, лишь бы только хоть немного замедлить процесс его развития ... Тогда те немногие... должны были работать в подполье, собираться украдкой небольшими общинами от трех до двадцати человек. Теперь же немецкий пролетариат может даже обойтись без официальной организации, и открытой, и тайной; простая, сама собой разумеющаяся связь одинаково мыслящих товарищей по классу (по партии, Б.И.) достаточна для того, чтобы без всяких уставов, комитетов, постановлений и тому подобных осязаемых форм потрясти всю германскую империю. ...
Международное движение европейского и американского пролетариата теперь настолько окрепло, что не только его первая узкая форма - тайный Союз, - но и его вторая, бесконечно более широкая форма - открытое Международное Товарищество Рабочих- стали оковами дня него; достаточно простого чувства солидарности, основанного на понимании своего одинакового классового положения, чтобы создать из рабочих всех стран и языков одну великую партию пролетариата и сохранить ее сплоченность.” (“К истории Союза коммунистов”, 1885).

Перейдем к анализу по существу.
Как понимает Мандель деятельность партии? Отнюдь не так, как понимали ее создатели РСДРП. Не совместная работа с пролетариатом, не организационная помощь пролетариату, а пропагандирование программы. Программу составляет узкий круг, а рабочий класс хозяином в ее создании не является, он лишь приглашен для одобрения. Следовательно, и проконтролировать грядущую “власть рабочих” он будет не в состоянии, тем более заменить кем-либо из своей среды каких-либо составителей программы. Единственное, что позволяет Мандель сделать с партийной программой, это ее проверить (изменить) ходом событий. Но кому изменить? Тем же составителям.
Как же быть бедному рабочему классу, если не соблюдены три ограничения Манделя и какая-то партия

выродилась в секту? Дожидаться рождения новых компетентных “специалистов по хомутам”? То есть, от современной примитивной социал-демократии не сделано ни шагу: сначала формулируется программный документ, регламентирующий работу конторы, а затем - конъюктурно! - подгоняется под ход событий. Россия эту дурную практику прошла буквально за пятилетку, после чего дала на выборах 93-го и за “коммунистов”, и за “демократов” вдвое меньше голосов, чем даже за Жириновского.
В качестве “окончательного синтеза”, т.е. нахождения соотношения между рабочим классом и партией, Мандель предлагает простое перечисление, данное Троцким, в каких формах и почему именно в таких можно строить организацию. Суть в следующем: вследствие неоднородности рабочего класса обязательно наличествуют несколько политических течений, а поэтому и рабочих партий. Для достижения ближайших политических и экономических целей необходим единый фронт этих партий. И все.
Что касается отличий авангардной партии от прочих рабочих организаций. В качестве синтеза “отличия” предлагается не что-нибудь, а начальный документ - “Манифест Коммунистической партии”.
Книжка Каутского по историческому материализму, писал Ленин в “Лучше меньше, да лучше”, написана хорошо, но она безнадежно устарела ... Сам Маркс о такого рода вещах, как программы, отзывался еще резче: каждый практический шаг дороже дюжины программ.
Между тем положения “Манифеста” существенно отличаются от “формул” Манделя-Троцкого: “Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям. У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. Они не представляют никаких особенных принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.”
То есть, и речи нет о том, что программа должна “привноситься в сознание”, затем подгоняться под движение и снова привноситься. Но Мандель упрямо дополняет “Манифест”: “... они должны убедить большинство рабочего класса в правильности своей программы, стратегии и современной политической линии. Это может быть сделано только политическим, а не административными средствами.”
Последнее замечание особенно выразительно: то есть, при готовности петли для затягивания на шее пролетариата нужно намылить веревку, но намыливать ее лучше “политическими, а не административными средствами”.
Каким образом должна строиться программа партии? Либо это абстрактное обобщение, а рабочий класс - лишь электорат, и тогда ни о каком движении к социализму, как социальному творчеству масс, говорить не приходится. Либо программа есть обобщение конкретной практики организованных рабочих и строится самими рабочими - при помощи политгрупп, тогда организация рабочих действительно становится самоорганизацией. Но в таком случае она нереальна.

Э. Мандель пишет в своей брошюре, что работы “молодого Дьердя Лукача “История и классовое сознание” и “Ленин” настолько абстрактны, что не могут претендовать на систематическую разработку темы.”
Однако именно в работе Лукача “Ленин” можно почувствовать, что “нет ничего практичнее хорошей теории”. Там же содержится и мысль о широком фронте, которую Мандель подает как “синтетический” тезис Троцкого, но Лукач пишет об этом десятилетием раньше Троцкого.
Лукач сразу же конкретизирует задачу, говоря не об организации “вообще”, а указывая на исторический период: “... ленинская форма организации неразрывно связана с перспективой надвигающейся революции.” (М.: Международные отношения, 1990, стр. 72).
Именно Лукач (плюнем на его одобрение неверной по существу работы Р. Люксембург о внешних рынках) делает первый шаг к действительной диалектике, выделяя в ленинской теории революционной ситуации тот пункт, который обязывает определить рабочий класс не атрибутивно, как это сделано в работе “Великий почин”, а через противоположение, как и в отношении категории материи.
“Но актуальность революции означает вместе с тем, что брожение общества, развал его старой структуры отнюдь не ограничиваются пролетариатом, а охватывают все классы общества. Ведь, согласно Ленину, действительный признак революционной ситуации состоит в том, что “низы” не хотят, а “верхи” не могут жить по-старому; “революция невозможна без общенационального (затрагивающего как эксплуатируемых, так и эксплуататоров) кризиса”.” (стр.73)
Переходя к роли политической рабочей организации, Лукач фактически высказывает то же самое, что впоследствии Троцкий и Мандель. Однако акцент сделан не на том, какая именно должна быть партия,

но обосновывается сама необходимость ее существования, что гораздо конструктивнее атрибутивного перечисления ее характеристик (“ограничений”).
“Ленинская идея организации означает, таким образом, двойной разрыв с механистическим фатализмом - как с тем, который рассматривает классовое сознание пролетариата как механический продукт его классового положения, так и с тем, который усматривает в самой революции не более как механистическое действие фаталистически проявляющихся экономических сил, так сказать, автоматически приводящих пролетариат к победе при достаточной “зрелости” объективных условий революции. Но если для революционной ситуации нужно было бы ждать, пока весь пролетариат, единый и сознательный, вступит в решающий бой, то такой ситуации никогда бы не наступило. С одной стороны, всегда будут существовать ... пролетарские слои, которые бездеятельно созерцают освободительную борьбу их собственного класса и даже переходят во вражеский лагерь. А с другой стороны, поведение самого пролетариата, его решимость и уровень классового сознания отнюдь не вытекают с фатальной неизбежностью из его экономического положения.” (стр. 74-75).

Но здесь Лукач лишь повторяет возражение Гегеля-Маркса против фаталистического понимания закономерности (исторической закономерности). Из этого возражения можно сделать вывод о необходимости взаимодействия (рефлексии) пролетариата с его частью (“авангардом”). Но отсюда еще ничего нельзя сказать о том, на каком уровне развития производительных сил возможна революционная ситуация, какой форме взаимодействия класса и партии соответствует тот или иной уровень развития. Ленин, не вдаваясь в подробности, в работе “Государство и революция” пишет, что до “необходимого” уровня можно было бы ждать сто лет, и повторяет наполеоновскую фразу: нужно сначала ввязаться в серьезную драку, а там посмотрим ...
Гораздо четче Лукач указывает, чего не должна делать партия.
“Собственно говоря, даже самая крупная и лучшая партия в мире не может “сделать” революцию...”
То есть, Лукач предостерегает от другой крайности в понимании роли партии - релятивизма. Далее следует синтез:
“... В период актуальности революции старая проблема - может быть “сделана” революция - приобретает совершенно новый смысл и значение.”
В ленинской формулировке “революция - это действия и сверху, и снизу”. Но что существенно - в период актуальности революции.
“В основе старой постановки вопроса о “делании” революции лежит жесткое, недиалектическое расчленение объективной закономерности исторического процесса и активности действующей партии. Всякую мысль “о делании” революции нужно решительно отмести, если она означает, что революция, как по волшебству, появляется из ничего. ...
Как старая (разделявшаяся в том числе Каутским) точка зрения, согласно которой организация представляет собой предпосылку революционного действия, так и точка зрения Розы Люксембург, считавшей, что организация - это продукт революционного движения масс, выглядит односторонними и недиалектическими.” (стр. 75-76)

В 1990 году именно такую точку зрения, близкую к позиции Розы Люксембург, принял Пермский Рабочий Союз, т.е. в период, далекий от революции. Рост организации должен соответствовать росту рабочего движения. Невозможно возводить структуру, расширять ее, если задачи самого пролетариата еще внутри него не актуализированы: тогда у организации будут лишь собственные задачи. Поэтому бессмысленно сосредоточиваться на Уставе с программой, а затем “садить двух человек на колеса” (по выражению Буртника), чтобы ездить по России и набирать под какими-либо лозунгами “серые шеренги” в партию.

Может создаться впечатление, что в принципе Лукач, Троцкий, Мандель уже сообщили все возможное по теме “партия и класс”. Но в том-то и дело, что лишь сообщили. Это лишь описание в категориях диалектики, а значит, замена ее эклектикой. Что и приводит Лукача к той же позиции, к которой пришли Троцкий и Мандель, употреблявшие вместо категорий более “конкретные” - “котел”, “поршень” и “пар”.
В отличие от Манделя Лукач все же указывает на организационную помощь как одну из задач партии. Но посмотрим, в каком он это формулирует: “Задача партии - предвидеть, в каком направлении пойдет

развитие объективных, экономических сил и как должен вести себя сообразно... ситуациям рабочий класс. Руководствуясь этим предвидением, партия должна духовно, материально и организовано подготовить пролетариат к грядущему и к пониманию его, пролетариата, интересов в отношении этого грядущего.” (стр.76)
Ну, во-первых, что касается предвидения, то, с одной стороны, Маркс подчеркивал, что в истории нет фаталистических закономерностей, а с другой - в истории нет даже такого детерминизма, как в биологии. Марк Блок отмечал, что история, как наука, еще слишком молода, можно лишь показывать тенденции, но выступать в роли гадалки - дело безнадежное. Но не в этом суть. При попытке помочь решить любую конкретную практическую задачу, стоящую перед рабочими, все эти “постулаты” о партии оказывается схоластикой. Потому что не только в головах теоретиков существует “недиалектическое расчленение” закономерности процесса и активности партии, оно существует в реальности, как отделение деятельности партии от деятельности пролетариата. Так это и показывается Лукачем: партия стоит над массой, она предвидит и затем подготавливает “косную” пролетарскую материю к пониманию предначертания, гражданского долга , к райской жизни и т.п.

Для того, чтобы вместо “уточнений” найти реальное отношение “партия-класс”, нужно вырваться за узкие, суконно-казенные рамки этого отношения, и вместо рассуждений о том, какой бантик нужно прикрепить к пролетарской партии, чтобы она не “выродилась”, перейти к практическому участию в реальном движении самого пролетариата. Тогда обнаружится, что отношение формулируется более конкретно (широко), как отношение умственного и физического труда, интеллигенции и рабочего класса.
Мандель, Лукач, Троцкий лишь завуалировано указывают на превосходство интеллигенции перед рабочими в деле освобождения рабочего класса. Маркс и Энгельс в “Манифесте” честно говорят о реальном положении вещей: “Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения.”
Мандель в “Теории Троцкого о соотношении ...” цитирует этот пункт и замечает, что он “сохраняет свою правильность и по сей день.” (стр. 21)

Извините, не сохраняет. Достаточно напомнить, что уже Ленин призывал большевиков учиться у рабочих и в понимании общих интересов пролетариата и стоящих перед ним задач, и в предвидении направлений развития ... Структурные изменения внутри пролетариата настолько существенны, что подходить к общественной механике со старыми мерками невозможно. Допустим, что Маркс ожил и пришел на предприятие, изготавливающее, скажем, аппаратуру дальней связи. Кто больше понимает в производстве - Маркс или квалифицированный рабочий, у которого в прошлом институт им. Баумана? Кто из них лучше сможет проконтролировать производство и систему управления им? Кому проще сделать шаг “от абстрактного к конкретному”?

Но ведь огромная масса рабочих России - свыше 50% - занята грубым ручным обезличивающим трудом. Примеры “карманных” СТК, профсоюзных придатков администрации, псевдопартии и т.д. указывают, что сохраняется по сей день теоретическое “преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения”. Сущность же сегодняшней социальной механики как раз и состоит в том, что недостаточно простой констатации такого неравенства. Наоборот, именно оно должно быть основным пунктом анализа и практики политических рабочих организаций.
Тони Клифф также указывает на проблему преодоления противоречия между умственным и физическим как одну из основных. Он пишет о необходимости “моста” между умственным и физическим трудом и полагает, что рабочий контроль за производством и есть этот “мост”.
Но в чем, собственно, дело, почему “недиалектики”, “механицисты” и им подобные так настойчиво посягают на основы привилегированного положения (в теории, “предвидении” и пр.) партаппаратчиков еще до захвата партией власти? Не является ли анархическим это желание “сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей”?

Что ж, если не посягать, то реальное противоречие “вытеснится” в уродливые формы, например, в форму “противостояния наций”. Именно о монополии на теорию лиц еврейской национальности говорили В. Буртник и Ю. Липатников на свердловской конференции “Политические формы национального возрождения” в августе 1988 года.

Произошло “недиалектическое расчленение” не партийной активности и активности масс, которую наши “авангардисты” понимают, кстати, весьма узколобо, если вообще понимают, а механистическое расчленение внутри пролетариата на интеллигентскую “прослойку” и рабочий класс как противостоящие социальные группы. Далее может следовать лишь констатация факта, что в силу обезличенного (абстрактного) труда рабочие не в состоянии принять участие в социальном творчестве, им необходим хорошо оплачиваемый аппарат профессионалов для грамотного выражения их собственных интересов. Тем самым на социализме заранее ставится крест.

Проблема не ограничивается тем, что интеллигенция, чье образование и квалификация оплачены за счет рабочих, не желают “взаимодействовать” с рабочими в отстаивании рабочих интересов.
Ренфри Кларк, австралийский социал-демократ (“зеленого” направления) как-то на вопрос, кто он по профессии, ответил: “Я профессиональный революционер”. Но само слово “авангард” - еще до попытки встать во главе движения, вызывает у рабочих неприязнь, как и любой человек, пытающийся показать, что он стоит “над”, что он “такой же, как все, только лучше” (Д. Хармс).

На какой путь, в таком случае, подбивают “революционеры” простого обывателя? Чтобы он лишился своей профессии. Если человек работает в аппарате, то работа отнимет не просто часть времени, например, для науки, а вообще все время. Об этом в 89-м говорили и прибалтийские демократы.
Один из типов обывателя - человек, замкнувшийся в своей профессии, “профессиональный кретин”, по выражению Маркса, бегущий от участия в политической жизни. Второй тип - “диалектическая противоположность” первого: уж если ученые, рабочие, профессионалы- специалисты не заняты политикой, то определенный социальный слой обязательно решит сделать политику своей профессией. История этого слоя слишком хорошо известна.

Отсюда нужно сделать еще один шаг к пониманию отношения между рабочим классом и интеллигенцией.
Вспомним, как это отношение видел Тони Клифф: в качестве моста между умственным и физическим должен быть рабочий контроль за производством. То есть, от тред-юнионистской постановки вопроса о контроле за частью сферы распределения - фонда оплаты труда - перейти к контролю за всеми фондами предприятия (фондом развития производства, соцкультбыта и оплаты труда, или фондами и потребления, и накопления). Вторая сторона дела - контроль за организацией производства, причем не только внутри одного предприятия, но и координация управления предприятиями, что в старых терминах означает создание рабочих Советов.

На самом деле речь здесь идет лишь об одной стороне отношения. Если формулировать противоречие между трудом и капиталом в вещной форме, то конечный интерес, цель установления контроля за производством - распределение конечного продукта, во-первых, и овладение функциями управления производством - во-вторых. Последнее есть уже специальная область, и это специализирование дало возможность для спекуляций на тему о том, что есть самостоятельные интересы производства и самостоятельные интересы производителей. Отсюда появляется повод заключить, что необходима профессионализация политика, передача власти компетентным и отстранение некомпетентных. Последнее социал-демократ И. Аверкиев формулирует следующим образом: “Основная масса населения совсем не должна принимать участия в политике, достаточно их голосования за профессионалов.”

Здесь интересы производства полагаются существующими самостоятельно от тех, в чьих интересах разворачивается само производство. Нет сомнений, что в основе этого разделения лежит мнение, что стоимость товара есть качество, имманентно присущее товару, как масса или заряд частице, а не является продуктом общественных отношений.

Но ведь и физика, биология, геология - также суть специализированные области общественного производства: в науке, по выражению Марса, нет ничего, кроме ее практического применения. Это общественное разделение труда - реальность, и волей неволей нужно признать, что необходима группа компетентных “отвлеченных” теоретиков, осуществляющих “государство, идущее навстречу пролетариату”, а не государство пролетариата. В будущем, говорит Маркс, естествознание включит в себя науку о человеке точно также, как наука о человеке включит в себя естествознание.
Но сегодня физики-твердотельщики едва-едва начинают понимать гравитационистов, а соединение физики и биологии происходит на весьма утилитарном уровне. Что касается медицины, то ее интересы далеки от физики даже в плане инвестирования. Действительно, история не состоит из одних революций, существуют периоды накопления многообразия для того, чтобы возникло единство на более высоком уровне. Общественные противоречия не вызрели, констатирует Буртник, следовательно, не вызрели и понятия для современного обществоведения, подобно тому, как при Аристотеле еще не вызрело понятие стоимости, что не позволило ему раскрыть “ту реальную субстанцию, в лоне которой они (дом и ложе, Б.И.) приравниваются друг к другу независимо от произвола субъекта...” (Э. Ильенков, “Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса, М., АН СССР 1960, стр. 65)

Следует ли отсюда, что нужно дожидаться, пока различие перейдет в противоположность, а отношение противоположностей обострится до противоречия? Для того, чтобы сделать такой вывод, надо сначала ответить на вопрос, что является источником движения от различия к противоположности, а затем к экзальтации отношения противоположностей, констатировать, что источником является все то же противоречие, и на этом анализ закончить. (А.Григорьев, “Диалектические противоречия эволюционного процесса”, Автореф. дисс., М., 1989)
Наоборот, от грубого абстрактного “капитализм развивает производительные силы” нужно перейти к тому, что развитие состоит не только в смене производственных отношений, но и в самих производительных силах содержится активный элемент развития.

Общественно-экономические формации, пишет Маркс в “Капитале”, различаются по способу соединения рабочей силы со средствами производства. Основным его моментом Маркс полагает отношение собственности, “непосредственное отношение собственников, условий и средств производства к непосредственным производителям - отношение, всякая данная форма которого каждый раз соответствует определенной ступени развития способа труда, а поэтому и определенной производительной силе последнего.” (т.25, Соч., стр.354)

В письме к Анненкову 1846 г. Маркс указывает, что отношения собственности трактуют в узком смысле, как отношение людей к вещам, что весьма ограниченно.
С. Грисюк справедливо отмечает, что от одной узкой трактовки совершен переход к другой, тоже узкой, где отношения собственности суть отношения между людьми по поводу вещей. (“Собственность, рынок, социализм”, Алма-Ата, КГПУ, 1990). Это сужение приводит к выводу, что для изменения производственных отношений необходимо изменить отношения собственности в надстройке. Тогда деятельность политической организации действительно сводится к роли “авангарда” в период разрешения общественного противоречия, сбрасывания консервативной формы производственных отношений, т.е. в период революции. В момент же, далекий от революционной ситуации, основное содержание деятельности не определено и выглядит как мистическая “подготовка пролетариата к революции”. Само создание политорганизации неестественно, хотя бы потому, что здесь отношение к пролетариату утилитарно, оно выхолащивает его участие в развитии способа труда, т.е. творческое начало в самом пролетариате. Естественно, что за эти должно следовать перенесение этого начала исключительно на класс капиталистов, а социальное творчество будет передано партиям.

Однако С. Грисюк не прав в том, что расширенная трактовка отношений собственности должна вернуть к прудоновской концепции: каждому по собственности. Грисюк цитирует высказывание Локка, что труд превращает вещь в чью-то собственность. Однако понимать это высказывание в смысле Прудона - значит урезать его, подменить отношение к предмету (вещи) тем же самым отношением между людьми по поводу вещей, отождествить производителя с капиталистом в смысле этой узкой трактовки. Значит, и не увидеть противоположности между двумя формами отношений собственности, между негативной

и конструктивной частями задачи пролетариата.
Мы видим, что наделение производства зоологическим свойством иметь собственные интересы с вытекающими отсюда социал-демократическим требованием особой группы компетентных управляющих, а с другой стороны, отождествление интереса капиталиста с интересом производителя с прудоновских позиций дает основу для философии социального партнерства. О чем честно пишет С. Грисюк, определяя свою расширенную трактовку отношений собственности как либеральную.

Еще раз вернемся к постановке проблемы Тони Клиффом: рабочий контроль за производством должен стать способом преодоления противоречия между умственным и физическим трудом. Ленин расширил задачу: социализм - это когда каждый после отработки шестичасового урока занимается государственной деятельностью ("Очередные задачи Советской власти"). В 86-м году в своем первом программном документе Союз Коммунистов - Пермский Рабочий Союз поставил промежуточной задачей вовлечение рабочих в управление производством и территорией.
Во всяком случае, конструирование аппарата новой компартии в течение 4-х лет, да еще подпольной, потеряло в глазах СК-ПРС актуальность. Тем более, что первые же легальные шаги убедили в том, что рост организации при общей пассивности не только поспособствует подавлению самостоятельного движения, но и поставит группу на роль Неуловимого Джона, который потому неуловим, что никому не нужен. Такую перспективу блестяще описывает Фолкнер: "Они (идеалисты, Б.И.) думают, что борются против Кларенса Сноупса. Вовсе нет. Перед ними совсем не отдельная личность и даже не определенная политическая ситуация: они разбивают себе голову о незыблемую скалу - основу нашего национального характера. Заключается она в предпосылке, что политика и политические институты не являются и никогда не являлись тем способом и средством, которым мы можем управлять своей страной мирно, достойно, честно и безопасно, но, наоборот, представляют собой национальное прибежище для тех бездарностей, которые провалились на всех других поприщах и нашли в политике занятие, обеспечивающее их и их семьи, в результате чего мы обязаны кормить, одевать и содержать этих политиканов на средства из своего собственного кошелька". ("Особняк")

Однако и вовлечение в управление оказывается узкой, абстрактной задачей, если она сформулирована отдельно, как основная. Основной же задачей (позитивной) остается реализация единого интереса рабочих как класса-для-себя - уничтожение рабочего класса. Тогда вовлечение в управление выступает как внешняя сторона, а проявление интереса в самом процессе труда - как внешняя сторона, на которые распадается позитивная задача. Уникальной областью специализации - управлением производства невозможно овладеть, не поставив перед собой задачу найти интерес в самом производстве.
В этом подходе расширенная трактовка отношений собственности не дает основной философии социального партнерства, напротив, усиливает его отрицание.
Невозможно бесконечно повторять общие места об отсталости технологий, об однообразном монотонном обезличивающем труде, который явился причиной волны забастовок в США в 60-е годы и привел к замене конвейерных систем, о свободном графике работы на некоторых французских предприятиях и т.п.
Один рабочий пермского предприятия "Промсвязь" высказал: "Создать рабочий профсоюз - можно. Понятно, что и без политической рабочей организации не обойтись. Но когда посмотришь на устаревшее оборудование, ничего не хочется. Никому ничего не нужно."

В III томе "Капитала" Маркс пишет, что задача состоит в уменьшении доли необходимого труда до исчезающе малой величины. Однако как же быть дальше с этой малой долей общественно необходимого труда, которая в принципе может закабалить человека не меньше, чем большая? Энгельс предлагает перемену труда (тачечник меняется с архитектором). На самом деле задача (не прошлого столетия, а сегодняшнего дня) состоит в изменении самого необходимого труда.
Мечту о бегстве из царства старой необходимости по-своему сформулировал бывший член политобъединения "Рабочий", рабочий магнитогорского "Метиза" В. Палагичев: "Профсоюзы, политика ... это все правильно ... да не о том. А нужно мне было, когда была возможность, получить образование ..."

На сегодняшний день потребность к “бегству” во всеобщей форме не проявлена. Иначе бы шла непрерывная генерация рабочих политгрупп. В период “табачного” бунта в Перми И. Аверкиев заметил: “Удивительно, что во всех таких событиях продолжать дело остаются в течение многих лет одни и те же люди ...”
В статье “Интеллигенция и рабочий класс в 1917 г.” Давид Мандель приводит выдержку из обзора В.Полонского русской публицистики:
“... До последнего времени преобладающим типом интеллигента был интеллигент-народник, доброжелатель, сочувственно воздыхающий о тяжелой доле “меньшего брата”. Нынче - увы! - этот тип является анахронизмом. На смену ему является интеллигент-злопыхатель, враждебно настроенный к мужику, к рабочему, ко всей трудовой темной массе.
“Нынешние” уже не стремятся, как прежние, засыпать какую-то пропасть, отделявшую их от мужика. Напротив, они хотят резкой и непереходимой чертой от мужика отделиться ...” (“Альтернативы”, М., вып.3, 1993).
Д. Мандель указывает на нежелание интеллигенции участвовать в рабочем движении, нехватку “кадров” (цитируется П. Г. Шляпников). Более того, пишет Мандель, негативное отношение интеллигенции к Октябрю послужило одной из причин укрепления сталинизма в России (Мандель ошибся – не к Октябрю, к нему-то как раз отношение было чудесное, а к нарастающему сталинизму). Вероятно, поводом для написания статьи Манделю послужили события последних лет в двух российских столицах. В провинции же интеллигенция, ее подавляющая масса, не затронута политическими движениями вообще. Судя по высказываниям многих ученых Перми, Челябинска, Свердловска, научная интеллигенция и рада была бы принять участие в каком-либо конструктивном движении. Но совершенно точно, что она не воспримет никакие идеи в народническом духе.

Естественно, что пассивность рабочих может вызвать стремление апеллировать к интеллигенции. Но вряд ли Д. Манделя и многих других можно упрекнуть в непонимании того, что рабочее движение должно быть самостоятельным. Что же может тогда побудить к активности рабочих? Резкое снижение жизненного уровня? И современные “авангардисты” с обескураживающей настойчивостью дожидаются общего экономического кризиса, как будто вещная форма противоречия может произвести что-либо иное, чем буфер между трудом и капиталом или хотя бы вывести за рамки экономической борьбы.
Эрнст Мандель заканчивает свою книгу “Власть и деньги” словами Маркса: “Последнее слово по-прежнему принадлежит Карлу Марксу: “Бюрократия может быть вытеснена лишь тогда, когда всеобщий интерес становится частным интересом в действительности, а не просто в мыслях, в абстракции...”
В том-то и беда, что слишком многие хотят, чтобы за рабочих думал Карл Маркс, а не того, что Маркс хотел: самостоятельного мышления рабочего. До тех пор, пока потребность в самостоятельном мышлении, в творческом “интеллигентском” труде не станет всеобщей, интересы “общества в целом” будут игнорироваться. Бюрократия может быть вытеснена лишь тогда, когда частный интерес в творческом труде станет всеобщим.

Февраль - март 1994, Пермь